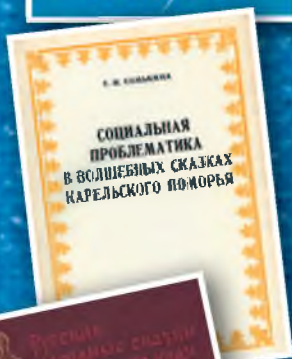

СЕНЬКИНА Татьяна Ивановна

(18.03.1945, г. Беломорск – 12.02.1993, г. Петрозаводск) – известный карельский фольклорист, кандидат филологических наук. В Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН работала с 1968 года, с 1989 – в должности старшего научного сотрудника. Автор 40 научных трудов, в том числе двух монографий: «Социальная проблематика в волшебных сказках Карельского Поморья» (1980); «Русская сказка Карелии» (1988); книги «Лад да совет. Сказительница А. М. Пашкова» (1992). В соавторстве с А. П. Разумовой подготовила три сборника сказок: «Русские народные сказки Карельского Поморья» (1974); «Русские народные сказки Пудожского края» (1982); «Поморские сказки» (1987). Под девичьей фамилией – Кожевникова – публиковала в периодической печати лирические стихи. Ее произведения вошли в коллективные сборники: «Синий меридиан» (1968); «Все начинается с рассвета» (2005); «Ученые поздравляют, рифмуют, размышляют» (2006), в антологию поэзии Карелии «Дерево жизни» (2009).

Т. И. Сенькина

ЗАБЫТЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ
КАРЕЛИИ

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

Т. И. Сенькина

**ЗАБЫТЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ КАРЕЛИИ**

Очерки и материалы

Петрозаводск
2012

УДК 398(470.22)
ББК 82.3(2Рос=Рус)(2Рос.Кар)
С31

Научный редактор
доктор филологических наук Е. И. МАРКОВА

Рецензенты:
доктор филологических наук Э. Г. КАРХУ
кандидат филологических наук Т. И. СТАРШОВА

Сенькина Т. И.

С31 Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии. Очерки и материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 218 с.

ISBN 978-5-9274-0499-5

Последняя книга замечательного карельского фольклориста Т. И. Сенькиной (1945—1993) посвящена исследованию фольклористики Карелии 30—50-х годов XX века. Исходя из принципов диалогической антропологии, она рассматривает плодотворный союз ученого А. Н. Нечаева и сказителя М. М. Коргуева, псевдосотрудничество фольклористов и сказителей 30-х годов при создании новин, диалог русских и финно-угорских национальных традиций в системе народной культуры Европейского Севера России.

Исследовательница размышляет о судьбах фольклористов и краеведов, о сохранности их коллекций, а также о собрании севернорусских рукописных и старопечатных текстов. Ею введены в научный оборот неизвестные письма как сказителей и исследователей Карелии, так и знаменитых ученых В. Я. Проппа, Н. Е. Ончукова и др.

УДК 398(470.22)
ББК 82.3(2Рос=Рус)(2Рос.Кар)

ISBN 978-5-9274-0499-5

© Карельский научный центр РАН, 2012
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2012

ТАТЬЯНА, РУССКАЯ ДУШОЮ...

Есть биография у снега,
неповторимая, своя...
Водою был он на Онего,
дышал прохладою ручья.
Был падуном — седым, могучим...
Не знал, что значит смерти страх,
но поцелуем нежно-звучным
растаял на моих губах¹.

Так писала в свои 14 лет Татьяна Кожевникова, еще не зная, что сама снегурочкой растает в холодный февраль тысяча девятьсот девяносто третьего, не завершив свой четвертый цикл: 18 марта того года ей исполнилось бы сорок восемь.

В миг прощания небо порозовело, попрощалось с ней солнышко, с такой жизнелюбивой, такой обаятельной и, казалось, такой счастливой...

Родилась она в победном сорок пятом и по жизни долгое время ощущала себя победительницей. «Все мои мечты сбываются», — сказала она однажды, глядя на чудесные иллюстрации Тамары Юфа к книге «Поморские сказки», подготовленной ею к изданию совместно с А. П. Разумовой. Воистину под волшебной кистью «выметанной» ею художницы ожили сказочные герои из ее далекого беломорского детства.

С 1955 года Татьяна — петрозаводчанка. Хорошая ученица, активистка, юная поэтесса. Естественно, поступает на историко-

¹ Кожевникова Т. Между мной и тобой снежный лист... (стихи) // Север. 2005. № 11 – 12. С. 128 – 129.

филологический факультет Петрозаводского университета, где ее сразу замечают. Приезжает в столицу Карелии необыкновенно популярный тогда поэт Роберт Рождественский: юность петрозаводскую вспомнить, друзей-стихотворцев навестить. Кто будет его приветствовать? Какие могут быть вопросы... — Таня. Где-то через двадцать лет ее пригласят на встречу с Евгением Евтушенко. Кого же еще?!..

Курс фольклора был одним из любимейших у студентов-филологов, потому что его блестяще читала профессор И. П. Лупанова. Ирина Петровна была ученицей выдающегося ученого Владимира Яковлевича Проппа. Она прививала уважение к трудам своего наставника, требовала обязательного знания монографии «Русский героический эпос» (другие его книги были в Петрозаводске в одном-двух экземплярах).

Поэтому-то, когда Татьяна вышла замуж за Владимира Ивановича Сенькина, учившегося в ленинградской аспирантуре, и переехала в Ленинградский университет, она не раздумывала над тем, какой семинар выбрать. Конечно, она будет заниматься у В. Я. Проппа, конечно, она будет писать курсовую работу по сказке.

Поскольку Владимир Яковлевич занемог, то руководство ее дипломной работой перепоручил своей ученице В. И. Ереминой. По окончании ею университета супруги Сенькины решили вернуться в Петрозаводск. Татьяна Ивановна посоветовалась с Владимиром Яковлевичем относительно своего будущего. «Надо идти в филиал. Там великолепный Научный архив, такое богатое собрание фольклорных записей», — сказал учитель.

Она послушалась, и ей повезло. В 1968 году Татьяну Ивановну Сенькину зачислили в штат Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (ныне Карельского научного центра РАН). Занимала она скромную должность лаборанта, и опять ей повезло: ее определили в помощники к опытному фольклористу, известному собирателю Александре Павловне Разумовой (1911 — 2004), вместе с которой она подготовила свою первую книгу «Русские народные сказки Карельского Поморья» (1974). Родного Поморья! Только туда она ездила уже как собиратель. Из богатейшего собрания сказок отбирала те, что достойно представляют поморскую традицию, составляла комментарий.

Сказки Матвея Михайловича Коргуева здесь не публикуются, но имя известного сказочника звучит и во вступительной статье Александры Павловны Разумовой, и в совместных комментариях. Главный научный «роман» Татьяны Ивановны еще не начался, но исследовательница уже живет его предчувствием.

Где сказка — там и чудо. В жизни тоже было много чудесного: родила дочку Наташу (1970), поступила в аспирантуру Петрозаводского университета по специальности «фольклористика» (1971 — 1974). Ирина Петровна стала ее научным руководителем. У нее в то время училась и я. Так мы с Таней и подружились.

Что вспомнить о наших молодых беседах? Рассуждали на темы своих диссертаций. Помню, как Таня спешила к дочке, которую часто нянчили мама и сестра. Помню, как ранним июньским утром она ездила в питомник, чтобы срезали самые свежие и самые красивые розы, которые мы подарили Ирине Петровне в день рождения.

И, конечно, запомнился июнь 1974-го. Академик Д. С. Лихачев и не один — весь его сектор древнерусской литературы — участвует в университетской научной конференции. Навсегда запомнились и доклад Д. С. Лихачева с его идеей соотнесенности стиля письма и поведения Ивана Грозного, особенно поразивший нас доклад о юродстве А. М. Панченко, параллель Андрей Денисов — Николай Ключев в докладе В. Г. Базанова. Это ли не событие для петрозаводчан! У Татьяны был и свой интерес. Приехала ее однокурсница — дочь известного поэта Всеволода Рождественского, сотрудница этого сектора. Насыщенные, навсегда запомнившиеся дни!

В 1975 году Татьяна Ивановна защитила кандидатскую диссертацию, материал которой лег в основу ее первой монографии «Социальная проблематика в волшебных сказках Поморья» (1980). К работе своей относилась критически: нелегко она ей далась. Никак не могла перейти от уже устоявшейся привычки комментировать текст к его анализу. И все же искренне обрадовалась, когда в обзоре исследований по фольклору обнаружила добрые слова в адрес своего исследования: было отмечено, что социальная проблематика, сатирическая направленность, характерная при изучении бытовой сказки, получила должное освещение при анализе волшебной сказки.

Ни одного лета не проходило без экспедиций. Татьяна Ивановна любила повторять слова Александры Павловны: «Все наши монографии рано или поздно устареют, а записанный нами материал вечен». И она записывала, записывала... Подготовила в соавторстве с А. П. Разумовой сборник «Русские народные сказки Пудожского края» (1982). Если в Поморье самым ярким сказочником был М. М. Коргуев (1883—1943), то в Пудожье особенно славилась Анна Михайловна Пашкова (1866—1948). Ей Татьяна Ивановна посвятила научно-популярную книгу «Лад да совет. Сказительница А. М. Пашкова» (1992).

Вновь наши пути пересеклись, когда я пришла в 1984 году на работу в ИЯЛИ. Татьяна Ивановна тогда работала над монографией «Русская сказка Карелии» (1988), шутила: «Что можно нового открыть? Пропп о сказке всё написал».

И В. Я. Пропп написал, и Е. М. Мелетинский написал, и... список длинный. И в то же время сказка была так дорога ей, она еще здравствовала в живой народной традиции. Татьяне Ивановне даже хотелось озаглавить книгу «Жила-была сказка...».

Она нашла-таки свой путь. Карелия как «страна классического фольклора» известна своими былинами, их собиранию и изучению уделяли внимание известнейшие фольклористы. Сказки, считавшиеся повсеместно распространенным жанром, особого внимания в Олонецком крае не удостаивались, хотя еще П. Н. Рыбниковым была подмечена связь русской сказки Карелии с былиной. Впоследствии на этом заострил внимание М. К. Азадовский, подчеркнувший, что «...дело не только в тех или иных отражениях в сказочном стиле поэтики былины, **но в тесной, неразрывной связи двух этих жанров**»¹. Последние слова у Татьяны Ивановны выделены жирным шрифтом. Сказки о русских богатырях есть далеко не в каждом регионе. Она стала их изучать. В числе «монументалистов», конечно, М. М. Коргуев — первый. Его сказки одна за другой становятся предметом ее анализа.

В это время в науке началось интенсивное исследование межэтнических связей на самых различных уровнях деятельности.

¹ Азадовский М. К. Русские сказочники // Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960. С. 17. Цит. по: Сенькина Т. И. Русская сказка Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 66.

В Карелии, где русские проживают бок о бок с представителями трех прибалтийско-финских народов: карелов, вепсов и финнов, обойти эту тему невозможно, тем более что «...ряд русских сказочников Карелии, особенно из Поморья, являются потомками от смешанных браков русских с карелами. Яркий пример тому — замечательный русский сказочник-помор М. М. Коргуев»¹. Опять его тексты становятся предметом анализа.

В поле зрения Татьяны Ивановны была еще одна проблема: народная сказка и книжная традиция. Матвей Михайлович Коргуев обогатил свое творчество рядом мотивов и образов, идущих от литературной традиции, что не раз демонстрировала исследовательница².

Разумеется, Т. И. Сенькина привлекала в своих работах большой и разнообразный материал, но в биографическом очерке мне особенно хочется выделить ее «роман» с поморским сказочником, которому как нельзя лучше удавались женские образы. Знал бы Татьяну Ивановну — и о ней бы сказку рассказал.

Не совпали они во времени — не успели познакомиться. А вот с Александром Николаевичем Нечаевым (1902 — 1986), фольклористом и сказочником, которому судьбой было дано открыть ученому миру и рядовому читателю Коргуева, она познакомилась лично — свиделась чуть ли не накануне его кончины.

Знаменитые издания А. Н. Нечаева «Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым» (1938), «Сказки Карельского Беломорья» (1939), давно ставшие библиографической редкостью, решено было подготовить к переизданию. Этот труд взяла на себя Т. И. Сенькина.

Благодаря тому, что фольклорист был сам из поморов, он сумел донести до читателя звучание монументальной поморской сказки на ее родном диалекте. Записав от Коргуева свыше 120 сказок, Нечаев понял, что сказка приобретает в его исполнении эпическое звучание благодаря введению в традиционную сказочную схему новых мотивов из других сказок, появлению новых эпизодов, контаминации целых сюжетов и, наконец, созданию оригинальных композиций путем соединения традиционных мотивов с новыми.

¹ Сенькина Т. И. Русская сказка Карелии. С. 115.

² Сенькина Т. И. Сказочник М. М. Коргуев (о двух особенностях исполнительской манеры) // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1988. С. 60 — 70.

Работая над переизданием сказок М. М. Коргуева, Татьяна Ивановна занималась текстологической правкой текстов, расширением и уточнением комментария к ним. Во вступительной статье к подготовленному собранию «Сказки М. М. Коргуева. Переиздание сборника А. Н. Нечаева» она указала на взаимосвязь поморской сказки с карельской сказкой, с книжной традицией. И, конечно, она стремилась осмыслить судьбу сказочника. Заинтересовала исследовательницу и личность своего предшественника. Когда они встретились, Александр Николаевич был уже очень слаб, поэтому давно не сиживал за своим рабочим столом, о чем красноречиво свидетельствовал слой пыли. Что-то, как рассказывала впоследствии Татьяна Ивановна, будто толкнуло ее, и, незаметно водя пальцем по пыльной столешнице, она написала на ней свой адрес. Приводя кабинет в порядок, жена ученого переписала его и, когда фольклориста-сказочника не стало, написала Татьяне Ивановне, как дорога была мужу встреча с ней. Ушел убежденным, что труд его не пропал...

Однако издательства постсоветского периода не рискуют взять на себя бремя издания фундаментального труда. Очень сложно и очень дорого. Так рукопись и лежит на полке Научного архива Карельского научного центра РАН и ждет своего часа...

Замысел последней книги — «Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии» — возник как реакция на издание «Истории литературы Карелии» в трех томах (1994, 1997, 2000). Два тома посвящены исследованию литературы, созданной на четырех языках народов республики, первый том — карельскому и ингерманландскому фольклору. Естественно, уже в ходе работы над «Историей...» возник вопрос, почему русский фольклор остался за пределами издания. Заведующий сектором литературы Э. Г. Карху объяснил, что русский фольклор Карелии настолько широко известен, что ни одно исследование общерусской традиции не обходится без опоры на его тексты, что о былинах и причитаниях писано-переписано и какими учеными... И главное: никто из сотрудников сектора фольклора не берется за эту неподъемную ношу. В общем, решили ограничиться маленькой главкой в III томе, которую поручили написать автору этих строк.

Т. И. Сенькина решилась. Кто-то должен сказать слово в защиту русского фольклора Карелии. Едва взялась за работу, поняла, насколько она неисчерпаема: П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг, Е. В. Барсов... Это — собиратели. А носители фольклора! Один сказитель ярче другого! А жанровая палитра! А дискуссии исследователей! Утонешь — не выплывешь! И решила взять за основу начало советского периода: зарождение академической фольклористики в Карелии.

1930-е годы привлекли исследовательницу в силу ее постоянного интереса к литературе Карелии, которая тогда по-настоящему заявила о себе. Анализируя литературную продукцию тех лет, я не могла обойти творчество сказителей, новины которых публиковались в литературно-художественных альманахах наряду со стихами и рассказами. Нескольких сказителей, в том числе М. М. Коргуева, приняли в Союз писателей СССР. Объединила «писательские» сочинения сказителей в некую книгу и попыталась реконструировать ее замысел, о чем и доложила на конференции 1987 года в Петрозаводской консерватории имени А. К. Глазунова.

Татьяна Ивановна, заинтересовавшись моей работой, решила вернуться к этой, казалось, навсегда вычеркнутой из истории русского фольклора странице. Обнаружила в архиве материалы, указывавшие на активное сотрудничество фольклористов и сказителей, и приступила к тщательному исследованию этой проблематики. Абсолютно разные статьи, посвященные интерпретации одного и того же материала, мы опубликовали в один год¹.

Татьяна Ивановна с большим уважением относилась к трудам финских фольклористов, не раз была в Финляндии, где занималась в Славянской библиотеке, выступала на конгрессе, симпозиумах. Идеи Лаури Хонка по диалогической антропологии как нельзя лучше проецируются на эту книгу. Действительно, фольклор как система — это не только сумма вариантов сюжетов и жанров, это и сказитель, который продуцирует благодаря слушателям и собирателям. Последние в своей работе идут не только от диалога с носителями традиционной культуры, но и от понимания

¹ Маркова Е. И. Вина и вера // Мария: Лит. альманах. Петрозаводск, 1990. С. 235–248; Сенькина Т. И. Забытая страница из истории русской фольклористики (30–40-е годы XX века) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 125–140.

задач современной науки и социального заказа эпохи. Все это и попыталась показать Татьяна Ивановна в этой книге, не изданной вовремя по причине кончины исследовательницы и, конечно, отсутствия средств на издание. Первичной работе над рукописью мы обязаны ее дочери Наталье Владимировне Лезиной.

Что еще сказать об этой работе? Конечно, избранный Т. И. Сенькиной для изучения период немислим без фигуры М. М. Коргуева. К ней, к Татьянушке, все время плыл его сказочный корабль, полный чудесных словес...

Писались стихи. К ним поэтесса (подписывала она их девичьей фамилией — Кожевникова) относилась небрежно. Что-то публиковала, что-то нет. Если просили прочесть, то с удовольствием исполняла просьбу.

Сопровождал меня домой
в ту ночь печальный снег.

Печали было много. Начавшейся в стране перестройке поначалу обрадовалась, но когда разразился шквал обвинений в адрес конкретных лиц и всей советской истории, растерялась. Не могла слить в единое целое свою привычную систему представлений с новыми знаниями о времени. Обижалась за свекра. Иван Ильич Сенькин (1915—1986) был первым секретарем Карельского обкома КПСС. Сейчас ему поставили памятник, посвятили книгу, тогда же и ему досталось на орехи. «Он же — труженик. Работает с утра до ночи. Приедет из района — сапоги грязнущие», — защищала его невестка.

У самой здоровье резко ухудшилось: душила астма. В 1992 году в июне — большая радость с бедой пополам. Наташа родила двойню — Свята и Севу¹. Сама же заболела, долгое время ее состояние было тревожным. К счастью, обошлось...

В один из наших вечеров мы шли по зимнему Петрозаводску, посветлевшему от падающего снега, так любимого Таней. Коллега Нина Николаевна Мамонтова даже нарисовала ее портрет, будто сотканный из снежинок. На плечи она любила набрасывать шаль — снежинку-паутинку... Теперь вот лишнюю минутку

¹ Обоих мальчиков можно увидеть в фильме А. Рогожкина «Кукушка». Всеволода, увы, уже нет. Осенью 2010 года несчастный случай оборвал его юную жизнь...

не погуляешь — дышать нечем. Все же она улыбалась, смеялась.
Знала, что свет исходит не только от снега...

Белый стих, белый сад, белый снег.
Белой кипенью залит весь свет.

Только что мне поделать с собой:
белый снег для меня — голубой...

На ладонь снежных слов из письма
сыплет мне голубая зима.

В нем страна, что понятна двоим:
«Не забудь, место встречи — Усть-Вымь».

Но в Усть-Выме метель и пурга,
А у нас — голубые снега.

Распростерся, огромен и чист,
от тебя до меня — снежный лист.

Е. И. Маркова

ВВЕДЕНИЕ

Истории собирания и изучения русского фольклора Карелии в большем или меньшем объеме посвятили свои исследования почти все известные фольклористы XX века, соприкасавшиеся в научных интересах с фольклорным материалом этой северной территории России. Более того, в начале 1940-х годов в Институте языка, литературы и истории планировалось начать работу над многотомным исследованием по истории фольклора Карелии, которое «может послужить материалом или одной из подготовительных стадий для истории культуры». Об этом, в частности, сообщает в письме, адресованном директору института В. И. Машезерскому, заведующий сектором фольклора А. Д. Соймонов из Ленинграда. Находясь в командировке, он вел активную работу по привлечению ведущих специалистов по фольклору к работе над этой темой. Вот что он пишет: «Беседовал с Азадовским, Андреевым, Астаховой, Лозановой. Идея написания истории фольклора КФ ССР, в основном, была принята хорошо. Главное то, что, в сущности, она никого не напугала особенно. В итоге, вечером того же дня и утром следующего я начал продумывать план. Когда я учел всех лиц, которых можно привлечь к работе, объем и сроки, то у меня получился очень конкретный и ясный план первых двух томов. Оказывается, ничего ужасного нет в осуществлении такой работы. План этот пока только для вас я посылаю письмом. На праздниках иду конкретно и окончательно беседовать с профессором Андреевым и Азадовским. Надеюсь, они согласятся возглавить это дело, как редакторы, и тогда все обеспечено». В письме сообщается о намерении А. Д. Соймонова привлечь к работе над историей фольклора КФ ССР талантливого ученого, хо-

рошо знакомого с фольклорным архивом ИЯЛИ В. Я. Проппа. А. Д. Соимонов неоднократно подчеркивает актуальность данной темы для науки, чтобы убедить директора включить ее в план работы института¹.

Каждое время имеет свою историю. Поэтому исследователь, касаясь проблем истории фольклористики, рассматривал их в интересующем его аспекте. Несомненно, что на характер и стиль изложения материала накладывала отпечаток идеологическая политика государства. По этой причине в разные периоды исторического времени в освещении истории собирания и изучения русского фольклора Карелии волей-неволей образовывались «белые пятна». Из этих соображений исследователь считал своим долгом дополнить изучаемый вопрос новыми сведениями и по мере возможности сделать в данной области своеобразные открытия.

Такую задачу поставила перед собой и автор данной работы. Признаться, поиски были долгими. Испробовано несколько вариантов исследования. По жанрам: былины, сказки, причитания, обрядовая поэзия, малые жанры. Значение наиболее выдающихся исследователей в изучении и собирании русского фольклора Карелии: Рыбников, Гильфердинг, Барсов, Ончуков, бр. Соколовы, Астахова, Азадовский, Базанов, Чистов и др. Хронологический — от открытия «Исландии русского эпоса» до современного состояния фольклорной традиции Карелии. К сожалению, почти все варианты оказались уязвимыми из-за возможных повторов или невозможности охвата обширного фольклорного материала, являющегося значительной частью общерусского фольклорного достояния, особенно если учесть, что была запланирована небольшая по объему и срокам выполнения работа. В ходе изучения документов, хранящихся в научном архиве Карельского научного центра и непосредственно относящихся к исследуемой проблеме, выяснилось, что многие из них не были еще использованы в научных целях, тогда как они могли бы пролить свет на некоторые вопросы в истории русской фольклористики Карелии, связанные с началом деятельности первого в Карелии научно-исследовательского института, формирования научных кадров в области фолькло-

¹ Архив Карельского научного центра. Ф. 1, оп. 3, № 242 (в дальнейшем — АKNЦ).

ристики, условиями, в которые были поставлены исследователи. Фольклорный архив Карельского научного центра давно и заслуженно пользуется большим авторитетом и популярностью далеко за пределами республики. По счастливому стечению обстоятельств в архиве сохранилась документация первых лет существования института, представляющая собой индивидуальные планы научной работы сотрудников, рекомендации, распоряжения, личная переписка фольклористов с дирекцией института. Многие уникальные документы оказались в научном архиве, на мой взгляд, благодаря жесточайшему распоряжению администрации института.

Приказ № 72

по Карельскому научно-исследовательскому институту культуры
от 25 августа 1937 г.

Воспрещаю вести служебную переписку отдельным сотрудникам Института без ведома дирекции Института и руководителя группы или сектора, а равно заводить отдельные архивные дела. Хранение документов и дел осуществляется Управлением института. Зам. директора КНИИК Машезерский¹.

Неизвестные архивные материалы и легли в основу настоящего исследования. Хронологические рамки очерчены 30—50-ми годами XX столетия. Это время представляется интересным по ряду причин. Оно полностью относится к так называемому сталинскому периоду в истории страны, когда отношение к некоторым проблемам фольклора было то со знаком плюс, то со знаком минус. История фольклористики Карелии обозначенного периода является частью научной, духовной и культурной жизни Карелии.

Современное понимание фольклора как «службы информации в культуре», требующее междисциплинарного принципа исследования, который включает в себя помимо фольклористики этнологию, культурную антропологию, науку о религии, заставляло искать в работе по истории фольклористики Карелии освещения проблем, важных для современного понимания фольклора. Очень четко сформулировала его О. Э. Балалаева в своей кандидатской диссертации «Финская фольклористика. (Традиции и современ-

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 227.

ные тенденции)». «Из жестко канонизированного исследования выросла современная модель — разомкнутая система, в которой свободно размещаются собственно фольклористические методы и подходы, заимствованные из сопредельных дисциплин. Логика науки о фольклоре, раскрывающая истоки и пути развития сокровищницы человеческой культуры, требует широкого междисциплинарного подхода к рассмотрению фольклорных процессов в их многосторонних связях с развитием общества и взаимодействием социума с природой. Фольклористика занимает вообще особое место, как наука об устной традиции, поскольку вербализация ментальных структур, в которых заключается универсальный механизм порождения традиции, происходит именно через фольклор. Здесь пересекаются магистральные линии развития антропологии, психологии, социологии, литературоведения, эстетики и ряда других наук, призванных изучать разнонаправленные векторы мировой культуры»¹.

Методологически значимыми для данной работы являются принципы диалогической антропологии, сформулированные финским фольклористом профессором Лаури Хонко в его публикациях и в лекциях, которые мне довелось услышать² на интернациональных курсах по изучению фольклора и традиционной культуры (август 1991 года, Финляндия, г. Турку). Основной темой курсов был современный фольклорный процесс.

В современной фольклористике значительно изменилось общее представление о фольклоре. Как справедливо считает профессор Лаури Хонко, это обычное явление, потому что каждая эпоха придает свой смысл основным понятиям, одновременно развивая новые методы исследования. Однако перемены в области гуманитарных наук, как правило, происходят очень медленно, так как для созревания новых идей, для их воплощения в практику требуется значительное время, тем более что старые понятия, постепенно изживая себя, продолжают давать весомые результаты.

¹ Балалаева О. Э. Финская фольклористика. (Традиции и современные тенденции): Канд. дис. Рукопись. 1992.

² На материал лекций ссылок не делаю, привожу цитаты по собственным записям.

Для осмысления происходящих в современной народной культуре процессов ученый предлагает спросить себя, чем современный взгляд на фольклор отличается от того, который преобладал примерно лет пятьдесят тому назад и соответственно был усвоен большинством современных исследователей.

Одна из основных перемен связана, по его мнению, с изменением отношения к информанту. Если в прошлом носителями фольклорного наследия, как правило, были неграмотные крестьяне, то в настоящее время это вполне образованные люди.

«Народ уже не является тем таинственным источником традиций, его место заняли группы с определенным социальным статусом, профессией, этнической принадлежностью, религией, местожительством и т. д.» Нация, по его мнению, также является одной из таких групп.

Исходя из этих посылок, профессор Л. Хонко приходит к следующему выводу: фольклор — естественный, даже крайне необходимый элемент жизни каждой микро- и макрогруппы.

Члены группы могут не знать друг друга, но они в большей или меньшей степени ознакомлены с общим фондом традиций, его ценностями, нормами и символами. Знакомство с общей традицией — верный критерий отбора для группы.

Соответственно фольклор становится, с одной стороны, посредником, удерживающим группу вместе, с другой — приобщает ее к мировым воззрениям и процессам.

Фольклор перестает быть исчезающим реликтом прошлого, его, по выражению ученого, «постепенно выводят на свет». Новая перспектива обещает расширить рамки фольклора настолько, что старое понятие фольклора как системы жанров постепенно исчезнет. Л. Хонко говорит о пропасти, «которую современному фольклористу, набравшись храбрости, необходимо перепрыгнуть, если он не хочет ограничить свои исследования историческим характером архивных материалов, предоставленных ему в качестве фольклора предыдущими поколениями исследователей, или если он не хочет, чтобы его заставили руководить сбором статистических данных среди проявлений культуры, начисто лишенной взаимных связей».

В отличие от исследователей народных традиций XIX века, которые «искали послания древнего мира в архивах человеческой памяти», современные фольклористы стараются дополнить мате-

риалы сведениями, основанными на жизненном опыте. Многие компоненты культуры никогда не были документально признаны, потому что в науке бытовало мнение, что они не представляют интереса. Смена ракурса с «нации» на «группу» позволяет подойти к изучению функционирующих традиционных систем. Те или иные образцы являются продуктом не только традиции как таковой, но и самой системы, которая их использует и контролирует; не изучив последнюю, невозможно говорить о наличии традиции. Л. Хонко считает, что система существует благодаря не только самому фольклору, но и людям, создающим, использующим и сохраняющим его, поэтому так важны современные полевые исследования. Новое направление «диалогическая антропология» корреспондирует с основными задачами фольклористики, подходы, предлагаемые диалогической антропологией, способствуют поддержанию спонтанного изложения и самовыражения, подкрепляют авторитет информанта как толкователя своей культуры, как соисследователя. Необходимо информанту — соисследователю высказывать свои мысли по поводу результатов анализа, таким образом влияя на них своим одобрением или отрицанием.

Фольклорный процесс, по мнению ученого, включает и такое понятие, как «вторая жизнь фольклора». Это возрождение забытых традиций в форме концертов, народных гуляний, праздников. Л. Хонко напоминает о сверхкритическом отношении ряда ученых к такой якобы не свойственной самой природе устной традиции форме возрождения фольклора. Эти ученые, по его мнению, не в состоянии понять, что послание из далекого прошлого может дойти до глубины сердца слушателя даже через концерт. Традиционная культура легче воспринимается в качестве противовеса искусству и высокой культуре. В пропаганде народной культуры значим и туризм.

Автор приходит к выводу, что фольклор будет удерживать свое могущество как общий язык культур, осознающих свое различие, противопоставляющих себя так называемой гегемонии индустриальных форм культуры¹.

¹ Honko L. The folklore process // Folklore fellows' Summer school. Turku, 1991. P. 25 — 47; Idem. A Hundred year of Finish Folklore Research a Reappraisal // Folklore. London, 1979.

В настоящей работе делается попытка подойти к изучению некоторых вопросов из истории фольклористики Карелии с точки зрения понимания фольклора как службы информации в культуре, которая сложно и многообразно связана со средой и интересами носителей данной культуры, с повышенным вниманием к социально-культурному подтексту и контексту.

ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ КАРЕЛИИ В XIX ВЕКЕ (краткая характеристика)

Карелия является уникальным местом, где с незапамятных времен тесно переплетались две богатейшие устные народные традиции — русская и карельская. Но по ряду обстоятельств они всегда изучались отдельно, лишь в некоторых случаях обращалось внимание на взаимопроницаемость этих культур.

Впервые на огромную ценность собирания и изучения русского фольклора Карелии обратил внимание С. А. Раевский, друг и соратник М. Ю. Лермонтова, сосланный в Олонецкую губернию за распространение его стихотворения «На смерть поэта». В статье «О простонародной литературе», опубликованной в 1838 году в «Олонецких губернских ведомостях», С. А. Раевский выдвинул целую программу собирания фольклора. В ней подчеркивалась уникальность памятников устного народного творчества, которые, «легко может случиться, сохранились только в Олонецкой губернии или вовсе не существовали в других». Кратковременность пребывания С. А. Раевского в Петрозаводске не позволила ему претворить в жизнь выдвинутую им в этой статье научную программу собирания фольклора. «Известно, какую исключительную роль сыграла Карелия в истории собирания и изучения русского фольклора в прошлом, — писала известный советский фольклорист А. М. Астахова. — Когда с середины XIX века начинается большая собирательская работа в области народного творчества на территории нынешней Карело-Финской ССР, в бывшем Олонецком крае обнаружены были, еще в 60—70-е годы XIX века, огромные богатства русского богатырского эпоса и старшей исто-

рической песни. Эти ранние записи П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга показали обществу и ученым русскую эпическую поэзию в гораздо лучшей сохранности, в значительно большем количестве сюжетов и вариантов, чем собрание середины XIX века Киреевского из средней России. После Рыбникова и Гильфердинга, Олонецкий край, прозванный „Исландией русского эпоса“, в течение всех последующих лет продолжал притягивать к себе внимание ученых и любителей эпической старины. Сюда в 80-х годах XIX века приезжали известный этнограф В. Харузина, молодой Шахматов, Истомин, музыкант Дютш, в 1900-е годы ученики Вс. Миллера — Григорьев и Марков, в те же годы здесь производили записи и краеведы-любители Шайжин, Лесков и др.» А. М. Астахова пишет об огромной роли сказителей Карелии, которые познакомили русское общество и ученый мир с живым эпическим творчеством. «Приезды выдающихся сказителей Заонежья — Т. Г. Рябинина, И. А. Касьянова — в Петербург, общение Л. Н. Толстого с В. П. Щеголенком, выступление И. Т. Рябинина в обеих столицах и в ряде других городов России, его известное путешествие к южным славянам, исполнение И. Федосовой былин на Нижегородской ярмарке в 1890-е годы — все это факты огромного научного и общественного значения. Богатейшее собрание причитаний Е. В. Барсова, записанных в 1870-х годах в Заонежье, дало начало настоящему изучению причети и ознакомлению с ней более широких кругов»¹. В 1909 г. Ончуковым была осуществлена публикация русских сказок, записанных в Карелии Пришвиным, Шахматовым и Георгиевским.

Все названные имена широко известны в русской и мировой фольклористике, а вот роль Пришвина как собирателя и своеобразного знатока севернорусского фольклора малоизвестна. Напомню, что Михаил Михайлович Пришвин начинал свою творческую деятельность в Карелии в качестве собирателя устного народного творчества. Восемьдесят лет назад никому еще тогда неизвестный литератор Михаил Пришвин по заданию Русского Географического общества впервые отправился в Олонецкую губернию для сбора сказок. Поездка оказалась на редкость удачной.

¹ Астахова А. М. Собрание и изучение русского фольклора Карелии за 15 лет // Материалы юбилейной сессии. 1931 — 1946. Петрозаводск, 1947. С. 75.

Пришвин обнаружил здесь богатый фольклорный материал, все тридцать восемь сказок, записанных им, были опубликованы в сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (1908 год). Наблюдения Пришвина о жизни и быте крестьян глухого Выговского края вошли в его книгу «В краю непуганых птиц» (1907 год). Первый литературный опыт писателя принес ему широкую известность и определил его дальнейший творческий путь. В ученых кругах говорили, что книга Пришвина «написана сердцем». М. Горький считал ее «глубоко поучительной и красивой, как древние песни, которые когда-то легли в основу эпического творчества молодых народов» (Литературная газета. 1933. № 17). Помимо художественной, познавательной, воспитательной она имеет огромную научную ценность. Интуиция художника помогла ему из необъятного моря народной жизни северной России отобрать самое существенное, неповторимое. В книге много лингвистического, этнографического, исторического и, конечно же, фольклорного материала.

Предания, легенды, былички, естественно вплетаясь в ткань повествования, становятся неотъемлемой частью народной жизни, изображенной в книге. На примере трех талантливых сказителей Выгозерья М. М. Пришвин сумел показать не только их незаурядные способности, но и среду, повлиявшую на формирование исполнительского мастерства, бытовую обстановку, поддерживающую жизнь фольклора, следы его архаической функции.

В главе «Вопленица» Пришвин сумел всего на нескольких страницах дать впечатляющий рассказ о судьбе талантливой исполнительницы причитаний Степаниды Максимовны с Карельского острова. Фольклористам, собирателям устного народного творчества известно, что знакомство с информатором, как правило, начинается с записи рассказа о его жизни, а сам фольклорный материал является дополнением к ней. Не отступал от этого неписаного правила и Пришвин, сопровождая свой рассказ примерами из причитаний Степаниды Максимовны.

В главе «Певец былин» писатель ставит и решает ряд интересных фольклористических проблем о причинах живучести и популярности былинного эпоса на севере России. «Строгие староверческие традиции, плетение неводо в долгие северные вечера при

свете лучины, большая семья — вот та среда, в которой вырабатывается певец былин», — пишет он¹. Слушая былины в исполнении Григория Андрианова, Пришвин невольно задал ему вопрос о возможности существования былинных богатырей в реальной жизни. Получив утвердительный ответ, он понял, «почему стихи, которые казались такими скучными в гимназии, здесь целиком захватили внимание. Старик верил в то, что пел» (118). Отголоски древних представлений, связанных с верой в магическую силу камня, прослеживаются в рассказе сказителя о судьбе былинных героев. Илья Муромец, по его словам, «окаменел за то, что хвалился Киевскую пещеру проехать». «Добрынюшка скакал под Киевом через камень, скобой зацепился за него: да тут ему и смерть пришла». Кажется, что сам Пришвин иногда до конца не осознает ценность произведенных им наблюдений. Так, например, в этой главе неоднократно упоминается сосна. Под ней, по словам сказителя, его семья начинала обживать новое место: «Жили сначала под сосной. Вот она, матушка, стоит... Старик показал мне рукой в окно на большую развесистую сосну» (115). Далее Пришвин пишет: «Трудно передать то настроение, которое охватило и унесло меня куда-то, когда я услышал первый раз былинку в этой обстановке: на берегу острова против сосны, под которой начинал свою жизнь этот сказитель старик» (117). Читая эти строки, невольно вспоминается сосна Леннрота в пос. Калевала, под которой финский ученый якобы записывал карельские эпические песни. Возникает вопрос, нет ли в данном описании Пришвина связи с отголосками культа священного дерева, которым в Карелии, как и в ряде других северных районов, была сосна. Внимательное чтение книги Пришвина позволяет каждый раз делать для себя новые и новые открытия.

Пожалуй, самой колоритной фигурой очерков является сказочник Мануйло Петров из дер. Морская Масельга. Он был проводником писателя по нехоженным тропам в краю непуганых птиц. Ему Пришвин не посвятил отдельной главы. Однако создается такое впечатление, что он присутствует в книге всюду. По-

¹ Пришвин М. М. В краю непуганых птиц: (Очерки Выговского края) // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1982. С. 105. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте номер страницы.

степенно, на протяжении всего повествования, перед читателем возникает неповторимый в своей естественности облик чудака, который любит «манить», т. е. рассказывать всякую небывальщину. Даже имя соответствует его призванию — Мануйло. Он является неотъемлемой частью богатого и глухого лесного выговского края. Писатель знакомит с ним читателя, описывая нелегкий труд и короткий досуг лесозаготовителей. «Зимой на Севере день короткий: поработали, померзли — и в избушку, отогреться. Потом улягутся рядом и ждут, когда сам собой придет сон. Что делать в избушке в такие длинные вечера? Кажется, помереть бы от скуки. Но тут выручает сказочник Мануйло. При свете лучины он в этой избушке рассказывает всем этим дремлющим на полу людям про какого-то царя, с которым народ живет так просто, будто бы это и не царь, а лишь счастливый, имеющий власть, мужик. Этому царю мужики носят рябчиков, загадывают ему загадки, а царь ловко отгадывает, дает советы...

Все молча слушают сказки про царя, иногда смеются и засыпают. А Мануйло все рассказывает и рассказывает, пока не убедится, что все до одного человека спят. Для этого он окликает время от времени:

— Спите, крещенные?

Если хоть один откликнется, он поправит лучину и продолжает свою сказку про мужицкого царя» (103–104).

Пришвин нарисовал типичную картину проведения вынужденного отдыха во время лесных работ. Известно, что лесопромышленники часто для этой цели нанимали хорошего сказочника и даже платили ему. О профессионализме Мануйлы как сказочника свидетельствует тот факт, что он должен рассказывать до тех пор, пока не уснет последний слушающий. Аналогичные примеры можно привести из биографии других сказочников Карелии — М. М. Коргуева, О. И. Дмитриева.

Описывая характер Мануйлы, Пришвин подчеркивает несоответствие его строгого внешнего облика и шутливой манеры исполнения сказок, которая обнаруживает его явные артистические способности и свидетельствует о незаурядности личности сказочника.

Гостеприимство и любознательность позволяют ему постоянно пополнять свой сказочный репертуар: «Мануйло — человек

необыкновенно общительный, любит людей. Живет он в полуразрушенной избушке у самой дороги, по которой идут соловецкие богомольцы. Они все находят радушный приют у сказочника. Для них Мануйло уже три самовара сжег. Вслушиваясь в их разговоры, Мануйло узнает о каком-то удивительно сложном и прекрасном мире. Все эти сведения в поэтической душе перерабатываются и потом подносятся односельчанам когда-нибудь в зимние вечера на вывозке в лесных избушках. <...>

Сам Мануйло скромен: он думает, что для сказок нужна только „недырявая память“. Однако были в его жизни случаи, которые убедили его, что сказка не совсем пустое занятие. Прежде всего она годится в бурлаках. Приказчики любят сказки и работу не спрашивают» (136 – 137).

Сказочник, считая свое мастерство общедоступным, противопоставляет себя известному исполнителю былин И. Т. Рябинину. На вопрос, знает ли он старины, категорически заявляет: «Не-ет, где нам!.. Рябинка — старовер, вино не пьет, не курит. Строго у него это. И от пищи не отступает: что на какой день положено, то и ест, от того он памятлив» (105).

Сказочный репертуар Мануйлы Петрова разнообразен, он меняет его в зависимости от социального заказа, для приказчиков и купцов предпочитает рассказывать авантюрные сюжеты, для охотников и рыбаков у него свои старинные сказки. В связи с этим место сказочного действия легко переносится из города в лесную глушь. Пришвин сокрушается, что от Мануйлы очень трудно записывать сказки, потому что для земляков у него говор олонецкий, а для приезжих — обыкновенный, городской. Традиционной сказочной обрядности в сказках Мануйлы мало, в ряде сказок легко прослеживаются элементы былички. Интересна в этом отношении его сказка «Пропавший молодой» (№ 170)¹, герой которой служит у водяного. Для того чтобы его спасти, кому-либо из родственников необходимо спуститься с ним под воду, отец и мать боятся, и только молодая жена проявляет смелость и спасает мужа. Есть в репертуаре сказочника и традиционные волшебные сюжеты, в них сохранена первозданная прелесть фольклора, не испытавшего на себе книжного влияния. Одна из сказок Мануй-

¹ Ончуков Н. Е. Северные сказки // Записки РГО. СПб., 1909. Т. XXXIII. № 170.

лы дает представление о сказочнике-профессионале, наделенном якобы колдовской силой. Сказочник просится на ночлег, его забывают накормить, а сразу просят рассказать сказку. За это он наказывает хозяина и оборачивает его медведем, лишь после ряда приключений возвращает ему человеческий облик.

Во время своей первой поездки в Олонецкий край Пришвин записывал сказки и от других талантливых исполнителей. Например, записи сказок от воплоницы Степаниды Максимовны свидетельствуют о том, что она является незаурядной сказочницей с типичным женским репертуаром. Исследователи неоднократно отмечали одну важную особенность творческой манеры писателя — отсутствие границы между словом и бытием. Поэтому, возможно, таким неисчерпаемым источником познаний являются его очерки. Несомненно, что общение начинающего писателя с народными сказителями нашего северного края, творчество которых неотделимо от их бытия, способствовало становлению самобытного таланта М. М. Пришвина. Наблюдения писателя о бытовании устного народного творчества в Карелии в начале XX столетия имеют огромную ценность в изучении ряда важных проблем фольклористики.

Отличаясь богатством духовной культуры, дореволюционная Карелия не имела собственных научных центров по ее изучению. Как известно, Олонецкая губерния являлась для царского правительства «подстоличной Сибирью». Наиболее активными собирателями русского фольклора Карелии были, в основном, политические ссыльные, в числе которых были блестяще образованные люди. Петрозаводск, губернский центр, представлял собой в XIX веке маленький уездный городок преимущественно с заводским и мастерским населением. Даже в начале XX века, по переписи 1903 года, численность его была около 13 тысяч человек.

Вот некоторые выдержки из культурно-исторического очерка М. А. Гудошникова, красноречиво характеризующие дореволюционный Петрозаводск. Автор пишет, что «Петрозаводск XIX века — заводской поселок, к которому прилеплена губернская канцелярия со штатом чиновников, с небольшой мужской гимназией, уездным училищем, заводской школой и духовной семинарией». «...Зимой больше, чем на полгода, город был оторван от мира.

Четыре дня надо было ехать на лошадях, чтобы доехать до ближайшей железнодорожной станции. Купцы, как в полярную экспедицию, запасались товарами на всю зиму. Только летом было удобное водное сообщение со столицей. Лишь перед войной была начата постройка железной дороги». (Автор имеет в виду Первую мировую войну.) «Печать глухой провинции лежала на городе»¹. Первооткрыватель русской былинной традиции в Олонецкой губернии П. Н. Рыбников, отбывавший в Петрозаводске политическую ссылку, писал в мае 1860 года К. И. Аксакову, что этнографические занятия для него являются «единственным спасением от застоя провинциальной грязи»². В письме к П. А. Бессонову от 11 апреля 1861 года он с возмущением писал о так называемых «любителях» народной поэзии, относившихся к записям фольклора как к приятному развлечению: «...здесь любителей бывало много, и начальников горных заводов, и губернаторов, все они собирали, а что явилось в свет? одна старина в „Губернских ведомостях“»³. П. Н. Рыбников, как видно из другого письма к П. А. Бессонову, пытался привлекать к записи былин учеников единственной в Петрозаводске мужской гимназии: «Многие гимназисты, уезжая на праздники к себе, будут записывать былины и стихи. Олонецкая губерния в этом отношении богаче всех других. Не найдете ли Вы возможности отказать что-нибудь тем сотрудникам по части стихов по напечатании материалов и после продажи всего издания»⁴.

Отсутствие в губернском городе высших учебных заведений, а также местных ученых не способствовало научному изучению богатой фольклорной традиции края. Необходимо отметить еще одну особенность культурной жизни дореволюционного Петрозаводска. Несмотря на то что он был основан на исконной карель-

¹ Гудошников М. А. Петрозаводск. Культурно-исторический очерк. Петрозаводск, [б. г.]. С. 45. См. также о дореволюционном Петрозаводске: Дашков В. Описание Олонецкой губернии. СПб., 1842. 222 с.

² Разумова И. А. П. Н. Рыбников: (Вступительная статья) // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. I. Былины. Петрозаводск, 1989. С. 18.

³ Новичкова Т. А. Песни, собранные Рыбниковым. К истории издания и изучения (по письмам и неопубликованным материалам) // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 8.

⁴ Там же. С. 9 – 10.

ской земле, местные меценаты вообще не уделяли никакого внимания изучению духовного богатства карел. Более того, царское правительство было заинтересовано в постепенном вытеснении карельского языка русским, а вместе с ним и самой народной культуры. Так, например, в «Олонецких ведомостях» за 1841 год, № 25 — 27, в заметке «Воспоминание о высочайших пришествиях Великого Государя Петра I, коим осчастливлен край, составляющий ныне Олонецкую губернию. Пришествие 1 — 10» среди множества достоинств «Осударевой дороги» называются следующие: «...жителям при тракте сем (от Петербурга до Архангельска) находящимся, дал не только важные выгоды жизни, но и язык общий Российский, вместо безграмотного Карельского и Чудского»¹.

В «Вестнике Олонецкого Губернского Земства» от 15 апреля 1910 года № 7 о судьбе карельского языка написано буквально следующее: «Изучение его и пользование им с целью его пропаганды, поддержания — бесполезно, т. к. противно истории и, кроме того, русской гражданственности. Историей карелы осуждены на национальную смерть». Не правда ли, звучит как приговор.

Однако нельзя сказать, что народное слово было неизвестно. Посредником между безымянным сказителем и читающей публикой была газета «Олонецкие губернские ведомости». Среди фольклорного материала, опубликованного в ней в XIX веке, наибольшую часть представляют предания, связанные с пребыванием здесь Петра I. Наглядной иллюстрацией этому может служить публикация «Поездки на Кончезерский завод и к Марциальным водам» (Отрывки из дневника)², в которой содержится предание, не зарегистрированное в библиографическом указателе Н. Виноградова³. Его пересказом мы и завершим эту главу. Начинается оно с подробного описания Петропавловской церкви: «Потом мы посетили Петропавловскую церковь, основанную Великим. С сердечным благоговением осматривали все предметы, в ней находящиеся, — памятники благочестивого усердия Великих Государей.

¹ Олонецкие губернские ведомости (далее — ОГВ). 1841. № 25 — 27. Прибавления. С. 149.

² ОГВ. 1841. № 12 — 13. С. 64.

³ Фольклор Карелии. Библиографический указатель материалов по фольклору, содержащихся в местных изданиях б. Олонецкой губернии (1838 — 1917) / Сост. Н. Виноградов. Петрозаводск, 1937. 47 с.

В ней замечательны, между прочим: Евангелие на престольное, печатанное в 1663 году; икона скорбящей Божьей Матери, бывшая прежде, как говорят, во дворце Великого; голубые набивные ризы бумажные с оплечьями красного кумачу на крашенинной подложке. Ризы сии сшиты, как говорят, Императрицей Екатериною, супругою Великого. Деревянные выточенные подсвечники, вышедшие из мастерской Петра I-го, также хранятся в церкви и поныне. Иконостас резной работы, крашен белою краскою и уставлен образами итальянской живописи. Великий сам трудился над украшением клиросов. К этим памятникам принадлежит одно предание, которое мне там рассказывали. Петр I-й во время своего пребывания у марциальных вод часто читал в этой церкви Апостол. Однажды, в какой-то праздник, по обыкновению прочитав Апостол празднику, он забыл прочитать Апостола святому того дня. Священник напомнил об этом Государю, и Петр исполнил свою обязанность. По окончании службы, Священник был приглашен во Дворец и получил от царя подарок».

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ КАРЕЛИИ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ КНИИ

С приходом советской власти национальная и культурная политика в Карелии повернулась на сто восемьдесят градусов. Декретом ВЦИК от 7 июня 1920 года была провозглашена Карельская Трудовая Коммуна как автономная область в составе РСФСР. Политические цели создания Карельской Трудовой Коммуны сформулированы в письме Э. Гюллинга к В. И. Ленину, с которым он обратился в 1920 году из Стокгольма. В нем обосновано предложение «о создании в восточных районах Архангельской и Олонецкой губерний РСФСР, населенных карелами, автономной области, активное участие в хозяйственном и культурном подъеме которой могли бы принять красные финны». А. И. Афанасьева в статье «Начало», ссылаясь на документы тех лет, дает подробную характеристику политических задач руководителей Карельской Трудовой Коммуны, «которыми были, в основном, люди финской и карельской национальности». В одном из первых докладов ревкома Советскому правительству говорится, что инициаторы создания карельской автономии имели в виду, что это будет национальная область, объединяющая преимущественно «финские народности» (карелов, вепсов, финнов). Экономически и политически она будет опираться на помощь Советской республики в качестве ее составной части. Намечалось привлечь в нее значительное количество квалифицированных финских рабочих и высказывалась уверенность, что «в условиях свободного творческого труда удастся добиться быстрого подъема области, что будет оказывать революционизирующее влияние на рабочий класс Финляндии и

Скандинавии». В заключение говорилось, что «наряду с РКП(б) деятельное участие и ответственность за правильную постановку дела в Коммуне» несет Коммунистическая партия Финляндии. Далее автор статьи пишет о том, «что помощь зарубежного пролетариата, прежде всего финского, являлась характерной чертой развития Советской Карелии на протяжении двадцатых — первой половины тридцатых годов»¹.

Это отступление, касающееся государственного устройства Карелии, объясняет многое в научной деятельности института и, в частности, этнографо-лингвистической секции, от которой впоследствии отпочковался сектор фольклора. Для понимания культурной ситуации, сложившейся в те годы, необходимо также остановиться на деятельности первого директора института Эдварда Гюллинга, доктора философии, бывшего депутата Финляндского сейма, члена революционного правительства во время рабочей революции в Финляндии. Первые революционные преобразования в Карелии, как известно, связаны с его именем. В 1920 году он был избран председателем Карельского ревкома и облисполкома, с 1923 года по 31 октября 1935 являлся председателем Совета народных комиссаров КАССР. Революционер-профессионал, человек высокой эрудиции и интеллекта, Эдвард Гюллинг как никто другой был заинтересован в формировании на территории молодой советской республики научных кадров.

30 ноября 1931 года правительство Автономной Карельской Социалистической Республики, на основании решений сессии ВЦИК, вынесло постановление об организации Карельского научно-исследовательского института при СНК АК ССР и НКП, который состоял из шести секций, две из них — секция революционного движения и этнографо-лингвистическая — явились позднее основой для формирования Института языка, литературы и истории. Директором был назначен Э. Гюллинг, его заместителем — С. А. Макарьев, руководителем лингвистической секции — Г. Х. Богданов.

Гюллинг осуществлял в основном политическое и идеологическое руководство институтом. Непосредственное же выполнение всех обязанностей директора возлагалось на Макарьева.

¹ Афанасьева А. Начало // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 3 — 11.

Известно, что одной из политических установок Э. Гюллинга была подготовка двуязычных кадров, знающих русский и финский языки, для использования их после революции в Финляндии¹. Как видно из архивных документов, основными направлениями в работе этнолого-лингвистической секции в связи с этим были следующие: «Определение конкретных путей национального усвоения финского языка карелами, превращения карельских языков в национальные говоры финского языка, исследование вопроса усвоения финского языка русскими и русского языка финнами». В планах секции тех лет неоднократно подчеркивалась необходимость связи с Финляндией и вообще с заграницей для приобретения научной литературы и «обмена результатами экспедиционных работ»². Особо стояла проблема интернационально-политической и научно-технической терминологии в финском языке³.

Политическая направленность руководства научной деятельностью института Э. Гюллинга наглядно представлена в объяснительной записке В. Я. Евсеева в дирекцию института, датируемой 9 декабря 1938 года (Э. Гюллинг был уже расстрелян). «Лишь однажды в 1935 году в отношении записей рун я совершил ошибку, серьезность которой не уменьшается от того, что и это не присвоение (В. Я. Евсеев обвинялся в присвоении записей южнокарельских рун. — Т. С.). Ошибка в том, что я был сбит с толку „левой фразой“ бывшего председателя СНК АКССР врага народа Гюллинга, который будучи одновременно директором КНИИК предложил написать статью и дать новые записи рун для финской соц.-дем. газеты, объяснив целесообразность этого тем, что надо использовать легальные возможности пропаганды советской культуры за границей». Далее В. Я. Евсеев дает свое объяснение причины, побудившей финскую социал-демократическую газету опубликовать его материал, а именно: «...желание (газеты) слыть перед финляндскими рабочими в качестве друга СССР»⁴. По этой причине, как пишет В. Я. Евсеев, в 1935 году он был временно уволен из института, т. е. и он попал под репрессии вместе с

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 4.

² Там же. № 38.

³ Там же. № 27.

⁴ Там же. № 266.

Э. Гюллингом, С. А. Макарьевым и другими. Как позднее рассказывала жена В. Я. Евсеева П. Я. Куйкка, избежать тюрьмы ему удалось лишь благодаря тому, что в это время он активно занимался собирательской работой и редко задерживался в одном населенном пункте.

Пропаганда советского образа жизни была одной из главных политических установок в деятельности института и его руководства. В архиве института есть еще один любопытный документ, подтверждающий это. В качестве основной литературы, отправляемой институтом в Калифорнийский университет, называются «Сказы и плачи о Ленине»¹. Сейчас известно, каких широких масштабов в творчестве русских и карельских сказителей достигло это направление. Создание так называемых народных песен о счастливой советской действительности и ее героях в это время приняло общесоюзный характер.

Как свидетельствуют документы первых лет существования института, вопрос о создании отдельной русской фольклорной секции не поднимался. Из записок, сохранившихся в архиве ИЯЛИ, поступавших из совнаркома в те годы, видно, какое огромное внимание уделяло правительство во главе с Э. Гюллингом формированию научных кадров из местного карельского населения. Так, например, в записке, датируемой 28/VII 1928 года, о создании научно-исследовательского института указывается: «...в связи с этим конкретно нужно доработать вопрос о подготовке научных сил из местных людей — карел. Ни один вопрос не может быть удовлетворительно (с политической и национальной стороны) разрешен, если не будет своих людей»².

В записке, адресованной т. Макарьеву, подчеркивается: «При наборе в аспирантуру иметь в виду только националов или минимум 75% националов»³. Что касается Э. Гюллинга, он занимался не только политическим и идеологическим руководством института. В частности, он принимал активное участие в судьбе сказителей Карелии — как русских, так и карел. Так, например, известный русский ученый профессор Колесов, исследуя социальное и мате-

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 242.

² Там же. № 29.

³ Там же. № 5.

риальное положение сказителей, обратился с заявлением к «председателю центрального исполнительного комитета Карельской республики Э. А. Гюллингу с просьбой оказать содействие в улучшении материального положения известных сказителей Конашкова, Богдановой и Рябилина». О незамедлительном ознакомлении с довольно обширным заявлением свидетельствуют даты написания заявления и наложения резолюции на нем, соответственно: 1.VI.1933 года и 4.VI.1933. В частности, в резолюции Э. Гюллинга пишет: «Т. Макарьев, необходимо срочно согласно письма урегулировать вопрос. Прошу тебя лично с Матвеевым провести необходимые меры и мне доложить». Далее Гюллинг подчеркивает «необходимость проверить положение всех сказителей Калеваля и принять также надлежащие меры. Не позже декадного срока меня информировать о результатах»¹.

Колесов неоднократно обращался к Гюллингу с подобными просьбами и всегда получал поддержку.

В опросном листе, составленном для научных сотрудников 1.X.1933 года, Эдвард Гюллинг именуется почетным директором научно-исследовательского института, а исполняющим обязанности директора — Степан Андреевич Макарьев, известный в республике ученый, этнограф и историк, специалист по финно-угорским народам, вепс по национальности. Он является автором ряда статей, посвященных истории и культуре вепсского народа². Методическое пособие для начинающих собирателей народной культуры «Полевая этнография», изданное в Ленинграде в 1928 году, соответствует самым новейшим требованиям, предъявляемым к ученым в настоящее время.

Вот некоторые выдержки из этого пособия: «Этнография изучает одновременно старую и новую культуру, применяя для той и другой особые комплексные методы. Но в сущности творчество

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 78.

² Макарьев С. А. У прионежских вепсов // Экономика и статистика Карелии. Петрозаводск, 1927. № 4–6. С. 50–74; Он же. Вепсы: этнографический очерк // Карело-Мурманский край. 1929. № 1. С. 6–10; № 2. С. 31–32; № 11–12. С. 38–42; Он же. Полевая этнография. Краткое руководство и программы для сбора этнографических материалов в СССР / Под ред. проф. В. Г. Богораз-Тана. Л., 1928. 103 с.; Он же. Карельский Государственный музей (1873–1928). [Б. м.] 11 с. (отдельный оттиск); Он же. По Советской Карелии (Краткий справочник для экскурсанта и туриста по Карелии). Л.; Петрозаводск, 1931. 117 с.

культуры никогда не прерывается, и старые и новые ее элементы представляют для нас одинаково важный объект изучения. Старое и новое необходимо изучать в их тесной связи и переплетении. Целый ряд явлений нового быта еще не имеет отчетливого оформления. Из-под новых отростков видны старые многовековые корни. Многие новые явления имеют лишь кажущийся новый характер, а на самом деле, эти явления по своей сущности старые. И наоборот, целый ряд явлений, сохранив старую форму, приобрели совершенно новое содержание.

Мало того, наблюдатель-этнограф, в отличие от ботаника и от зоолога, сам составляет неотъемлемую часть человеческого и общественного материала, подлежащего его наблюдению. Он одновременно является субъектом и объектом наблюдения. И самый объект наблюдения он воспринимает сквозь зеркало собственной психики¹.

Самонаблюдение является для него существенною частью наблюдения объекта, в особенности это относится к местным уроженцам, которые работают на родине в местах, издавна знакомых и привычных, с которыми они связаны органически. В таких условиях изучение и описание собственной семьи, хозяйства, культуры, обычаев ближайших соседей дает почти полную существенную часть этнографической работы.

Но и в других местностях для приезжего этнографа весьма важно сжиться с населением, завязать с ним интимные и личные связи, приобрести его доверие и, таким образом, найти доступ и подход к самым затаенным, сокровенным и, тем более, важным элементам человеческой жизни»².

Книга С. А. Макарьева «Полевая этнография» дает ценные советы по методике собирания полевого материала для начинающих специалистов. Она включает организацию и методы полевой работы, способы и приемы ведения дневника и реальных записей, программы по материальной культуре, экономическому быту, социальной и духовной культуре, а также программу по новому быту. Подробное и четкое описание всех поставленных в кни-

¹ См. с. 17–19 данной работы, где анализируются высказывания Л. Хонко о современном понимании фольклора.

² Макарьев С. А. Полевая этнография... С. 4–7.

ге вопросов позволяет назвать ее актуальной и в наши дни. Для фольклористов особую ценность представляет программа по духовной культуре. Начинается она с методики собирания материала по колдовству отдельно у туземцев и отдельно у русских. Есть разделы, посвященные методике собирания материала по православию, сектантству и расколу, языку и фольклору.

Большой интерес представляет его книга «По Советской Карелии», где дана исчерпывающая характеристика наиболее интересных в культурном и этнографическом отношении районов Карелии. Уникальным по содержанию можно назвать не опубликованный до сих пор академический сборник «Вепсский фольклор», автором, составителем и главным собирателем которого является С. А. Макарьев. Сборник состоит из следующих разделов: 1) Историко-этнографический очерк о вепсах. 2) Характеристика вепсского фольклора. 3) Тексты отдельных жанров фольклора: легенды и предания, сказки, частушки, долгие песни, обрядовые песни, заговоры, приметы, загадки, поговорки, пословицы и т. д., детский фольклор, новый фольклор эпохи Гражданской войны и социалистического строительства. К сожалению, в рукописи отсутствуют указанные в оглавлении разделы: алфавит вепсского языка, фото носителей фольклора, нотные записи. У этой рукописи счастливая и в то же время трагическая судьба. С. А. Макарьев закончил работу над ней в 1935 году, тогда же он был репрессирован, исключен из партии и снят с работы «за засорение КНИИ заведомо чуждыми элементами, отсутствие классовой бдительности и советского патриотизма, ведение переговоров о печати своих работ в Финляндии». В 1937 году он был расстрелян.

Сберечь рукопись для потомков взял на себя смелость известный археолог и писатель А. Линеvский, который и передал ее в научный архив КарНЦ со следующей дарственной надписью: «Сберегал для вепсологов А. Линеvский. 1937 — 1972 гг.» По учетному бланку видно, насколько востребована рукопись среди ученых.

Однако до последнего времени об С. А. Макарьеве нигде не упоминалось. Нет его имени в обширном исследовании А. И. Афанасьевой «Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии», изданном в 1983 году. А сотрудники краеведческого музея, первым советским директором которого был С. А. Макарьев,

как выяснилось, вообще ничего не слышали об этом имени. Да в этом ничего удивительного и нет, так как после расстрела С. А. Макарьева были уничтожены все материалы, касающиеся его имени, даже на общих фотографиях его лицо тщательно скрыто под слоем чернил. Единственная фотография чудом уцелела в Государственном архиве Карелии. Впервые после долгого забвения краткое сообщение о первом директоре КНИИ С. А. Макарьеве появилось лишь в 1991 году¹.

Как стало известно из статьи Л. Бойченко, С. А. Макарьев родился в 1895 году в вепсской деревне Подщелье бывшей Шелтозерской Бережной волости Петрозаводского уезда. Зимой семья Макарьевых жила на заработках в Питере, а летом занималась сельскохозяйственными работами в родной деревне. В Петербурге С. А. Макарьев закончил четырехклассное высшее городское училище. Участвовал в Гражданской войне. После демобилизации поступил в Ленинградский государственный университет на этнографическое отделение географического факультета. В 1927 году успешно окончил его. Некоторое время был личным секретарем профессора В. Г. Богораз-Тана. С 1928 по 1930 год работал директором краеведческого музея в Петрозаводске, а с момента образования КНИИ и до ареста — исполняющим обязанности директора КНИИ. Из статьи Д. В. Бубриха «Финноугорское языкознание в СССР» выяснилось, что С. А. Макарьев был аспирантом Ленинградского университета по специальности «этнограф с лингвистическим уклоном»².

С. А. Макарьев, как и Э. Гюллинг, большое внимание уделял пропаганде идей социализма. Он был убежденный революционер-

¹ Бойченко Л. Забытые имена. Этнограф Макарьев // Наше слово / Еже-недельная газета коммунистов Петрозаводска. 1991. № 27. 12 — 18 июня.

Этот пробел в научной историографии ликвидирован. См.: Савватеев Ю. А. Степан Андреевич Макарьев: жизнь и деятельность (к 100-летию со дня рождения) // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Сб. науч. тр., составленных на основе материалов науч. конф., состоявшейся 17—18 окт. 1995 г. в Петрозаводске и посвященной 100-летию С. А. Макарьева (1895—1937). Петрозаводск, 1999. С. 10—41. *Прим. ред.*

² Бубрих Д. В. Финноугорское языкознание в СССР // Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Финноугорский сборник. Л., 1928. С. 126.

большевик. В записке, составленной им о научно-исследовательской работе в Карелии в 1920—1930-х годах, он подчеркивает: «Изучение народного творчества, жизни и быта населения, историко-революционного движения имеет большое значение и глубокий интерес».

Примечательно, что последний раздел пособия «Полевая этнография» полностью посвящен методике сбора материала по изучению нового быта. По нему мы можем сейчас судить, каким представлял себе С. А. Макарьев будущее социалистической деревни. Во многом оно идеализировано, но сомневаться в искренности молодого ученого не приходится. Назову основные темы этого раздела: «изба-читальня, диспуты и лекции, кружки (основная тематика), местные музеи и их работники, деревенский „Спартак“, клуб-театр, советские праздники, подробно описать деревенский праздник или бал по-новому, городские гастролеры в деревне, фокусники, хироманты, цирк, кино, радио в деревне, местная газета, живая стенгазета, селькоры» и т. д.

В государственном архиве Карелии сохранилась «Памятка коммунару — бойцу командиру Макарьеву Степану Андреевичу», в которой, в частности, говорится: «...Помни всегда, что твои заслуги рабочие и крестьяне не забудут. Помни, что ты являешься опорой пролетариата»¹.

В уникальном по своему содержанию сборнике «Вепсский фольклор» С. Макарьев выступает не только как ученый-филолог, но и как активный политический деятель. Давая определение тому или иному фольклорному жанру, он, прежде всего, стремился подчеркнуть его классовую сущность. Вот, например, что он пишет о сказке: «Особенно ярко в сказке иллюстрируется ее классовость. Поэтому социальное значение сказок неизмеримо больше, чем обычное определение сказки, как фактора, влияющего на фантастический показ многих образов и понятий у слушателей сказок. Сказка во всем своем многообразии в устах искусного сказочника часто является своеобразным и весьма действенным орудием против политического гнета и экономической эксплуатации, протестом против капиталистического строя»².

¹ Архивные сведения взяты из статьи Л. Бойченко.

² АКНЦ, ф. 26, оп. 1, № 15.

Очень хочется, чтобы восторжествовала справедливость, и С. А. Макарьев занял достойное место рядом с Э. Гюллингом в истории культуры Карелии 1920 — 1930-х годов. В Финляндии, кстати, чтят память Э. Гюллинга. Ярким свидетельством этому явилась научная конференция, посвященная столетию со дня рождения Эдварда Гюллинга, организованная по инициативе ученых из Финляндии в 1991 году в Петрозаводске.

Политическая направленность филологической науки в первые годы существования института и его национальная политика подтверждаются множеством документов. Вот выдержки из некоторых.

С. А. Макарьев

Из опросного листа для научных учреждений (составлен 1.X. 1933 года): «Карельский научно-исследовательский институт при СНК АК ССР и НКП К.Н.И.И. начал работу в мае 1931 года. Исполняющий обязанности директора — Макарьев Степан Андреевич. Почетный директор — Гюлинг Эдуард Александрович¹. Секция историко-революционная, руководитель — Летонмяки Лаури Матвеевич, заместитель руководителя — Хаапалайнен Эро Аронович. Секция этнографо-лингвистическая, руководитель — Сало

Виктор Викторович. Гудков Виктор Пантелеймонович — научный сотрудник по национальной музыке, аспирант. Евсеев Виктор Яковлевич — научный сотрудник, историк — лингвист².

Из плана работ по этнолого-лингвистическому сектору Карельского научно-исследовательского института культуры на 1931 год: «В рубриках этнография, искусство, фольклор выделить четыре основных этнических группы: финны, карелы, вепсы и местное русское население.

¹ Полное имя Эдварда Отто Вильгельма Гюллинга по советским документам.

² АKNЦ, ф. 1, оп. 3, № 48.

Учитывая насущную необходимость мобилизации общественного мнения на работе секции, организовать ряд научно-популярных докладов лингвистического и этнологического характера. В частности, наметить доклады т. Евсеева об основных положениях яфетидологии — единственной материалистической лингвистики.

Начать работу по обследованию живой речи финнов — политэмигрантов с разных местностей Финляндии. Научные сотрудники коммунисты должны твердо помнить слова т. Сталина, что „только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма“.

Начать работу по исследованию закономерностей различий между южно-карельскими ливги и лувди языками и по исследованию степени их сходства с финским языком, о целях разработки преподавания финского языка в разных карельских школах в целях национального присвоения финского языка карелами в целях установления путей приближения разных карельских говоров к литературному финскому языку»¹.

Из плана работы по этнолого-лингвистической секции КНИИ на 1932 год: «Установить теснейшую связь с ОК ВКП(б) и ВАКСМ и при их помощи мобилизовать широкую рабочую общественность вокруг исследовательской работы секции... Продолжать работу по исследованию закономерности различий между отдельными карельскими языками и по исследованию их сходства с финским языком в целях определения конкретных путей национального усвоения финского языка карелами, превращения карельских языков в национальные говоры финского языка, в целях определения путей национального слияния карельских языков с финским языком. В процессе этой работы вести непримиримую борьбу на оба фронта, против великорусского шовинизма и против местного национализма, подвергая беспощадной критике то

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 3.

В 1980 – 1990-е годы, в эпоху национального Ренессанса, карельский (на трех диалектах) и вепсский языки Карелии получили статус новописьменных. Попытки создания письменности на этих языках предпринимались не раз, поскольку большинство лингвистов всегда полагало, что это самостоятельные языки, а не диалекты финского. По причинам политическим и экономическим эта идея реализована на практике, увы, слишком поздно. *Прим. рег.*

учение о поглощении одного языка другим, которое выдвигается Отто Блуером и Каутским и которое исподтишка приписывается карельской языковой политике разными околупартийными обывателями... Начать исследование вопроса усвоения финского языка русскими и русского языка финнами»¹.

«Поставить перед словарно-терминологической бригадой задачу создания терминологического словаря различий, задачу социалистически-терминологической рационализации языка трудящихся финнов применительно к карельской действительности, и лишь затем выдвинуть задачу создания общего финско-карело-русского словаря»².

Как видно из процитированных документов, первым из всех филологических наук политизации подверглось языкознание. Фольклору в начале тридцатых годов в институте почти не уделялось внимания. Однако это не значит, что собиранием фольклора в те годы на территории Карелии никто не занимался.

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 4.

² Там же.

СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА КАРЕЛИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Еще до образования КНИИК в первые послереволюционные десятилетия московскими и ленинградскими учеными было организовано несколько экспедиций по изучению народной культуры и быта Карелии. Приведу их краткий перечень.

В 1926 году была организована специальная экспедиция Фольклорной подсекции Московской Государственной Академии художественных наук «По следам Рыбникова и Гильфердинга» под руководством братьев Соколовых. Участники экспедиции с 1926 по 1928 год тщательно обследовали главные пункты, где записывали былины Рыбников и Гильфердинг, собирая былины от преемников прежних сказителей. Работа велась в Заонежье и в Пудожском районе. В эти же годы фольклорной экспедицией из четырех комплексных искусствоведческих отрядов Государственного Института истории искусств проводилась работа по сбору былин в Заонежье, на Пинеге, Мезени и Печоре. В составе этой экспедиции была И. В. Карнаухова, которая в 1926 году записывала сказки в Заонежье. Краткий отчет о записанном материале представлен в сборнике «Сказочная комиссия в 1926 году»¹.

В этом же 1926 году состоялась Карельская этнографическая экспедиция студентов Ленинградского государственного университета под руководством С. А. Макарьева. Перед студентами была поставлена цель — сделать монографическое описание села Шуя. Отчет об этой экспедиции был опубликован в журнале «Экономика и статистика Карелии» (1927 г., № 4 — 6).

¹ Сказочная комиссия в 1926 году. Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1927. С. 22 — 25.

В 1926 году по заданию Русского географического общества поездку в Заонежье совершил известный русский филолог, преподаватель Ленинградского университета А. И. Никифоров. С именем этого талантливого фольклориста связано начало разработки многих фольклористических проблем в отечественной науке. Решение большинства из них проводилось на материале русских сказок Карелии. За небольшой срок (с 13 июня по 5 июля) А. И. Никифоров обследовал 33 населенных пункта и записал 238 сказок и легенд от 75 лиц. Сведения о результатах этой поездки изложены в статье «Сказочные материалы Заонежья, собранные в 1926 году»¹. Непосредственное общение с носителями фольклора сыграло решающую роль в пересмотре его взглядов на изучение сказки и послужило толчком для нового научного направления в сказковедении.

Карельская этнологическая экспедиция АН СССР 1926 — 1930 годов под руководством Д. А. Золотарева собирала материалы по антропологии, языку, народному творчеству, постройкам, одежде, технике, рыболовству, оленеводству, сельскому хозяйству, семейной и общественной жизни и другим сторонам быта.

Северно-великорусская экспедиция 1927 года центрального музея народоведения (Москва) под руководством Ю. А. Сатарины была организована с разведочной целью для дальнейшей проработки специальных тем. Экспедиция была объединена с фольклорной экспедицией Академии Художественных наук.

Северо-Западная экспедиция в Ухтинский район 1931 года ИПИНа² изучала культурные влияния пограничного с Финляндией карельского населения, современное экономическое положение ухтинских карел. Материалы об этой экспедиции опубликованы в журналах: «Советская этнография», № 3 — 4, 1932 г.; «Карело-Мурманский край», № 1 — 2, 1932 г.

И, наконец, в 1932 году ИПИНОм совместно с Карельским НИИК была организована карельская фольклорная экспедиция в Сорокский и Медвежьегорский районы КАССР. В экспедиции работали сотрудники ИПИНа А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, А. Н. Нечаев. Экспедицией было собрано 2729 текстов фольклор-

¹ Сказочная комиссия в 1926 году. С. 72.

² Институт по изучению народов СССР.

ного материала и записано 30 валиков песен на фонограф. Вся работа проводилась среди русского населения.

Основным результатом последней экспедиции было открытие в Беломорье богатой сказочной традиции, в частности, замечательных сказочников М. М. Коргуева и Ф. П. Свиньина. У этой экспедиции примечательная история. На ее примере можно представить действия молодой советской бюрократической машины, всячески препятствующей организации экспедиции, проследить политическую направленность в рекомендациях руководства обоих институтов, которые навязывались ее участникам, и, наконец, узнать кое-что о судьбах ее участников, действительных и потенциальных. Первый документ, относящийся к организации этой экспедиции, представляет собой протокол заседания Президиума Фольклорной секции ИПИНа с участием директора Карельского научно-исследовательского института культуры С. А. Макарьева от 16/X 1931 года, на котором присутствовали М. К. Азадовский, А. М. Астахова, студентки этнографического факультета ЛИИЛ Каминская и Тяпонкина. Основной темой повестки дня была совместная экспедиционная работа. Предлагалось в качестве пожелания «включить в программу работы фольклористов собирание материалов по гражданской войне»¹. Особо стоял вопрос о финансировании экспедиции. Основные расходы возлагались на Карельский научно-исследовательский институт культуры. Однако первоначально институт и карельское правительство отказались финансировать экспедицию по собиранию русского фольклора. Об этом, в частности, сообщается в телеграмме, посланной из Петрозаводска на имя С. А. Макарьева, находившегося в то время в командировке в Москве. Вот ее содержание: «Деньгах фольклорной экспедиции, также выписку литературы категорически отказано»². В дальнейшем план работы экспедиции ИПИНОм был уточнен, в него предполагалось включить помимо русского и карельский отряд. Об этом сообщается в письме, подписанном заместителем фольклорной секции ИПИНа Ростовской: «Для разработки плана карельской фольклорной экспедиции нам необходим производственный план Карельского Научно-Исследовательского

¹ АKNЦ, ф. 1, оп. 3, № 12.

² Там же.

Института. Об этом я хотела писать Вам, но узнала, что Северный сектор уже обратился к Вам с подобным предложением. Как только получим план, приступим к детальной разработке плана и программы экспедиции.

Пока же мы сообщаем Вам наши основные установки относительно экспедиции. Мы считаем, что главной задачей следует поставить собирание и изучение современного фольклора. В соответствии с этим мы выдвигаем 2 основные темы: 1) фольклор гражданской войны; 2) фольклор колхозов. Для выполнения первой темы мы намечаем (по фольклору русского населения в Карелии) район Медвежья Гора — Повенец — Выгозеро — Кемь; для выполнения второй темы — район Шуньгского полуострова. 2-й район намечается по следующим основаниям: в 1926 году в данном районе собран значительный материал; сейчас полуостров покрыт сетью колхозов. Имея богатый сравнительный материал, мы можем четко разрешить связанные с проблемой колхозного фольклора вопросы: об идеологических сдвигах, отраженных в фольклоре, о перестройке старых фольклорных явлений в связи с ломкой и перестройкой быта и т. д. Но мы считаем также, что при изучении фольклора колхозов необходимо и экономо-этнографическое изучение колхоза, таким образом экспедиция на Шуньгский полуостров должна быть комплексной. Есть ли в составе вашего Института соответствующие работники, которым могла бы быть поручена данная работа?

Вообще, нам желательно знать, сколько намечается сотрудников экспедиции из числа местных работников. Каков вообще предполагаемый численный состав экспедиции. Будучи в Ленинграде, Вы говорили о 20 сотрудниках. Остается ли это количество без изменений? Сколько из общего числа сотрудников экспедиции Вы думаете отделить для собирания и изучения фольклора карельского и сколько для изучения фольклора русского? У нас пока намечено для участия в экспедиции трое фольклористов, кроме Тяпонкиной и Каминской, опытных собирателей, знающих старое фольклорное наследие Карелии»¹.

В следующем письме, адресованном А. М. Астаховой, уточняются члены экспедиции и районы обследования. Это письмо, от-

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 38.

правленное из Петрозаводска, необходимо привести полностью, так как многое из запланированного по независящим от участников экспедиции причинам не состоялось. «После выяснения всех вопросов, поднятых на нашем совещании в Ленинграде с дирекцией КНИИ, сообщая следующее. В состав экспедиции входят: Астахова, Карнаухова, Писарев, Нечаев, Тяпонкина, Каминская (на русский отдел). Никитина будет набирать в колхозной части экспедиции. Маршрут принимаем следующий: 1) Сорока с захватом Кеми и Сумского Посада. 2) Медвежья Гора с захватом Повенца, Мяндусельги, Кяппесельги. 3) Шуньга с захватом района южнее Шуньги и Пудожгора. Маршрут по национальным районам включает еще пункты: 1) Реболы с захватом Кимас-озера и Лендеры. 2) Паданы с захватом Лубо-Салми. 3) Поросозеро. 4) Святозеро с захватом Палалахты и Эссойлы. 5) Шелтозерский район (фольклор вепсов).

Руководителями экспедиции русской части будет Астахова, национальной — Аверкиева. Т.т. Карнаухова и Писареву кроме сумточных будут выданы единовременно 150 руб.

О согласии ждем срочного ответа. 29/V — 1932 г.»¹

Переписка о целях и задачах совместной фольклорной экспедиции между ИПИНом и Карельским НИИ велась больше года, и вот наконец-то в мае 1932 года ИПИН отправляет в Петрозаводск окончательное постановление об экспедиции: «ИПИН, рассмотрев на заседании Президиума вопрос о Карельской экспедиции, постановил: 1) считать ответственным за руководство и проведение экспедиции Карельский Научно-Исследовательский Институт; 2) ИПИН считает желательным работу русского отряда провести по следующим темам: а) фольклор гражданской войны, б) фольклор колхозов (земледельческих и ловецких), 3) ИПИН берет на себя инструктаж по собиранию фольклора во всех отрядах, возлагая персональную ответственность на А. М. Астахову. Ей же поручается руководство по собиранию фольклора среди русского населения, 4) ИПИН обязуется снабдить экспедицию фонооборудованием, 5) для выполнения работы по русскому фольклору ИПИН намечает тов. Писарева С. С., Нечаева А. Н. и Карнаухова И. В., 6) расходы по содержанию со-

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 38.

трудников экспедиции (зарплата, суточное содержание, проезд и проч.) предусматриваются индивидуальным договором между ИПИН и сотрудниками экспедиции, 7) итоги работы экспедиции публикуются ИПИН и КНИИ под совместной редакцией, причем размер публикуемых статей и порядок отпуска средств на обработку материалов и их опубликование регулируются особым соглашением ИПИН и КНИИ.

При сем ИПИН прилагает копии заявлений и жизнеописаний С. С. Писарева, А. Н. Нечаева и И. В. Карнауховой, а также форму индивидуального договора, заключаемого ИПИН с экспедиционными работниками»¹.

Итак, участники экспедиции были ориентированы на выявление и сбор так называемого советского фольклора с подчеркнутой классовой направленностью. Естественно, что и к самим участникам экспедиции предъявлялись определенные требования. В частности, они должны были помимо характеристик с места постоянной работы представить руководству КНИИ свои так называемые «жизнеописания», в которых должны были отразиться их классовая принадлежность и заслуги перед советской властью. В Научном архиве КарНЦ сохранились «жизнеописания» И. В. Карнауховой, С. С. Писарева и А. Н. Нечаева. Из всех участников экспедиции, не считая студенток Тяпонкину и Каминскую, которые к тому же работали самостоятельно, только А. Н. Нечаев имел крестьянское происхождение. Руководитель экспедиции А. М. Астахова родилась в 1886 году в Кронштадте в семье офицера и окончила гимназию в 1903 году. И. В. Карнаухова родилась в 1901 году в Киеве и окончила гимназию в 1917 году. С. С. Писарев (по матери Гюнтер) родился в Лейпциге. Гимназическое образование получил в Петербурге тоже до революции. У всех троих очень интересные судьбы. Так, например, И. В. Карнаухова сообщает о себе следующее: «С 1917 по 1918 г. работала по национализации частных библиотек. С 1920 по 1922 работала в качестве зав. библиотеки и биб-инструктора Кубано-Черном. обл. Была направлена Политпросветом в распоряжение Н. К. Крупской. Откомандирована на курсы организаторов политпросвета. По окончании курсов вплоть до 1923 г.

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 37.

работала зав. биб. коллектором и политпросветинструктором Куб. Чер. области. В 1923 г. откомандирована для продолжения образования в Ленинград. В 1926 г. окончила Лит. отд. Г.И.И.И. назначена научн. сотр. Г.И.И.И. по 1930 г. работала в качестве ассистента Фольклорной секции Г.И.И.И. и преподавателя Г.К.И. (биб. дело и худож. расск.). В 1930 г. совместно с кабинетом Фольклорной секции была переведена в ИПИН. Осенью ушла по болезни. В настоящее время веду литературную работу и состою бригадиром бригады внешкольной работы в школах (Дом художеств. воспитания детей).

Общественная работа: Член Союза с 1920 г. (Рабпрос.). В настоящее время член Союза раб. полиграф. произв., член ВССП.

С 1926 г. работала в ряде фольклорных экспедиций.

1. 1926 — Авт. Карельская республика.
2. 1927 — Северный край.
3. 1928 — Северный край.
4. 1929 — р. Печора.
5. 1930 — Донбасс»¹.

Жизнеописание А. М. Астаховой в архиве не сохранилось. Однако известно, что в 1908 году она окончила педагогический институт. С 1909 по 1911 год работала учительницей в Тбилиси, а с 1912 по 1931 год занималась педагогической деятельностью в Ленинграде. Изучением фольклора она начала заниматься в 1921 году, когда поступила на курсы по подготовке научных сотрудников при Государственном институте истории искусств. К моменту образования КНИИ и ее участия в организации фольклорной экспедиции она уже работала в системе Академии наук СССР, а именно: научным сотрудником в Институте по изучению народов СССР.

А. М. Астахова

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 37. Сокращения и пунктуация соответствуют оригиналу.

Назначению А. М. Астаховой на должность руководителя экспедиции, по всей вероятности, способствовало ее революционное прошлое. Оказывается, «с ранней юности Анна Михайловна была в центре общественной жизни, передовых идей и начинаний. В 1905 — 1906 гг. она состояла в студенческой большевистской организации»¹.

Из всех намеченных для участия в экспедиции сотрудников не повезло только Сергею Сергеевичу Писареву. В последнем приказе института, утверждавшем членов экспедиции, его фамилия отсутствует. Не помогла даже справка из Государственного этнографического театра при Государственном русском музее от 21 мая 1932 года, в которой сообщается, что за время работы в театре С. С. Писарев был активным общественником, внес ряд рационализаторских предложений и сам претворил их в жизнь. Из «жизнеописания» Писарева видно, что он был человеком незаурядных способностей, энтузиастом своего дела, активным собирателем фольклора. К моменту организации экспедиции он принял участие в шести фольклорных экспедициях: в 1926 году в Заонежье, в 1927 — на Мезень, в 1928 — в Беломорье, в 1929 — на Печору, в 1931 — в Башкирию и Узбекистан, в 1932 — на Рязанщину (сбор фольклорного материала для постановки этнографического спектакля «Село Рязанское»). Остались неопубликованными его работы: «Свадьба на реке Мезени», «Обрядовый и игровой фольклор на реке Печоре», «Досюльная игра — комедия „Пахомушкой“». Интересно, что об отстранении Писарева от работы в экспедиции ему не сообщили. А он, не теряя надежды, продолжал собирание фольклора, не имея для этого почти никаких средств. Наглядным доказательством этому служат два письма, отправленных Писаревым из Беломорья в КНИИ на имя Никитина.

Тов. Никитин!

Прошу сообщить мне по адресу: Нюхча (Сорокский район С. С. Писареву) какой результат переговоров бывшего ИПИНа с карельским институтом по поводу моего участия в работах фольклорной группы. Анна Михайловна Астахова собиралась оставить мне бумаги и деньги (если дадут) у Вас в Институте. А я должен за ними заехать. К сожалению, выполнить

¹ Мельц М. Я., Митрофанова В. В. Памяти А. М. Астаховой // Русский фольклор. № XIII. Л., 1972. С. 260. На протяжении всей жизни научная деятельность известного русского ученого А. М. Астаховой была тесно связана с Карелией. Эта тема может стать предметом специального изучения.

последнее не имею возможности, т. к. уже нахожусь в Челмужах (на Онежском озере) и готовлюсь к переходу к Белому морю. Поэтому еще раз прошу уведомить о результатах по указанному адресу.

С. Писарев. 6.VII.33»

Тов. Никитин!

Благодаря целому ряду обстоятельств, я получил Ваш ответ с большим опозданием. Сейчас уже поздно уславливаться о работе в текущем году, ибо я через несколько дней возвращаюсь в Ленинград. Если Ваш институт будет производить аналогичные же работы в 1934 году, о чем я смогу узнать от т.т. Азадовского, Астаховой или Нечаева, то я к Вашим услугам.

С. Писарев. 21.VIII. 33.

Ленинград, 18, Ланская ул. 28, кв. 1¹

О дальнейшей судьбе С. С. Писарева ничего не известно. Скорее всего, он был репрессирован и уничтожен или погиб во время Великой Отечественной войны. В противном случае он бы продолжал заниматься фольклором, и мы знали бы о нем по его публикациям. К истории судьбы этого человека, незаслуженно забытого, необходимо обязательно вернуться, так как он является одним из первых собирателей русского фольклора Карелии в после-революционный период. О том, что С. С. Писарев был яркой личностью, говорит его «жизнеописание». Оно же служит наглядным подтверждением причины, по которой его, возможно, отбраковали из экспедиции.

«Писарев Сергей Сергеевич, род. в 1902 году в Германии (г. Лейпциг), имел фамилию матери (Гюнтер). В 1904 г. мать (акушерка) эмигрировала в Россию. В 1913 г. усыновлен С. Писаревым. До 1918 г. получал среднее образование. С осени 1918 года работал землекопом на сланцевых разработках под Ямбургом, после наступления белых перешел агентом в Сланцевый комитет в Ленинграде. Далее работал в Райсовете Петроградской стороны (канцелярская работа) и культработником на Приморской ж. д. С того же времени началась учеба в драматической студии Гос. народного Дома и до 1924 года артистическая деятельность в указанном театре. С осени 1924 года учеба на литературном, а затем на театральном отделении Гос. Института Истории Искусств. С 1926 г.

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 64.

специализация по линии фольклора. С осени 1930 года (до ликвидации) научн. сотрудн. Г.И.И.И. по фольклорной секции, с того же времени работаю научн. сотрудн. Гос. Русского Музея по Гос. Этнографическому театру»¹.

Итак, летом 1932 года состоялся выезд Беломорского отряда фольклорной экспедиции КНИИ и ИПИНа Академии наук СССР в составе трех человек: А. М. Астаховой, И. В. Карнауховой и А. Н. Нечаева. Участники экспедиции работали по утвержденной академической теме: Фольклор ловецких колхозов Карельского Беломорья в процессе переработки деревни и фольклор Гражданской войны. Еще задолго до экспедиции А. М. Астахова писала в дирекцию КНИИ: «...Имея богатый сравнительный материал, мы можем четко разрешить связанные с проблемой колхозного фольклора вопросы: об идеологических сдвигах, отраженных в фольклоре, о перестройке старых фольклорных явлений в связи с ломкой и перестройкой быта и т. п.»²

Согласно этой установке перед участниками экспедиции была поставлена следующая цель: «Массовый фольклор в его классовой сущности. Профессиональный и полупрофессиональный фольклор. (В колхозе и единоличном секторе.) Отмирание старых жанров, трансформация их. Современный фольклор колхоза и единоличного сектора и его происхождение. Продвижение массовой революционной и пролетарской песни. Творческое преломление событий гражданской войны в рассказах представителей различных групп населения, преимущественно самих участников войны — красных партизан»³.

Помимо основной цели участникам экспедиции вменялось в обязанность собирать сведения по истории колхозов, экономике, а также обследовать культурно-бытовую работу. Во время экспедиции собиратели занимались также организацией краеведческих ячеек, выступали с докладами на собраниях актива колхозов.

Несмотря на чрезмерность идеологических установок, им удалось все же обследовать достаточное количество населенных пунктов, выявить талантливых исполнителей и записать много

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 37. Сокращения соответствуют оригиналу.

² АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 340.

³ Там же.

фольклорного материала. В частности, участники экспедиции побывали в Кеми, Поньгоме, Шожне, Выгострове, Сумском Посаде, Вирме, Пертозере, Колежме, Нюхче, Лапино, а также в Сегеже, Медгоре, Пиндушах, Повенце.

По сведениям, представленным начальником Беломорского отряда А. М. Астаховой, «во всех районах работы отрядом записано:

Песен	396
Частушек	1879
Былин и стихов	11
Вариантов Белом. свад. обр.	10
Свадебных голошений	12
Похоронных причитаний	3
Сказки, бывальщины, легенды, анекдоты	55
Заговоры	41
Загадки	101
Байканья	12
Детский ф-л (считалки и т. д.)	48
Приметы, поговорки, гаданья	72
Биографии и автобиографии	13
Рассказов о гражданской войне	47 (от 24 г)
Альбомов обследовано (кроме того 5 альбомов привезено с собой)	8
Альбомных стихов записано	30
Фонозаписей сделано	103
Фотоснимков около	100» ¹

Работа отряда проводилась в течение нескольких лет. Менялись собиратели, но тема оставалась прежней. В 1933 году отряд в составе двух человек проводил работу в Кандалакшском и Лоухском районах. В 1934 году, как пишет в своем отчете А. Н. Нечаев, «работа не продолжалась из-за отсутствия работников. Задачей поездки 1935 года являлось обследование Калгалакши и Гридино. Работа проводилась по той же теме и в тех же целевых установках, как и в предыдущие поездки». Примерно за месяц собирателями в двух поморских селах было записано

Сказок	117
Заговоров	14
Частушек	294
Песен (утушных, протяжных)	194

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 340.

Причать	29
Загадок	139
Бывальщин	21
Духовн. стихов	18
Былин	33
Детских стихов	11
Колыбельных песен	14
Детских игр	10
Поговорок	28
Свадебных обрядов	2
Свадебных песен	18
Прочих	27 ¹

Работа участников экспедиции по налаживанию краеведческой работы в местах сбора фольклорного материала имела положительные результаты. Руководители краеведческих кружков сами становились активными собирателя фольклора. Ярким примером этому являются И. М. Дуров из Сумского Посада и Е. В. Ржановская — учительница из Заонежья. Об их активном участии в сборе фольклорного материала писал в своем отчете за 1935 год, предназначенном для фольклорного отдела Государственного литературного музея Москвы, руководитель этнографо-лингвистической секции КНИИ А. Н. Нечаев².

К сожалению, материалы, собранные Дуровым в Поморье, до сих пор не опубликованы. И только стараниями карельского фольклориста С. М. Лойтер совсем недавно широкому кругу читателей Карелии стало известно имя Е. В. Ржановской³.

В архиве Карельского научного центра сохранился план проведения конкурса на лучшую собирательскую и исполнительскую работу по фольклору, составленную энтузиастом этого дела И. М. Дуровым. Содержание брошюры, так и не увидевшей свет, наглядно иллюстрирует состояние фольклорной традиции у русского населения Карелии в те годы, а также характеризует идеологическую направленность фольклорной работы, продиктованную вышестоящими инстанциями.

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 174.

² Там же. № 95.

³ Лойтер С. М. Е. В. Ржановская — собиратель русского фольклора Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 140 — 156.

Можно только себе представить, насколько богаче стал бы фольклорный архив, если бы удалось реализовать задуманную идею.

ПАМЯТКА

по проведению конкурса по Беломорью, выявление,
регистрация и сбор фольклорного материала прошлого
и настоящего колхозной деревни

I. Составить обращение к фольклорной группе краеведов первичной организации (колхозной ячейки краеведения) о целях и задачах проведения конкурса по выявлению хранителей и носителей фольклора среди колхозников и рабочих масс и сбору наибольшего количества наилучших по художественности и исторической ценности образцов устного народного творчества.

II. Условия конкурса:

Для осуществления цели этого конкурса необходимо:

1. Выявить лучших фольклористов собирателей, создав специальные группы по изучению фольклора при колхозных и заводских ячейках краеведения.

2. Группа в целом берет на себя обязательство: а) выявить на селе всех лучших сказителей, песенников, сказочников и вообще знатоков произведений устного народного творчества, составив на них (каждого в отдельности) характеристику биографического порядка перечислением названий всего, что таковой знает и умеет исполнять, б) характеристика эта должна быть составлена толково, правдиво и переписана четким разборчивым почерком на отдельных листках бумаги. При возможности к характеристике приложить фотоснимок такого носителя фольклора. Характеристика эта должна быть помечена датой составления и скреплена подписью фольклориста, выявившего и составившего ее.

3. Провести запись на селе по возможности всех:

а) старинных (дореволюционного происхождения) песен: игрищных, плясовых, утушных, свадебных, рекрутских, бытовых, исторических морских и уличных количеством не менее 100 штук.

б) современных песен всех существующих и распеваемых молодежью на местные темы в своем селе (о колхозах, о гражданской войне, о кулаках, о новом быте и т. п.).

в) колыбельных песенок, распеваемых во время нянчения детей в быту семьи — не менее 25 вариантов.

г) частушек: любовного содержания, злободневных, колхозных, революционных, советского строительства, рыбацких и прочих не менее 500 штук.

д) песен-произведений местных сочинителей-самородков (доморощенных поэтов), распевавшихся в прошлом о своем селе и жителях, об отдельных группах односельчан и даже об одном лице или жизненном случае на селе. При этом дать коротенько характеристику ее происхождения и употребленность в народе сейчас.

е) былин и побывальщин в стихотворной форме (вроде — Илья Муромец и др.), выявить образцы чисто местного происхождения.

ж) вопов и причети по покойникам, на всякого рода случаи несчастий и горя и также старых свадебных — не менее 20 штук.

з) преданий из жизни тяжелого рыбацкого кабального труда, мореплавания, исторического характера местных событий, бытовых приключений и происшествий окружного значения не менее 15 штук.

и) рассказов: о революционном прошлом, о гражданской войне эпизоды, случаи, приключения, пережитые участниками или очевидцами того периода времени в вашем селе; о рождении, жизни и развитии вашего колхоза и классовой борьбе вокруг него — записать не менее 10 штук.

к) сказок старых и в особенности вновь народившихся или переделанных из старых на новый лад — не менее 5 штук.

4. Все записи вышеперечисленных видов народного творчества должны быть представлены в удобочитаемой форме, переписанные четким почерком в сборные тетради с указанием: когда, где и от кого записано и скреплены подписью собирателя. При этом, если запись сделана не от выявленного местного знатока, а случайно знающего, то следует дать этому краткую его характеристику — его возраста, происхождения, социального положения и профессии.

5. Все собранные материалы должны быть без задержки передаваемы руководителю группы и не реже 2-х раз в месяц (примерно 15 и 30 числа каждого месяца) направлены для просмотра и обработки в фольклорную секцию КНИИ через руководителя фольклорных краеведческих групп на Беломорье — т. Дурова И. М.

6. За более тщательное и серьезное выявление творцов и носителей фольклора в деревне, а также за полноценный сбор записей перечисленного фольклора устанавливаются 5 премий для групп в целом и по 2 премии для отдельных собирателей.

1. Для групп — 1-я премия в 75 руб. устанавливается для той группы, которая перевыполнит указанные в условиях конкурса пункты с 1 по 5-ый, дав особо интересные, не бывшие в печати образцы творчества, 2-я в 50 руб. для тех, кто выполнит полностью условия настоящего конкурса, дав особо интересные, не бывшие в печати образцы народного творчества; 3-я — в 25 руб. для тех, кто соберет наибольшее количество и интересный по ценности для науки материал, не бывший еще в печати и впервые выявленный (найденный).

2. Персональные — для фольклористов в группе: 1-я — 50 руб. тому, кто более всего из всех групп, участвующих в конкурсе, соберет материалов и выявит на селе знатоков и представит их в удобочитаемой форме четко написанным с соблюдением всех условий конкурса; 2-я — в 25 руб. тому, кто выявит и соберет наиболее интересные образцы творчества и представит с соблюдением всех условий конкурса.

7. Кроме того, все наилучшие образцы фольклора будут изданы в отдельном сборнике от имени и за подписями собирателей — фольклористов краеведческих ячеек, за которые, по напечатании их, авторам будет выдан авторский гонорар (вознаграждение за их труд).

8. Конкурс проводится с 1-го июля по 1 октября 1935 г. через местные районные газеты, путем заключения между группами социалистических договоров и проводится соцсоревнование между членами группы в ячейке краеведения.

6/VI. — 35 г. ДУРОВ»¹

Памятка составлена в 1935 году, а в 1937 году И. М. Дурова постигла та же судьба, что и многих других талантливых людей. Он был репрессирован и расстрелян. По словам односельчан, его арестовали «за связь с границей»². Однако сам И. М. Дуров успел

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 174.

² Данную информацию сообщила директор краеведческого музея г. Беломорска Т. И. Титова в ноябре 1992 года. Она собирает материалы о поморском краеведе И. М. Дурове.

собрать огромный фольклорный материал у жителей Карельского Поморья. В Научном архиве КарНЦ хранятся чудом уцелевшие три огромных тома коллекции, принадлежащей краеведу-самоучке И. М. Дурову. Записи производились с 1915 по 1937 год. В коллекции представлены как традиционные фольклорные жанры, так и новые формы народного творчества. Вот краткое содержание коллекции. Из песенных жанров здесь имеются свадебные песни — 36 номеров, лирические — 193, семейные — 22, рекрутские — 12, шуточные — 13, колыбельные — 18, тюремные — 2, военные самостоятельные солдатские песни — 7, плясовые и хороводные песни — 4. Традиция причитывания представлена в коллекции 13 похоронными причитаниями, 48 свадебными, 2 рекрутскими, 4 бытовыми. В этом уникальном собрании имеется 146 заговоров, 6 былин, 42 духовных стиха, 4 волшебные сказки, 46 анекдотов, 4 баллады. Здесь представлено огромное количество так называемых малых жанров: 1393 частушки, 325 пословиц, 51 загадка. Из детского фольклора Дуровым записано 92 игры для детей, 7 головоломок. Есть также записи воспоминаний о гражданской войне, которые, как известно, вменялось в обязанность записывать всем собирателям фольклора того времени. И. М. Дуров включил в свою коллекцию и рукописи своих статей, основанных на местном поморском материале. Приведу названия некоторых из них: «Заговоры и заклинания у поморов Беломорья (Материалы о бытовании жанра)»; «Дополнение к работе „Заговоры и заклинания у поморов Беломорья“»; «Рукопись об информаторах»; «Причитания в Карельском Беломорье»; «Стихи духовные»; «Вступление Дурова к собранным им текстам духовных стихов»; «Песни Кемского Поморья»; «Игрищные песни»; «Народные гуляния»; «Песни обрядовые»; «Свадебные песни»; «Обыденные песни»; «Уличные песни»; «Характеристика некоторых воплениц и знахарок Беломорья»; «Верования о небе»; «Значение трав в народной медицине и знахарстве». В очерке «Песни Кемского Поморья», например, он пишет о роли песни в повседневной жизни женщины, приводит тексты различных по жанру песен и рассказывает, в каком случае они исполнялись. В статье описаны бытовые, колыбельные и уличные песни, обрядовые песни и плачи, игрищные песни, которые звучали на вечеринках и гуляньях. Краевед описал поморскую свадьбу. В статье «Заговоры

и заклинания у поморов Беломорья» собраны наговоры на все случаи жизни и даны жизнеописания колдунов и знахарок. В 1935 году И. М. Дуров написал большой этнографический очерк «Быт рыбаков в обычаях и предрассудках», в котором описывает годовой цикл рыболовецких промыслов, рассказывает об обрядах, связанных с началом и концом каждого промыслового сезона, приводит различные приметы, сулящие рыбаку обильный улов.

С 1912 года И. М. Дуров начал сбор материала по изучению поморского языка. Вот как сам он об этом пишет: «В 1912 году в Отделение Русского языка и словесности Академии наук представляю материал по описанию говора поморов Сумского посада и с этого времени собираю материал по изучению поморского языка и словесности, каковой в обработанном виде в конце 1934 года передал в КНИИ для издания»¹. Лингвистический материал, собранный И. М. Дуровым, представляет собой восемь огромных томов², в которые вошло 12090 слов. Вступительная статья «Очерк живого поморского языка» на 195 листах так и осталась неопубликованной. Отдельный 189 том³ на 42 страницах представляет переписку И. М. Дурова с руководителем этнографо-лингвистической секции КНИИ А. Н. Нечаевым по вопросам составления «Живого поморского словаря» и собирания словарного и фольклорного материала 1934—1935 годов⁴.

Особая ценность собранного И. М. Дуровым материала заключается в том, что он сам являлся носителем поморской устной традиции. Его методика вполне соответствует современной методике диалогической антропологии. Благодаря записям Дурова мы можем представить жизнь и быт поморов того времени в полном объеме.

В научном архиве КарНЦ сохранилась биография И. М. Дурова. В ней сказано: «Иван Матвеевич Дуров родился 12 июля 1894 г. в Сумском посаде, в семье рыбака. Окончил двухклассное

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 35, д. 13.

² АКНЦ, ф. 1, оп. 32, № 181—188.

³ Там же. № 189.

⁴ В настоящее время словарь издан: Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Изд. подгот. И. И. Муллонен, В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова. Петрозаводск, 2011. 456 с.

приходское училище Министерства народного просвещения в Сумском посаде. В дальнейшем пополнял круг своих знаний самообразованием. По краеведению начал работать с 1910 года, т. е. почти сразу же после школьной скамьи, интересуясь жизнью и бытом поморов и в особенности их творчеством. Начал записи и сбор фольклорного, этнографического и исторического материала сначала по Сумскому посаду и впоследствии на территории Сорокского и Кемского районов современной Карелии (б. Кемский уезд)»¹. Можно сказать, что в данной ситуации сложились идеальные условия для сбора материала, так как сам собиратель являлся местным жителем, хорошо знал своих информантов и мог сам дополнить собранные сведения личными познаниями в области устного народного поэтического творчества.

С 1910 года в газетах «Архангельск» и «Северное утро» появляются первые небольшие статьи И. М. Дурова по краеведению. В 1911 году он стал членом Поморского отдела Архангельского общества изучения русского Севера. В 1912 году в журнале, издаваемом этим обществом, появилась его первая статья «Несколько слов о кустарной промышленности Поморья». До 1917 года в журнале «Известия Архангельского общества изучения русского Севера» регулярно выходили статьи И. М. Дурова о Поморье.

С 1923 года И. М. Дуров принимает участие в работе Общества изучения Карелии, созданного в Петрозаводске. В 1926 году он вступает в Соловецкое общество краеведения, где в 1929 году выходит его первая крупная работа — «Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья».

В 30-е годы И. М. Дуров — инструктор Карельского бюро краеведения по Беломорскому району. Он руководит Сумской ячейкой краеведения, создает ячейки в Нюхче, Колежме, Вирме, Сухом, Сороке, члены которых занимаются сбором фольклора. Помогает Ивану Матвеевичу в работе его жена, Вера Петровна, записывая у местных жителей песни и сказы.

Есть сведения о том, что он выезжал с поморским хором в Москву, а в родном Сумском посаде поставил на сельской сцене по-

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 35, д. 13.

морскую свадьбу¹. В настоящее время краеведы г. Беломорска занимаются изучением фольклорного наследия И. М. Дурова, а также судьбой его семьи. При разговоре с местными жителями Сумпосада выяснилось, что во время Великой Отечественной войны была репрессирована и жена Ивана Матвеевича Вера Петровна Дурова, а их малолетняя единственная дочь была отправлена в детский дом. Недавно она приезжала на родину, чтобы узнать хоть что-нибудь о судьбе своих родителей².

¹ Со слов директора Беломорского музея Т. И. Титовой.

² В приложениях см. снимки, сделанные с некоторых страниц рукописи коллекции И. М. Дурова, а также описи собранного им материала.

ОТКРЫТИЕ А. Н. НЕЧАЕВЫМ ПОМОРСКОГО СКАЗОЧНИКА М. М. КОРГУЕВА, ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ МАНЕРЫ

Самым большим достижением экспедиций в Карельское Поморье было открытие богатой сказочной традиции и, в частности, талантливого сказочника Матвея Михайловича Коргуева. Заслуга в этом по праву принадлежит ученому-фольклористу А. Н. Нечаеву, который в 1933 году «открыл» замечательного сказочника, а затем в течение ряда лет записал основной его репертуар. По количеству и объему записанных от него текстов М. М. Коргуев занимает одно из первых мест среди русских сказочников.

Известные фольклористы в те годы давали самые высокие отзывы об исполнительском мастерстве М. М. Коргуева: «По богатству своего репертуара Коргуев, несомненно, является одним из выдающихся русских сказочников, — писал о нем литературовед В. Г. Базанов. — Он принадлежит к числу тех сказочников, которых в науке принято называть классиками или эпиками»¹. М. К. Азадовский в предисловии к двухтомнику сказок М. М. Коргуева подчеркивал, что «...общее значение книги усугубляется еще и тем, что в лице Коргуева перед нами первоклассный мастер, который должен быть причислен к числу лучших русских сказочников»².

¹ Сказки М. М. Коргуева. Беломорск, 1944. С. 3 — 4.

² Сказки Карельского Беломорья. Т. 1: Сказки М. М. Коргуева. Книга первая. Петрозаводск, 1939. С. 7. Далее сокращенно: Коргуев.

Несмотря на всемирное признание М. М. Коргуева как талантливого русского сказочника, его творчеству до последнего времени не посвящено ни одной специальной монографии. Вступительная статья и комментарии к научному изданию 1939 года, написанные А. Н. Нечаевым, являются основным источником, дающим сведения о творческом облике сказочника. Однако наука о сказке за последние 60 лет шагнула далеко вперед, и многие положения статьи уже устарели.

«Открытие» сказочника не было случайностью. Оно явилось неотъемлемой частью одного из этапов в собирании и изучении общерусской сказочной традиции в целом и русской сказки Карелии в частности.

30-е годы XX века считаются самыми плодотворными по интенсивности собирания и публикации русских сказок. Одних только сказочных сборников в эти годы вышло более пятидесяти.

В 1937 году выходит сборник сказок сибирской сказочницы Н. О. Винокуровой с обстоятельной вступительной статьей А. М. Новиковой и И. А. Осовецкого¹. В начале сороковых годов были опубликованы сборники сказок Ф. П. Господарева, И. Ф. Ковалева, Е. И. Сороковникова (Магая)².

Всех этих сказочников, в том числе и М. М. Коргуева, по наблюдениям исследователей, объединяет «тяга к реалистичности и некоторой литературности», подчеркивается влияние на формирование их репертуара книги, современной действительности. «Независимо от жанра рассказываемой сказки, — пишет известный фольклорист Э. В. Померанцева, — все они стремятся реалистически обосновать фантастические сюжеты, насытить сказку бытовыми деталями, раскрыть психологический образ, сделать сказку поучительной, социально заострить ее, придать ей политическое звучание»³.

Оказавшись в поле зрения формировавшейся в те годы новой социалистической культуры, все они пытались создавать

¹ Новикова А. М., Осовецкий И. А. Сказки Куприянихи. Воронеж, 1937.

² Сказки Ф. П. Господарева / Зап. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941. 660 с.; Сказки И. Ф. Ковалева / Запись и комментарии Э. Гофман и С. Минц. М., 1941; Сказки Магая (Е. И. Сороковникова) / Записи Л. Элиасова и М. Азадовского. Л., 1940. 336 с.

³ Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1965. С. 161.

произведения о советской действительности, о героях гражданской войны.

Являясь сказочником своей эпохи, отразив в своем творчестве все ее закономерности и особенности, М. М. Коргуев, в первую очередь, представляет интерес как русский сказочник Карелии. Его творчество — одно из весомых звеньев в неразрывной цепи русской сказочной традиции Карелии.

Первые записи русских сказок Карелии были сделаны еще собирателями XIX века, политическими ссыльными А. М. Баласогло и П. Н. Рыбниковым. Целенаправленное собирание и изучение этого жанра связано с собирательской деятельностью Н. Е. Ончукова, А. А. Шахматова, М. М. Пришвина. В 1908 году вышел из печати сборник «Северные сказки», составителем и автором вступительной статьи которого был Н. Е. Ончуков. Продолжая традицию изучения фольклорных памятников, начатую П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом при публикации былин, он впервые в практике издания русских сказок расположил их в сборнике не по сюжетам, а по исполнителям, объединяя по географическому принципу. Такая система публикации имела большое преимущество по сравнению с сюжетным расположением. Она давала возможность выявить локальные особенности сказочной традиции того или иного района, проследить типологию исполнительского мастерства, а также особенности индивидуальной манеры исполнения.

В обширной вступительной статье Н. Е. Ончуков впервые в истории отечественной фольклористики указал на ряд особенностей сказок, а также на причины широкого бытования сказки на Севере, обусловленные спецификой условий труда и быта крестьян. «В лесу на рубке деревьев и в море на ловле рыбы и зверей сказки рассказываются потому, что на этих занятиях образуется невольный досуг. Зимой рано темнеет, приходится рано возвращаться в лесовые избушки, спать еще рано и вот на сцену выступают знатоки старин и сказочники»¹.

Целая галерея талантливых русских сказочников из Карелии представлена в сборнике «Северные сказки»: А. С. Никитина и Н. М. Дементьева из Карельского Поморья, старушка Тараева из Кондопоги, Мануйло Петров из Морской Масельги.

¹ Ончуков Н. Е. Северные сказки. С. XVII.

В 1911 году в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» было опубликовано 17 сказок из Карельского Поморья, записанных политическим ссыльным Г. Цейтлиным. В 1918 году в Петрозаводске вышел сборник «Заонежские сказки» учителя П. Коренного, в котором представлены сказки, записанные от его матери П. Н. Коренной.

В 1920-е годы русские сказки на территории Карелии записывал известный русский филолог А. И. Никифоров. В статьях «К вопросу о задачах и методах научного собирания произведений устной народной словесности»¹ и «Теперішній Заонежський казкароповидач»², основанных на наблюдениях во время заонежской поездки, он сформировал новые требования к собирательской работе, основные задачи при записи сказок, определил основные типы сказочников.

Записывая сказки в Заонежье, А. И. Никифоров обнаружил, что они бытуют повсеместно, а не являются достоянием отдельных талантливых сказочников. На основании своих наблюдений пришел к выводу, что сказку надо рассматривать как общенародное явление. В связи с этим ее необходимо записывать от всякого, кто знает хотя бы одну из них, а также стремиться к более широкому охвату как исполнителей, так и территории записи. Для изучения сказок ценность имеют абсолютно все варианты. В статьях автор делится интересными наблюдениями о бытовании сказки. Главными задачами при записи фольклорного материала А. И. Никифоров считал точность фиксации текста, изучение исполнительской манеры и среды, в которой бытует сказка. Он предложил выделить типы сказочников в зависимости от репертуара, исполнительской манеры и стиля рассказывания.

Одним из первых в истории фольклористики А. И. Никифоров предложил рассматривать сказку под социальным углом зрения. Сделал он это на материале севернорусской сказки³. Он полагал, что поэтика сказки, ее жанровое разнообразие, мифология, эсте-

¹ Известия Гос. Рус. геогр. об-ва. Т. LX, вып. 1. А.; М.; 1928. С. 79 – 109.

² Никифоров А. И. Теперішній Заонежський казкароповидач // Етнографічний збірник. Львов, 1930. № 9.

³ Сергею Федоровичу Ольденбургу: К 50-летию научно-обществ. деятельности. 1882 – 1932 / Сб. ст. А., 1934. С. 377 – 397.

тика, другие теоретические аспекты зависят от живого бытования сказки, социальной среды, от непосредственных исполнителей¹.

СобираТЕЛЬСкая работа А. И. Никифорова, а также его наблюдения о бытовании сказки в Заонежье имеют важное значение не только в изучении русской сказочной традиции Карелии, но и представляют собой новый этап в собирании и изучении русского фольклора в целом.

В 1926 году в Заонежье записывала сказки и И. В. Карнаухова в составе экспедиции Государственного института истории искусств. Краткий отчет о записанном материале представлен в сборнике «Сказочная комиссия в 1926 году»².

И. В. Карнаухова и А. И. Никифоров огромное значение придавали социальным и даже классовым факторам, влияющим и на выбор репертуара исполнителей, и на идейную направленность самого содержания. Действительно, в первые годы советской власти происходила перестройка всех сфер политической, хозяйственной, общественной жизни страны, коснулась она и устного народного творчества, в частности, сказки. «Сказка несет большую социальную нагрузку, отображая расслоение крестьянства, — писала И. В. Карнаухова в статье „Сказка как социальный фактор“. — Это находит выражение в самом выборе материала сказочником (репертуар — показатель круга его интересов и вкусов), в подходе к этому материалу, в отношении к нему исполнителя как представителя определенной классовой прослойки»³.

Однако методика сбора сказочного материала И. В. Карнауховой несколько отличалась от предложенной А. И. Никифоровым безотборочной записи сказочных текстов. Она стремилась записывать наиболее полноценные в художественном отношении тексты. Главным и новым в ее методике было «изучение сказочника как артиста». В статье на эту тему, написанной в 1930 году и опубликованной благодаря В. М. Гацаку в 1977 году, И. В. Карнаухова

¹ Подробнее о фольклорной деятельности А. И. Никифорова см. в ст. В. Я. Проппа «А. А. Никифоров и его „Севернорусские сказки“» // Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.; Л., 1961.

² Сказочная комиссия в 1926 году. С. 22 — 25.

³ Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л., 1934. С. 33.

подчеркивает, что «сказка состоит из: а) сказочника, б) материала, в) исполнения, г) аудитории»¹.

Сборник И. В. Карнаухова, дополняя материалы, записанные в Заонежье А. И. Никифоровым, дает наглядное представление о бытовании сказки в Карелии в 20-е годы XX века.

Подчеркивая важность изучения русского фольклора Карелии М. К. Азадовский говорил с трибуны I съезда писателей КФССР в 1940 году: «На материале, *записанном в Карелии, создавалась, в сущности говоря, вся русская наука о фольклоре*»² (курсив автора).

Карельский научно-исследовательский институт сосредоточил всю последующую собирательскую работу по русской сказке в трех районах Карелии — Карельском Поморье, Пудожье, Заонежье.

Карельское Поморье было тем районом, к которому в первую очередь было привлечено внимание ученых. Летом 1932 года члены беломорского отряда фольклорной экспедиции Карельского научно-исследовательского института и Института по изучению народов СССР обследовали поморские села Поньгома, Сумпосад, Колежма, Нюхча, Лапино, Воренжа³.

Членами отряда за короткий промежуток времени было собрано большое количество фольклорного материала, в том числе 50 сказок, бывальщин и легенд. А. Н. Нечаев в ту поездку познакомился с талантливыми поморскими сказочниками Ф. Н. Свиным, Е. С. Приваловым, М. О. Нетужиловым.

Первая встреча А. Н. Нечаева с М. М. Коргуевым произошла позднее, летом 1933 года. Вот как об этом вспоминал сам сказочник: «В 33-м году я на тони рассказывал, приехал Нечаев, поздоровался и хотел записать, но я ему только „Шута“ рассказал, а потом некогда было»⁴.

Основной сказочный репертуар М. М. Коргуева, который составил более 120 сказок, А. Н. Нечаев записал с 1936 по 1938 год. Кроме этого в 1937, 1938, 1939, 1940, 1941 годах фольклорный материал от М. М. Коргуева записывали собиратели К. Белова,

¹ Карнаухова И. В. Об изучении сказочника как артиста / Публикация В. М. Гадца // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. С. 319—332.

² На рубеже. [Петрозаводск], 1941. №. 1—2. С. 56.

³ Фольклорный архив ИРЛИ. Кол. 28, папка 13.

⁴ АKNЦ, ф. 1, оп. 1, кол. 122, № 29.

В. В. Чистов, М. Фомкин, М. А. Михайлова, А. М. Иванушкиной в 1938 и В. Дмитриченко в 1939 году со слов сказочника были записаны рассказы о его жизни, которые, дополняя друг друга, дают наглядное представление о формировании исполнительского мастерства М. М. Коргуева. В Научном архиве КарНЦ РАН в настоящее время хранится 122 сказки, записанные от М. М. Коргуева, из них 86 волшебных, кроме этого, одна былина, шесть новин, одна карельская эпическая песня и 15 русских лирических песен.

В 1939 году в г. Петрозаводске вышел подготовленный А. Н. Нечаевым сборник сказок М. М. Коргуева, состоящий из двух больших томов¹. В него вошло 86 лучших его сказок. Сборник имеет обширные примечания. К каждому опубликованному тексту дан подробный комментарий, со ссылкой на международный указатель сюжетов, указаны наиболее известные варианты каждой сказки, а также даны некоторые наблюдения о манере исполнения сказочника. Помимо публикации сказок, в конце книги имеется краткое описание каждой из них, что позволяет читателю сконцентрировать внимание на композиции сказки, выделить в ней основные сюжетные ходы.

Большой интерес представляет вступительная статья А. Н. Нечаева. В ней автор впервые подробно называет причины, способствовавшие становлению и развитию богатой фольклорной традиции Карельского Поморья, а именно:

— Культурное влияние на Поморье Новгорода, начиная с периода колонизации славянами территории, включающей современную Карелию;

— Прогрессивная роль монастырей «как рассадников письменности в раннем периоде их деятельности»;

— Влияние московской культуры начиная с середины XVI века в период «активной торговли Москвы с Западом через северные реки и Белое море»;

— Отсутствие в Поморье такой формы социального и экономического порабощения народа, как крепостничество, повлиявшее на формирование свободлюбивого поморского характера;

¹ Сказки Карельского Бедоморья. Т. 1: Сказки М. М. Коргуева / Записи, вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Кн. 1. 660 с.; Кн. 2. 676 с.

— Духовное обогащение поморов благодаря общению с политическими ссыльными царской России;

— Влияние скоморохов, которые вынуждены были скрываться в Средние века на Севере от преследования властей.

Особое внимание А. Н. Нечаев уделил распространению грамотности, которая сыграла большую роль в развитии духовной культуры Поморья.

В фольклористике в то время господствовало общепринятое мнение, что грамотность губительно влияет на бытование фольклора в народной среде. Богатство и разнообразие фольклорной традиции края объяснялось неграмотностью широких кругов поморского населения. А. Н. Нечаев убедительно доказал, что по уровню грамотности поморы во второй половине XIX века были на одном из первых мест в России. Многие исследователи, побывавшие в Поморье в разное время, отмечали наличие в поморских семьях книг самого различного характера и содержания. Присутствие в репертуаре талантливых и «рядовых» исполнителей сказок книжного происхождения, творческая переработка их в духе народнопоэтической традиции позволяет констатировать благотворное влияние книг на развитие фольклорной традиции.

В статье дана характеристика сказочного репертуара М. М. Коргуева. Выделены специфические особенности его исполнительской манеры, указаны способы пополнения им своего сказочного запаса.

Как уже было сказано, А. Н. Нечаевым в Поморье был обнаружен и другой интересный сказочник Ф. Н. Свиньин из старинного поморского села Сумпосад. От него А. Н. Нечаевым и А. Родиной в 1933 — 1937 годах было записано 64 сказки.

Унаследовав сказочную традицию Поморья от своей матери, обогащая ее затем на морских промыслах, Ф. Н. Свиньин, однако, в значительной мере пополнял свой сказочный репертуар из книг. Достаточное для того времени трехклассное образование, а также хорошая память позволили ему почти дословно пересказывать сказки «Тысячи и одной ночи», а иногда и целые литературные произведения приключенческого содержания. Естественно, не имея аналогий в фольклорной традиции, такие произведения не усваивались в широких народных кругах. Несомненно, однако, что они пользовались популярностью у слушателей.

Ф. Н. Свиньин

Ф. Н. Свиньин не только исполнял сказки, усвоенные им ранее, но и создавал новые. В сборнике «Сказания о героях Арктики» (Петрозаводск, 1938) опубликована его сказка «Ледяное царство».

В 1935 году в д. Калгалакша И. Этина записала 17 сказок от сказочницы К. Е. Демкиной 60-ти лет. Несмотря на то что сказок от нее записано немного, по их содержанию можно судить о тенденциях, прослеживающихся в бытовании сказок того периода. Здесь и широко известные в Поморье волшебные сказки на сюжеты «Неосторожное

слово» (СУС 325), «Подмененная невеста» (СУС 403), «Семь Симеонов» (СУС 653); пересказы литературных сказок Пушкина, Жуковского, Ершова, Аксакова; сказки, усвоенные из лубка, например, «Еруслан Лазаревич» (СУС 650 В), детские сказки, анекдоты.

О повсеместном характере бытования сказок в Поморье в 1930-е годы свидетельствуют материалы фольклорной экспедиции 1938 года, участниками которой были И. М. Колесницкая, Н. А. Алексеев, Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкина, М. А. Шнеерсон. Собиратели записали около 150 сказок от тридцати трех исполнителей.

Самое большое количество сказок записано в старинном поморском селе Сумпосад. Среди интересных сказочников с большим репертуаром — Н. А. Бахилев шестидесяти двух лет, Н. Д. Клевин пятидесяти шести лет, М. О. Нетужилов шестидесяти двух лет, А. С. Никитина восьмидесяти лет, Е. С. Привалов семидесяти лет, Е. В. Рохмистрова шестидесяти трех лет. По свидетельствам собирателей, усвоение сказок большинством исполни-

телей происходило на промыслах. Так, например, В. М. Филатов «с малых лет ходил в море на лов трески; сказки слышал на промысле и от отца дома... во многих случаях его аудиторией при рассказывании сказок были охотники». М. О. Нетужилов «с ранних лет работал по найму, ходил на рыбный промысел, где по его словам выучился мастерству рассказывания»¹.

Активно продолжалось собирание сказок в Карельском Поморье и в 40-е годы. Методика оставалась прежней. Производя безотборочную запись сказок, собиратели открывали все новых и новых талантливых исполнителей.

В с. Кереть З. Рутковская и Г. И. Телкин записывали сказки от В. П. Меньшикова шестидесяти трех лет, земляка знаменитого уже в то время сказочника М. М. Коргуева. В. П. Меньшиков был хорошо знаком с М. М. Коргуевым: «Мы с ним вместе работали и все вечера друг другу рассказывали сказки»². Репертуар В. П. Меньшикова состоит, в основном, из длинных волшебных сказок.

Е. Родина обнаружила в Керети еще одного талантливого сказочника А. Е. Старикова, шестидесяти девяти лет, от которого записала 18 сказок, в основном, волшебного содержания. На материале сказок В. П. Меньшикова и А. Е. Старикова можно проследить преемственность сказочной традиции одной деревни.

В этом же году в д. Боярской Т. В. Сторожева и Г. В. Кикинов записали 13 сказок от А. К. Богданова шестидесяти четырех лет. А. К. Богданов среди своих учителей, от которых он перенимал сказки, называл и М. М. Коргуева. В то же время В. П. Меньшиков ссылался на А. К. Богданова как на своего учителя.

Таким образом, в 40-е годы в Поморье сказка еще живет активной жизнью, постоянно происходит творческий обмен сказочным репертуаром, обогащение его за счет литературной сказки.

Активизация собирательской работы побуждала исполнителей самим записывать свои сказки. Так, например, коллекция № 50 полностью состоит из собственноручных записей сказочников В. П. Анхимкова, П. И. Федорова.

¹ АKNЦ, кол. 39, № 35.

² АKNЦ, кол. 122, № 34.

Собирание сказок в Карельском Поморье, прерванное войной, было продолжено в 1948 году. Сказочные материалы, записанные К. В. Прохоровой и А. Ф. Соляковой в богатом сказками селе Кереть, свидетельствуют о хорошей сохранности поморской сказочной традиции. Собиратели продолжают «открывать» здесь новых талантливых сказочников. Это Е. М. Савин сорока пяти лет, Е. И. Ладина семидесяти трех лет. В их репертуаре преобладают традиционные волшебные сказки. Необходимо заметить, что женщины в Поморье нередко наравне с мужчинами занимались нелегким рыбацким трудом. Большинство сказок, по признанию Е. И. Ладиной, «она слышала от брата и женщин на тони»¹.

Значительно активизировалось собирание сказок в Поморье в 60-е годы. В это время было решено начать подготовку к изданию академического сборника русских народных сказок Карельского Поморья. Состоялось четыре экспедиции в этот район. Собиратели стремились как можно полнее обследовать населенные пункты в данном направлении. Сказки в те годы записывались, в основном, от женщин среднего и пожилого возраста. Репертуар их большей частью был рассчитан на детскую аудиторию. Изменение условий труда и быта повлекли за собой изменение форм досуга. Стало наблюдаться постепенное перемещение традиционной сказки из взрослой в детскую среду.

В 1965 году А. П. Разумова и А. А. Митрофанова впервые обследовали сказочную традицию с. Поньгома Кемского района. Здесь им посчастливилось встретить незаурядную сказочницу П. В. Миккову шестидесяти девяти лет. От нее было записано 49 сказок. Унаследовав, в основном, сказочную традицию своего родного села Калгалакша, П. В. Миккова существенно пополнила свой репертуар после замужества в с. Поньгома. В ее сказках можно обнаружить черты, в целом характерные для поморской сказочной традиции.

Другой интересной сказочницей из Поньгомы является С. В. Дмитриева пятидесяти пяти лет. Карелка по национальности, она более тридцати лет прожила в русской среде и хорошо переняла поморскую сказочную традицию.

¹ АКНЦ, кол. 58, № 54.

Интересной находкой явилась семья Сахаровых в г. Беломорске. В 1968 году А. П. Разумова и Т. И. Сенькина записали сказки от шестидесятилетней Е. А. Сахаровой, от ее сына Б. Н. Сахарова тридцати пяти лет, от невестки Н. И. Сахаровой и внуки Маши пяти лет.

Хранительницей семейной сказочной традиции является и А. И. Суслонova семидесяти лет из с. Сумпосад. В 1968 году А. П. Разумова и Н. А. Лавонен записали от нее 17 сказок. Оказалось, что А. И. Суслонova — дочь А. С. Никитиной, от которой записывал сказки еще Н. Е. Ончуков, а позднее, в 1938 году, — сотрудники института.

Весь собранный за многие годы сказочный материал, который хранится в Научном архиве КарНЦ, был использован при подготовке сборника «Русские народные сказки Карельского Поморья»¹. Для публикации были отобраны тексты, наиболее полно отражающие специфику поморской сказочной традиции. К каждому из них составлен научный комментарий. Кроме этого, в сборнике имеется опись сказочного материала Карельского Поморья, хранящегося в Научном архиве КарНЦ. В обширной вступительной статье А. Разумовой дана характеристика поморских сказок.

Отмечено, что сказки Поморья отражают, в основном, общерусскую сказочную традицию. Однако на ее фоне они выделяются целым рядом существенных черт. Это, в первую очередь, любовь к длинным волшебным сказкам, стремление к контаминации. Поморские сказки испытали влияние былинной традиции, карельской сказки, книги. В них очень ярко проявляются черты местного поморского быта. Всего в сборнике имеются сведения о 597 сказках, записанных более чем за 30 лет от 121 исполнителя.

Таким образом, в настоящее время имеется возможность проследить взаимосвязь сказок М. М. Коргуева с поморской сказочной традицией, показать ее влияние на формирование личности сказочника.

Помимо Поморья на территории Карелии широко известны два локальных центра, славящихся своим фольклорным богатством, — это Заонежье и Пудожье. Они также тщательно исследо-

¹ Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974. 424 с. Далее сокращенно: Поморье.

ваны. О результатах собирательской работы можно судить по академическим сборникам: «Русские народные сказки Пудожского края» / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина (Петрозаводск, 1982), «Сказки Заонежья» / Сост. Н. Ф. Онегина (Петрозаводск, 1986), изданным по тому же принципу, что и сборник «Русские народные сказки Карельского Поморья»¹.

Таким образом, можно охарактеризовать особенности сказочной манеры М. М. Коргуева на фоне русской сказки Карелии в целом.

Для понимания формирования исполнительского мастерства сказочника имеют значение все, даже мельчайшие детали его жизни, окружающей обстановки. Следуя совету Гете: «Кто хочет понять поэта, должен отправиться в страну поэта», попытаемся мысленно представить себе Карельское Поморье конца XIX века.

М. М. Коргуев родился в 1883 году в селе Кереть бывшей Архангельской губернии, Кемского уезда. По словам А. П. Энгельгарда, Кереть в то время представляла «довольно крупный административный центр. Кроме волостного правления здесь имеют место пребывания мировой судья, становой пристав, сельский врач, лесничий и таможенный чиновник»². Кереть в то время была одним из самых больших поморских селений, в ней насчитывалось 115 дворов, была школа, церковь. Таким образом, она являлась и своеобразным культурным центром Поморья. А. Н. Нечаев во вступительной статье к сборнику «Сказки Карельского Беломорья» приводит убедительные сведения о том, что по уровню грамотности поморы в то время стояли на одном из первых мест в России³. Как известно, основной статьей дохода в Поморье являлись рыбные и зверобойные промыслы, что, в свою очередь, наложило отпечаток на особенность быта поморских сел. Вот как об этом пишет А. П. Энгельгард: «С ранней весны все мужчины уходят на далекие промыслы, и дома остаются только старики, дети и женщины. Женщины заведуют всем домашним хозяйством, занимаются местными промыслами, исполняют обязанности ямщиков, гребцов и нередко несут за своих мужей и братьев общест-

¹ Более подробно характеристику собирательской работы в этих районах см. в кн.: Сенькина Т. И. Русская сказка Карелии. Петрозаводск, 1988. 144 с.

² Энгельгард А. П. Русский Север. Путевые записки. СПб., 1897. С. 55.

³ Коргуев. С. XXXVII – XXXVIII.

венную службу (десятских, старост и проч.), которую, нужно отдать им справедливость, выполняют вполне добросовестно и исправно»¹. Это, вероятно, явилось одной из причин того, что в сказках М. М. Коргуева уделяется повышенный интерес к женским персонажам.

По этническому происхождению поморы считают себя русскими. Тем не менее общеизвестно, что карелы играли существенную роль в формировании поморского населения. Как пишет известная исследовательница Поморья Т. А. Бернштам, «новгородцы были вкраплены в довольно густое карельское население, так как вся прилегающая поморская территория по Карельскому и Поморскому берегам в XV веке входила в собственность „пяти родов корельских детей“»². Следы участия карел в формировании поморского населения сохранились в преданиях об основателях сел. Так, по воспоминаниям самого М. М. Коргуева — его «прадедко Прокопий Борисович был финн, он основал Кереть, там еще не было ни одного жителя, он первый туда приехал»³.

В купчей Ивана Абакумова на землю в дикой Лопи упоминается продавец Юрьи Каргуев из карельского Новолоча рода, который «вместе с землей уступает право в пять лет собирать „празгу“ и получать доход с дикой лопи»⁴. Вполне вероятно, что распространенная в Керети фамилия Коргуевых карельского происхождения.

В упоминавшейся работе А. П. Энгельгарда подчеркивается, что «все сношения с Корелией производятся преимущественно через Кереть». Таким образом, Кереть была тем местом, где наиболее тесно соприкасалась как экономическая, так и культурная жизнь поморов и карел.

Наиболее наглядно эту взаимосвязь можно проследить на примере семьи М. М. Коргуева. Отец М. М. Коргуева был потомственный помор. Судьба не была благосклонна к нему. Оставшись в пятилетнем возрасте сиротой, он был вынужден жениться в 18 лет, первая жена, как и вторая, рано умерли, оставив ему восьмерых детей (в живых ко времени третьей женитьбы осталось

¹ Энгельгард А. П. Русский Север... С. 45 — 46.

² Бернштам Т. А. Поморы. Л., 1987. С. 44.

³ Автобиография М. М. Коргуева / Зап. Дмитриченко // АKNЦ, кол. 122, № 29.

⁴ Хрестоматия по истории Карелии. Петрозаводск, 1939. С. 76.

трое). В 45 лет отец М. М. Коргуева женился в третий раз на матери сказочника. Женой его стала карелка Степанида Петровна из дер. Кушеванда Кестеньгского района.

Как пишет И. Кутасов в очерке, посвященном сказочнику, «мать Матвея Михайловича — карелка, приходила каждую зиму из своей родной деревни Кушеванда в Кереть, чтобы здесь обеспечить себе полуголодное существование»¹.

От брака Степаниды Петровны и Михаила Ивановича родилось еще трое детей, в том числе и будущий сказочник. Трудно себе представить, насколько тяжелой была жизнь этой семьи. Чтобы откупиться от военной службы, отец Матвея Михайловича был вынужден все свое имущество продать купцу Савину. Однако откупиться от судьбы самому ему не удалось. Он «погиб на рыбной ловле, затертый льдами за Мурманом»², когда сыну Матвею шел всего шестой год. Начальное формирование личности сказочника происходило под влиянием матери-карелки и ее родни. Необходимо заметить, что до своей смерти мать Матвея Михайловича жила в его семье. Умерла она в преклонном возрасте. Как вспоминает одна из дочерей сказочника, отец разговаривал с бабушкой только по-карельски, чем вызывал недовольство своей жены, русской по происхождению.

Первые сказки Матвей Михайлович слышал от своей матери на карельском языке. Вот как об этом вспоминает сам сказочник: «Первые сказки слышал от матери. Слыхала в Корелы сказки и руны знала. Она очень любила сказывать ребятам. Сперва я корельски сказки запомнил и рассказывал ребятам... Потом к нам приезжали карелы, я тогда уже карельский язык знал и слушал, а рассказывал на русском языке»³. Среди своих первых учителей, от которых сказочник начал усваивать сказки, он вспоминал свою тетку Настасью Ивановну Старикову, которая также знала много сказок. К сожалению, от М. М. Коргуева на карельском языке записана всего одна руна⁴.

¹ Кутасов И. Матвей Михайлович Коргуев // Карелия. Альманах. Петрозаводск, 1940. Кн. 6. С. 93.

² Из письма дочери М. М. Коргуева // АКНЦ, ф. 1, оп. 50, № 611.

³ АКНЦ, кол. 122, № 29.

⁴ АКНЦ, кол. 47, № 3.

Интересен комментарий к этой руне, записанный со слов М. М. Коргуева собирательницей Беловой: «Эту руну т. Коргуев слышал от матери, которая знала много рун и сказок. Мать слышала, когда еще была девочкой, как пели старики, когда в их деревню приезжали какие-то собиратели рун и записывали, это было около ста лет тому назад». Данная ремарка является лишним подтверждением того, что мать сказочника имела непосредственное отношение к карельской фольклорной традиции. Влияние карельского фольклора характерно не только для М. М. Коргуева, но и для всей русской сказки Карелии, особенно для Карельского Поморья, где контакты с карельским населением были наиболее тесными и длительными.

Выявление влияния карельского фольклора на поморскую сказку и, в частности, на творчество М. М. Коргуева очень сложно. Порой можно принять за заимствование типологическое сходство. Да и само заимствование обнаруживает в себе типологические закономерности, поскольку вековое соприкосновение большого числа разнотнических фольклорных традиций, подверженность последних длительному взаимодействию совпадающих, едионаправленных исторических факторов способствуют «сопряжению линий развития, образованию непрерывно развивающегося коммунитета»¹. В данной ситуации часто происходит «переосмысление формулы *чужое — свое*». К этому вопросу мы обратимся позднее, а сейчас вернемся к биографии сказочника.

В детстве М. М. Коргуеву сполна пришлось испытать жестокую социальную несправедливость. Красноречивее любых исторических документов свидетельствуют об этом воспоминания самого сказочника, записанные от него в 1938 году собирателем В. Дмитриченко.

«Я лишился отца на 6-м году, у матери остались двое детей, я третий. По прежнему времени женщина получала 15 коп. в день, а надо было нас воспитывать и все мы — малолетки. Трудно ей было. Когда мне пошел 7-й год, я сказал:

— Ну, что, мама, что теперь делать?

¹ Гацак В. М. О перспективах изучения межнациональных фольклорных общностей и взаимосвязей // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. С. 5.

— Ну, что поделаешь, — говорит, — придется идти с корзиной.

Вот я проходил один год с корзиной, а ведь ребята надо мной смеются, стыдно мне было. Вот 8 лет исполнилось, я и говорю:

— Не пойду я, мама, больше с корзиной, лучше пойду работать.

Я мог работать и нанялся к одному зажиточному человеку сети вязать.

На 9-м году с ним же поехал на тону. Тяжелый был момент, когда выезжал на тону, что в недосилках надо было тащить невода. Вот мне уже исполнилось 9 лет, десятый. Осенью после улова собрались домой на зиму. Работа на весь сезон (с 20 мая по 1 октября) была 3 рубля. Вот опять настала зима, мне мать и говорит:

— Ну, как, сынок, что делать будешь в зиму?

Я говорю:

— Надо идти работать, я с корзиной не согласен идти. Я, правда, хотел бы поучиться, — говорю, — школа вот в селе стала открываться.

— Слушай, сынок, если ты будешь учиться, а как же я могу тебя прокормить?

— Ну, хорошо, пусть так, тогда я пойду опять на зиму батрачить.

До весны до апреля месяца я опять поработал, а в апреле начинается летний сезон, тогда нужно было нашему купцу — кулаку на судах поваров.

Топерь я пришел к матери и говорю:

— Вот, мама, я пойду поваром на судно.

— Да, что ты, сын, ведь ты еще молод.

— Нет, мама, все равно пойду.

Прихожу в контору Савина и говорю:

— Здравствуйте, Владимир Федорович!

— Здорово, Коргуев, ну, что пришел?

Я говорю:

— Вам надо повара?

— Надо, а можешь ты справить дело поварское?

— Да постараюсь.

— Ну, дак ладно, возьму я тебя на „Сережу“ поваром»¹.

Описание детства сказочника по своему стилю напоминает его сказки. Но не только в стиле, но и в содержании коргуевских сказок одной из главных тем является тема социального неравенства и борьбы за социальную справедливость, такая близкая ему из самой жизни. В соединении мотивов социальной борьбы и победы М. К. Азадовский видел сущность художественного метода сказки².

¹ АКНЦ, кол. 122, № 29.

² Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960. С. 18.

Односельчане М. М. Коргуева, вспоминая его, говорили, что чаще всего рассказывали сказки на «тоне». У поморов в обиходе очень популярно выражение «сидеть на тони». «Во время промысла рыбы в ночное время рассказывали сказки друг другу, — вспоминал А. Е. Стариков. — Больше всего мы сидели с Матвеем Михайловичем Коргуевым, который рассказывал сказки. Рассказывали сказки также и другие рыбаки»¹.

Для рассказывания сказок в Карельском Поморье использовалась еще одна особенность бытовой жизни поморов. Вот как ее описывает собиратель В. Дмитриченко: «Поморы северной части Карельского Беломорья имеют небольшие стада оленей. Летом, когда нет надобности в тягловой силе, олени пасутся вдали от деревень, и уходят так далеко, что осенью, когда в них приходит хозяйственная надобность, ловить их отправляются целыми артелями и поиски продолжаются иногда неделями»².

М. М. Коргуев вспоминал, что они с И. С. Щелгачевым рассказывали друг другу сказки, когда «ходили имать оленей с островов осенью». Обмен сказками у поморов происходил и во время охоты. «Потом на охоту весной ходили с Ильей Богдановым, там ночью охотишься на глухарей, а днем выпсишься и рассказываешь»³. Слышал сказки М. М. Коргуев и на сплаве леса, где проработал «с 17 лет четыре лета».

Известно, что исполнение сказок в древности было связано с религиозно-магической функцией⁴. Сказки рассказывались, чтобы задобрить духов природы и в обмен на сказки получить хороший улов рыбы, поймать в «силки» больше дичи. Естественно, что эта функция давно забыта, и рассказывание сказок у промысловиков и рыболовов давно носит развлекательный характер. Однако рудименты религиозно-обрядовой функции до недавнего времени можно было засвидетельствовать в манере исполнения сказок. Так, например, чтобы усыпить бдительность духов природы,

¹ АКНЦ, кол. 122, № 60.

² Там же. № 29.

³ Там же.

⁴ Более подробно см. об этом: Сенькина Т. И. Русская сказка Карелии // Архаические элементы в специфике бытования русской сказки Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 40 — 51.

Вполне понятно, что для этой цели было использовано большое количество рабочих рук, свыше 25000. Помимо русских, здесь были финны, татары, армяне, черкесы, дагестанцы, чехи, венгры, китайцы, немцы¹.

И здесь короткие часы досуга рабочие коротали традиционно, сказками. Вот как об этом вспоминал сам сказочник: «На прокладке Мурманской дороги я много услышал сказок и повидал разных людей: тульских, вятских, новгородских, саратовских, были черкесы, китайцы»².

Данные сведения из биографии М. М. Коргуева позволяют ответить на вопрос, откуда у неграмотного поморского сказочника столь разнообразный сказочный репертуар, не вмещающийся в рамки поморской сказочной традиции.

Есть в биографии сказочника и такая страница, о которой раньше умалчивали. Сам М. М. Коргуев не видел в этом ничего предосудительного, а воспринимал как один из эпизодов своей нелегкой жизни, тоже непосредственно связанный со сказкой. «В 19-м году Поморье взяли белые, стали всех брать в армию они, мне тоже пришлось идти, человек сорок с нашей деревни поехало. В Кеми — сборный пункт. Там встретил одного с Колы — знал много сказок, познакомился с ним, я и сам тогда рассказывал сказки. (В боях не участвовал.) И мы с ним были всегда дневальными, нас не отпускали и вот вечерами мы и рассказывали. Табаку было мало, а у нас всегда много. Давали за сказки»³.

В этих коротких воспоминаниях сказочника заключена огромная информация о повсеместном бытовании сказки в начале XX века. Даже в столь неподходящих условиях, как война, сказки находили своего слушателя — простого крестьянина, рыбака, солдата.

Итак, сказочник совершенствовал свой талант при самых различных жизненных обстоятельствах. Сумел он привить любовь к сказке и своим детям.

В девятнадцать лет женился Матвей Михайлович на поморке с Терского берега Белого моря (д. Умба) Марии Степановне Чумичевой. У них родилось двенадцать детей, половина умерли совсем

¹ Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 154 — 156.

² АКНЦ, кол. 122, № 29.

³ Там же.

маленькими. С ранних лет слышали дети сказки отца. М. М. Коргуев в беседе с собирателем Иванушкиной не без гордости говорил: «У меня дочь тринадцати лет, так она знает до семидесяти сказок»¹.

О любви к народному творчеству, воспитанной сказочником в своих детях, в очень поэтичной форме написано в повести В. Пулькина «Добрая поветерь». В основу повести легла переписка писателя с младшей дочерью М. М. Коргуева Анной Матвеевной Тютюник-Коргуевой².

Советская власть внесла в судьбу М. М. Коргуева такие же перемены, как и в судьбы всего поморского населения. В 1925 году он вступил в кредитное товарищество, которое помогло ему приобрести два карбаса, снасти, лошадь. Более подробных сведений о периоде жизни М. М. Коргуева с 1925 по 1933 год нет. В 1933 году во время сплошной коллективизации он вступает в колхоз «Красный рыбак» и сдает туда все орудия лова рыбы и лошадь. В колхозе М. М. Коргуев работал бригадиром рыболовецкой артели.

Существенные изменения в его жизни произошли в 1933 году, когда он познакомился с фольклористом А. Н. Нечаевым. Открытие М. М. Коргуева как незаурядного сказочника принесло ему большую известность далеко за пределами Карельского Поморья.

В 1936 году сказочник по приглашению карельских фольклористов приезжает в Петрозаводск, а затем по приглашению А. Н. Нечаева — в Ленинград. В это время от него было записано 113 сказок. В 1937 году он выступал в Карельском издательстве, в Доме народного творчества; в феврале того же года он принимал участие в декаде Карельского искусства в Ленинграде; был участником Первой Всекарельской конференции мастеров народного искусства в Петрозаводске в 1939 году. В конференции принимали участие известные ученые М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, И. И. Мещанинов, Ю. М. Соколов.

Во время приездов в Ленинград М. М. Коргуев познакомился с писателями Алексеем Толстым, Геннадием Фишем. В своих воспоминаниях М. М. Коргуев особенно выделял Александра Прокофьева, так как «он стихи хорошо поет».

¹ АKNЦ, кол. 122. № 29.

² Пулькин В. И. Добрая поветерь. Повесть о сказочнике // Подаренье. Петрозаводск, 1984. С. 147 – 238.

Помимо А. Н. Нечаева со сказочником работали и другие собиратели фольклора — В. Белова, М. Михайлов, А. М. Иванушкина, В. Н. Новиков, Е. Родина, К. В. Чистов, Фомкин, М. А. Иванова, Д. Дмитриченко.

Читатель имел возможность познакомиться со сказками М. М. Коргуева еще до выхода в свет двухтомного собрания его сказок. Они печатались в альманахе «Карелия», в центральных и местных газетах и журналах. В 1937 году в томе серии «Творчество народов СССР» публикуется его сказка «Смерть Чапаева», в 1938 году в Москве выходит сборник избранных сказок М. М. Коргуева «Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым».

Талант М. М. Коргуева был по заслугам оценен. В 1938 году он вместе с рядом других сказителей был принят в члены Союза писателей. В 1939 году советское правительство наградило сказочника орденом «Знак Почета». В эти годы он вступает в ряды коммунистической партии Советского Союза. В 1940 году его избирают кандидатом в депутаты Верховного Совета Карело-Финской ССР.

Однако в родной Керети внимание «верхов» к личности М. М. Коргуева вызывало недовольство односельчан. В беседе с собирательницей Родиной в 1939 году он рассказывал: «В деревне я почувствовал зависть, как меня вызывают. Мужики говорят: „Опять врать поежжает“. А сказки-то все равно рассказывать просят. „Наездился, так поври чего-ни, ври до пуда, а потом све-сим“. И сейчас уж приедешь, так придется впечатления рассказать, про Москву, метро»¹.

Хорошие знатоки и исполнители сказок в Карельском Поморье не были исключением. В родной деревне сказочника Керети кроме него хорошими исполнителями можно считать В. П. Меньшикова, Е. М. Савина, А. Е. Старикова, Е. И. Ладину. Конечно же, оставалось еще много невыявленных сказочников. Поэтому, вероятно, односельчане не считали большой заслугой М. М. Коргуева умение исполнять сказки, однако признавали его первым среди всех сказочников.

Да и сам М. М. Коргуев, по воспоминаниям людей, знавших его, не считал свой талант каким-то особым даром. Рассказывал

¹ АКНЦ, кол. 122, № 29.

сказки просто, никогда не переигрывал. Интересные воспоминания об исполнительской манере сказочника приводит К. В. Чистов в книге «Русские сказители Карелии»: «М. М. Коргуев вошел очень серьезный и спокойный, чуждый всякому лицедейству. Сел очень свободно, как бы занялся каким-то делом — вязанием сетей или плетением корзины, дружески оглядел собравшихся и как бы удовлетворенный, что кругом одни старые знакомые и друзья, хмыкнул в бороду и начал совсем запросто, как будто это была и не сказка, а рассказ о том, как он вчера „похожал сети“, что делал тысячу раз в жизни и о чем рассказывал тоже не единожды»¹.

А. Н. Нечаев, вспоминая особенности исполнительской манеры М. М. Коргуева, рассказывал следующий случай. После неоднократных приездов в Кереть собиратель пригласил сказочника к себе в Ленинград, чтобы продолжить от него запись сказок. Но поначалу дело никак не клеилось. Матвей Михайлович не мог начать привычное для него повествование. Оказывается, он не знал, куда деть руки. Обычно он рассказывал сказки во время починки сетей. Собиратель купил несколько десятков карандашей и предложил сказочнику заточить их. Только когда в руках у М. М. Коргуева появилась работа, он стал рассказывать.

В одном из писем к дочери Матвея Михайловича Анне Матвеевне Тютюник-Коргуевой я спросила, был ли счастлив ее отец. Она ответила: «Нет, конечно. Не может человек быть счастлив со скрюченными пальцами и разорванной поясницей от труда. О чем мечтал, не знаю. Когда началась война, он очень боялся за нас с Шурой, говорил, что если финны придут, то нас же первых повесят». Дочь сказочника поделилась в письме еще некоторыми воспоминаниями об отце. «Отец мой уезжал летом на тоню, а зимой его вызывали в Петрозаводск. Жили скромно, одевались бедно. Электричества не было, керосин выдавали по норме. Колхоз был бедный, держался почти на женщинах, бежали все из колхоза, кто смог и сумел. Попадет рыба, значит хлеб на столе будет, а нет, так на одном молоке жили. Перед войной отцу моему дали пенсию. Многие в деревне ненавидели его, что за вранье деньги получает, а он все рассказывал и рассказывал свои замечательные волшебные сказки». Письмо датировано 22 октября 1987 года.

¹ Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Петрозаводск, 1980. С. 202.

К сожалению, Анна Матвеевна недавно умерла. Кстати, воспитывала ее тетка, так как семья Коргуевых в предвоенные годы жила очень бедно и не могла прокормить всех ее членов.

Думается, сказка для М. М. Коргуева была той живой водой, которая исцеляла его от ран, нанесенных личной судьбиной и противоречивой эпохой. Пользуясь точным, на наш взгляд, определением основных свойств сказки, данным М. К. Азадовским, можно сказать, что «заражающая бодрость и высокая веселость» сказки, тесно связанная «с мотивами социальной борьбы», была одной из главных причин неослабевающего интереса к ней сказочника.

М. М. Коргуев представляет собой яркий пример типичного русского сказочника-эпика начала XX века. Его творчество вообрало в себя все лучшие традиции русского фольклора. Это в первую очередь предпочтение монументальных форм — волшебных сказок героического характера, умелое использование традиционной русской сказочной обрядности для передачи содержания, контаминации мотивов и сюжетов для создания новых сказочных произведений. Многообразие накопленного веками культурного наследия, представленного помимо типично русских народных сказок книжными источниками, а также заимствованными у других народов сказочными текстами, дало возможность сказочнику не только усваивать и передавать их содержание, но и относительную свободу в обращении с ними. Творчество М. М. Коргуева отражает состояние русской сказочной традиции начала XX века с ее соединением в одном тексте социально-психологических мотивов и авантюрного содержания. Сказки Коргуева характеризуют социальную заостренность, психологизм, реализм, местный колорит. В его сказках много лирических ситуаций, особенно в изображении переживаний действующих лиц, в описании женских персонажей. Значительную часть репертуара составляют сказки книжного происхождения. В определенной степени его сказки испытали влияние карельского фольклора. Свои коррективы в репертуар сказочника внесла современная ему социалистическая действительность. Под ее влиянием М. М. Коргуев вводит в повествование новые слова, эпизоды, создает новые сказки — «Смерть Чапаева», «Город-сад», «Сказка о папанинцах», «Происшествие про женщину и слесаря».

Аналогичными чертами характеризуется творчество других русских сказочников, принадлежащих к этому же типу и к данной эпохе. Наиболее близки по репертуару и особенностям передачи содержания сказки М. М. Коргуева и сибирского сказочника Е. И. Сороковникова-Магая. Потомок от смешанного брака русского и бурятки, Магай, как и Коргуев, унаследовал сказочную традицию обоих народов. Как и у Коргуева, в его репертуаре значительную часть составляют сказки книжного происхождения. М. К. Азадовский, анализируя его творчество, отмечал у него те же черты, что и у Коргуева: смешение литературы и фантастики, психологизация фольклорных образов. Он даже называет Магая сказочником-лириком, так как ему особенно удавались женские образы. Как и на Коргуева, на Сороковникова-Магая определенное влияние оказала социалистическая действительность. В его репертуаре есть типично советские сказки, навеянные новой эпохой¹.

Рассмотрение биографии М. Коргуева показало, как формировались исполнительские навыки сказочника, за счет чего, благодаря каким обстоятельствам пополнялся его сказочный репертуар.

Теперь попытаемся проследить на самом сказочном материале основные слагаемые его творческой индивидуальности.

А. Н. Нечаев во вступительной статье к сборнику «Сказки Карельского Беломорья» пишет: «Все сказки Коргуева или, во всяком случае, большинство их, отличаются своими размерами. Средний объем текста его волшебных и волшебного-героических сказок — авторский лист. При этом очень часто сказки представляют собой сложную контаминацию различных мотивов, а иногда и целых сюжетов, искусно соединенных в новой композиции. Такое стремление к монументальности и сложное развертывание сюжета путем соединения мотивов и целых произведений характерно для сказок Карельского Беломорья»². В то время для утверждения выдвинутого положения А. Н. Нечаев располагал незначительным количеством примеров. В качестве весомого аргумента он называет другого крупного поморского сказочника Ф. Н. Свинына, размеры некоторых сказок которого дости-

¹ Азадовский М. К. Сказочник Тункинской долины // Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960. С. 80 — 114.

² Коргуев. С. XVI.

гают четырех авторских листов. Однако сказки Ф. Н. Свинына настолько перенасыщены книжными текстами, что как сказочник он стоит особняком по сравнению с другими поморскими исполнителями. В настоящее время мы имеем достаточное количество примеров в пользу выдвинутого положения. Наиболее ярко стремление к большим сказочным формам прослеживается у таких поморских сказочников, как В. П. Меньшиков, А. Е. Стариков, П. Я. Никонов, А. К. Богданов, Н. А. Бахилев, Е. Н. Ладина, Е. В. Рохмистова и др.

Наиболее любимыми в репертуаре Коргуева являются те сюжеты, которые пользуются наибольшей популярностью в Карельском Поморье в целом. Так, выделенные А. П. Разумовой популярные поморские сказочные сюжеты «Три царства» (СУС 301); «Кашеева смерть в яйце» (СУС 302); «Чудесное бегство» (СУС 313); «Подменная невеста или жена» (СУС 403); «Марко Богатый» (СУС 461); «Волшебное кольцо» (СУС 403); «Амур и Психея» (СУС 425А); «Морозко» (СУС 480В); «Золушка» (СУС 510А); «Чудесные дети» (СУС 707)¹ имеют соответствия в сказках М. М. Коргуева «Елена Прекрасная» (№ 7); «Кашей Бессмертный» (№ 8); «Иван Соснович» (№ 11); «Зорька молодец» (№ 12); «Иван Медведич» (№ 14); «Собака и кошка» (№ 26); «Брат и сестра» (№ 41) и т. д.

Общеизвестно былинное влияние на сказочную традицию Карельского Поморья. И это явление нашло отражение в сказках М. М. Коргуева. Помимо того, что у него записаны сказки непосредственно на былинные сюжеты «Илья Муромец» (№ 39) и «Добрыня Никитич» (№ 40), героями многих сказок у него выступают люди, наделенные необыкновенной силой. Это Иван Соснович, Сукин сын, Иван Медведевич, Матюша Пепельной Налитуровый Колпак, Виноград Виноградович, Еруслан Лазаревич, Полкан Богатырь, Иван Волович, Гриша Кашевар. «Монументальность и героичность беломорских сказок Коргуева, — писал В. Г. Базанов, — в той или иной мере обязаны счастливому содружеству былинной и сказочной традиции»².

¹ Разумова А. П. Сказки и сказочники Карельского Поморья // Русские народные сказки Карельского Поморья. С. 11.

² Базанов В. Г. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1941. С. 246.

А. Н. Нечаев, рассматривая поэтику коргуевских сказок, писал, что им «свойственна большая устойчивость сказочной обрядности»¹. Действительно, как правило, сказки Коргуева начинаются традиционным сказочным зачином: «Вот не в котором царстве, не в котором государстве, а именно в том, в котором мы с тобой живем, жил-был крестьянин» или «Ну конечно, как говорили у нас по-старинному, не в котором царстве, не в нашем государстве был-жил купец». Известны Коргуеву несколько разновидностей концовок от короткой «И стали жить до глубокой старости» до развернутой: «С тех пор живет, поживает и беды никакой не знает. И я там был, пиво-вино пил, по усам текло, конечно, в рот не попало. Дали мне синь кафтан, я иду и хваюсь: „вот у меня синь кафтан, вот у меня синь кафтан“, а птичка на кусту сидит и говорит: „скинь кафтан“, скинул и так без кафтана и пришел. Тут и сказка вся, больше врать нельзя».

Строго соблюдает сказочник законы сказочной поэтики, тричность и трехчленность. Знает М. М. Коргуев почти все типичные сказочные формулы. Однако, как неоднократно подчеркивали исследователи, он пользуется ими очень осторожно, никогда не переигрывает.

Ранее сказано, что знакомство его с фольклором происходило под влиянием матери-карелки. Знание карельского языка позволяло ему усваивать фольклор на карельском языке. К сожалению, собирателями записана от Коргуева только одна эпическая песня на карельском языке о Вяйнемёйнене².

О знании сказочником других карельских эпических песен можно только догадываться. Ученые, соприкасавшиеся с творчеством М. М. Коргуева, неоднократно обнаруживали в его сказках черты карельской эпической поэзии. К. В. Чистов в очерке, посвященном М. М. Коргуеву, пишет по этому поводу: «Сложный вопрос о взаимодействии сказок Коргуева с карельской сказочной традицией еще далеко не изучен. Неоднократно высказывались предположения, что некоторые сюжеты сказок Коргуева, неизвестные в других районах России, карельского происхождения. Кроме того, назывался целый ряд характерных образов, застав-

¹ Коргуев. С. XVI.

² АKNЦ, кол. 47, № 111 (запись 1938 года Беловой).

ляющих вспомнить карельский фольклор. Так, например, в сказке „Червонный валет“ огромный орел гонится за лодкой, в которой сидит герой. Это действительно напоминает погоню старухи Лоухи за Вьянемейненом и Илмариненом в карельских рунах. Совсем недавно финляндский фольклорист В. Кауконен обратил внимание на сходство руны о смерти другого героя „Калевалы“ Лемминкяйнена со сказкой Коргуева „Виноград Виноградович“»¹. Исследователи карельского фольклора В. Я. Евсеев и У. С. Конкка неоднократно указывали на связь сказок М. М. Коргуева с карельскими сказками.

При изучении этого явления необходимо помнить, что оно не является личным привнесением сказочника. Как справедливо заметил Б. Н. Путилов, «не единичные встречи отдельных исполнителей, а систематическое и закономерно обусловленное общение коллективов порождает органическое усвоение одним фольклором традиций другого <...> Усвоение и переработка чужого осуществляется не личностью, а коллективом»².

В этой же работе Б. Н. Путилов подчеркивает важность включения таких фольклорных текстов в «более широкий культурно-бытовой контекст».

Среди русских сказок Карельского Поморья встречаются такие сюжеты, которые имеют больше сходства с карельскими, чем с общерусскими сказками. Это, как уже отмечалось, касается, в основном, сюжетов, наиболее популярных и самобытных в карельском фольклоре и почти не распространенных в общерусской сказочной традиции. К таким, например, относятся сюжеты о невинно гонимых девушках (женщинах): СУС 403 «Подмененная невеста», СУС 510А «Золушка», СУС 450 «Братец и сестрица», СУС 451 «Братья-вороны», СУС 409 «Мать-рысь» и др.³

Так, например, начало его сказки «Брат и сестра» (СУС 403, № 41) ближе севернокарельской, чем русской, версии сюжета. У Коргуева, как и в карельских вариантах, брат с сестрой после смерти родителей так бедно живут, что брат вынужден наняться

¹ Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Петрозаводск, 1980. С. 190.

² Путилов Б. Н. К типологии межэтнических фольклорных связей: природа, закономерности, механизм // Межэтнические общности и взаимосвязи... С. 9.

³ Более подробно о русско-карельских фольклорных связях см.: Сенькина Т. И. Русская сказка Карелии. С. 66 – 140.

на работу к богатому купцу (в карельских вариантах чаще к царю конюху). Противница героини Ягишна по своим функциям имеет больше сходства с персонажем карельских сказок Сюоятар, чем с русской бабой-ягой. Наказание ее дочери в конце сказки выдержано у Коргуева в традициях карельского фольклора. Известно, что в карельских сказках Сюоятар или ее дочь всегда сжигают в бане. Так же поступает царь с мнимой женой в рассматриваемой сказке.

Отличительной чертой карельских вариантов сюжета является наличие в конце повествования следов этиологических рассказов о происхождении природы. В карельской сказке «Пийли, пейли, моя пятнашка», например, когда Сюоятар сжигают в бане, она успевает сунуть безымянный палец в дверку бани и кричит: «Пусть отсюда выйдут черви тлена, гады земли, извечный гнус воздуха — кусать царева сына»¹. В сказке Коргуева аналогичный эпизод: «Когда привели ей в байну, она стала на порог, эти слуги толкнули, и она сгорела, токо охнула и успела вырвать клочок волос и скричала:

— Пусть эти волосы по земле червями плавают!»

Следы этиологических рассказов в мотивах расправы с антагонистом нигде, кроме Карельского Поморья, не зарегистрированы, что позволяет судить об их заимствованном характере.

Еще больше общего с карельскими вариантами в другой сказке М. М. Коргуева «Вот жил один крестьянин» (СУС 409, 510А)². Из поморских сказок наиболее близка коргуевской сказка П. В. Микковой «Про черную овечку»³. У Коргуева Ягишна (в карельских вариантах — Сюоятар) превращает женщину в черную овцу, сама встает на ее место, велит зарезать овцу, а женщина, превращенная в овцу, советует дочери закопать ее кости в землю, помогает ей выйти замуж за царевича. В сказке Коргуева падчерица на пиру в царском дворце не отличается кротостью, характерной для русских вариантов. Она выбивает каблуком глаз своей неродной сестре в то время, когда та под столом «сосет кости». Активный характер поведения героини в аналогичной ситуации

¹ Карельские народные сказки / Изд. подгот. У. С. Конкка. М.; Л., 1963. № 19. Далее сокращенно: Конкка I.

² АKNЦ, кол. 47, № 110.

³ Поморье. № 21.

более характерен для карельского фольклора. На слабую разработку нравственной оценки как одного из ярких свидетельств архаичности карельских сказок о мачехе и падчерице указывает У. С. Конкка: «Кротость и доброта падчерицы обычно не подчеркиваются: наоборот, падчерица по мере своих сил вредит мачехиной дочери, ломая ей руку, ногу, выбивая глаз на пиру у царя и сталкивая мнимую невесту, мачехину дочь, в воду»¹. Воспоминание об иноязычном источнике сохранилось у Коргуева в имени жены старика. Ее зовут Мумой (Муммо в переводе с финского — бабушка).

Сравнение сказок Коргуева с карельскими и поморскими позволило выделить еще несколько сюжетов в его репертуаре, которые пользуются большей популярностью у карел и поморов, чем у русских из других областей. Это «Кащей Бессмертный» (№ 8 — СУС 552А), «Три брата» (№ 10 — СУС 551), «Как старик женился на одной ягой-бабе» (№ 75 — СУС 480); «Как купеческий сын прожил отцовский капитал» (№ 23 — СУС 361). Примером перевода карельской сказки на русский язык может служить только одна сказка М. М. Коргуева «Яков-пастух»². Содержание сказки, как и само название, почти полностью совпадают с карельскими вариантами³. На переводный характер сказки Коргуева указывает в комментарии к карельскому варианту У. С. Конкка. Отличия заключаются в большем религиозно-морализирующем характере карельской сказки по сравнению с коргуевской. Так, в карельском варианте бог отдает пастуху в жены свою дочь за то, что он отдавал все деньги попу, а тот в свою очередь молился. У Коргуева — за то, что герой тридцать лет отдавал деньги нищим, скот не бил, не бранился. В сказке Коргуева, на что также указывала У. С. Конкка, используются черты городского быта, не характерные для карельских вариантов.

О карельском влиянии на сказки М. М. Коргуева можно судить по типично карельским контаминациям. Среди карельских сказок действительно есть контаминации, которые не присущи русской традиции. В русском репертуаре они зафиксированы только в Беломорье и нигде более. Это дает право утверждать, что в местную традицию подобные соединения сюжетов вошли

¹ Конкка I. С. 10.

² АKNЦ, кол. 47, № 107.

³ Конкка I, № 24. См. также: АKNЦ 19, 3; 20, 12; 22, 76; 26, 26.

из соседнего карельского фольклора. Явно карельская контаминация в сказке «Иван Медведевич» (№ 14 — СУС 650А, 315). Сказка с такой же контаминацией зарегистрирована у односельчанина А. Е. Старикова¹. По всей вероятности, эту, как и ряд других сказок, А. Е. Стариков перенял у М. М. Коргуева.

Карельская контаминация есть и в сказке «Иван Соснович» (№ 11 — СУС 650А, 301А, В). В ряде деталей, как считает У. С. Конкка, сказка Коргуева обнаруживает сходство с карельской сказкой «Ольховая чурка»². Особенно это касается демонстрации силы героя и непригодности ее в повседневном труде. Сходно рассказана и сказка А. Е. Старикова³.

Можно указать еще на одну типично карельскую контаминацию у Коргуева — это сказка «Иван Меньшой, разумом большой» (№ 16 — СУС 531, 327В). В карельском Поморье она встречается и у других исполнителей⁴. О популярности данной контаминации у карел см.: Конкка I, комментарий к сказке № 34, а также Конкка II, комментарий к сказке № 23.

Иногда карельское влияние ощущается лишь в использовании некоторых мотивов. Так, например, в сказке Коргуева «Остров золота» (№ 19) есть необычный эпизод, не характерный для русского фольклора. Мать вдруг невзлюбила сына, хотя до его тринадцатилетнего возраста любила. Она велит отцу отправить нелюбимого сына на волшебный остров. Никакой мотивировки перемены ее отношения к сыну у Коргуева нет. По утверждению У. С. Конкки, «есть карельские сказки с таким началом». По наблюдениям Н. А. Криничной, в сказке «Север» (№ 9) фигурирует персонаж, напоминающий известную в карельском фольклоре хозяйку загадок, а в сказке «Матюша Пепельной, Налитуровый колпак» прозвище центрального героя может осмысляться как перевод имени персонажа карельской сказки — тухкимус, также связанного с золой, с пеплом, с домашним очагом⁵.

¹ АКНЦ, кол. 49, № 15.

² Карельские народные сказки: Южная Карелия / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. С. Тупицына. Л., 1967. № 47. Далее сокращенно: Конкка II.

³ АКНЦ, кол. 49, № 12.

⁴ См.: АКНЦ, кол. 58, № 2; кол. 49, № 9.

⁵ Криничная Н. А. Сын моря и сказки // Серебряный корабль. Петрозаводск, 1988. С. 5 — 20.

Таким образом, одной из основных отличительных особенностей исполнительского мастерства М. М. Коргуева является влияние карельского фольклора. Данная особенность, как видно из приведенного материала, формировалась под влиянием матери-карелки и шире — поморской сказочной традиции в целом.

Другой яркой особенностью сказок М. М. Коргуева является книжное влияние. И это притом что сам сказочник был неграмотным. Как уже отмечалось, А. Н. Нечаев убедительно доказал, что «развитие, богатство и разнообразие народно-поэтического творчества находится не в обратной, а в прямой зависимости от грамотности народа»¹. Усваивая сказки книжного происхождения устным путем в пересказе других сказочников или слушая и запоминая их непосредственно из книг, М. М. Коргуев тем самым отражал в своем творчестве состояние русской сказочной традиции начала XX века. Аналогичное явление наблюдается и в творчестве уже упоминавшегося нами сибирского сказочника Сороковникова-Магая.

Постоянно подчеркивая сближение литературы и фольклора на поздних этапах его развития, необходимость изучения «типологии фольклорно-литературных отношений с точки зрения уяснения существенных сторон историко-фольклорного процесса»², исследователи, однако, обходили стороной творчество М. М. Коргуева. Происходило это, по всей вероятности, потому, что в его сказках прослеживается связь не с лучшими образцами книжной культуры, а с народно-лубочной литературой, «для которой типично было произвольное толкование сюжетов и образов русской и мировой литературы и фольклора»³.

В репертуаре М. М. Коргуева имеется достаточное количество лубочных сказок. Это «Бова Королевич» (35); «Виноград Виноградович» (34); «Еруслан Лазаревич» (36); «Полкан Богатырь» (38); «Франциль Веньциан» (37); «Червонный валет» (31) и др.

Феноменальная память М. М. Коргуева позволяла ему почти дословно запоминать усвоенные из книг сказки. Так, например, в

¹ Коргуев. С. XXXIX.

² Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976. С. 201.

³ Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1960. С. 255.

одной только сказке «Бова Королевич» использовано двадцать семь действующих лиц, большинство из которых не характерно для устной русской сказочной традиции. Это король Гвидон, слуга Ричарда, король Кирьбит Верзеулич, его дочь Милитрица Кирбитьевна, ее возлюбленный король Додон, сын Гвидона и Милитрицы королевич Бова, дядя Бовы Симбальда, король Зинзевей Ондронович, прекрасная Дружевна Зинзевеевна, сын могучего славного султана Лукопер, старик Чилигрим, дочь султана Мильцигрея, жених Дружевны храбрый Маркобрун, Полкан Богатырь, князь Урило, брат Симбальды Тервес.

Превосходное знание Коргуевым как устной, так и литературной сказки, умение свободно оперировать имеющимся в его распоряжении материалом позволяло ему, как и другим талантливым сказочникам, создавать сказки нового типа. Э. В. Померанцева называла эти сказки авантюрно-новеллистическими, И. В. Сабитова дала им новое определение — «сказка-роман»¹.

А. Н. Нечаев писал, что сказки Коргуева, продолжая оставаться таковыми, «выходят за пределы обычного представления о сказке»². Влияние сказок литературного происхождения, точнее авантюрно-приключенческих повестей, обнаруживается, прежде всего, в стиле коргуевских сказок, в использовании книжной лексики, в психологизации действующих лиц, в приближении сказочных событий к реальной действительности, в использовании мотивов, не характерных для устной сказочной традиции.

Так, например, сказка «Как царского сына унес комнатный аэроплан» (№ 5 — СУС 575) представляет собой попытку создания на традиционной сказочной основе авантюрного рассказа, приближающегося к авторскому произведению. В ней последовательно рассказывается о судьбе отца и сына путем копирования одного и того же сюжета. Здесь происходит перемещение сказочного повествования в современную сказочную действительность. Сказочная фантастика и реальность существуют как бы в одной плоскости. Так, например, чудесные свойства сказочного героя заключаются в его необыкновенном уме, который проявляется

¹ Сабитова И. В. Общие особенности и региональное своеобразие сказок типа «Портупей-прапорщик» // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1986. С. 35 — 43.

² Коргуев. С. XVI.

в учебе: «И вот старушка отдала его в сельскую школу учитьце. И парень так скоро стал учитьце, што которые три года учились, он уже прошел в год и перешел в третью ступень». Стремлением придать повествованию реалистическую окраску можно объяснить замену типичных сказочных имен более современными. Имена царских детей — Сергей, Татьяна, других персонажей зовут Николай, Маруся. Разнообразен и лексический состав сказки. Наряду с традиционными много современных слов и понятий, непривычных для крестьянина начала XX века: «ероплан», «тунель», «булгахтер», «миллионер», «гостиница», «заведующий», «фирма», «рычаг» и т. д.

Стиль другой сказки М. М. Коргуева «Виноград Виноградович» (№ 34 — СУС 303) также позволяет предположить книжный источник. Подтверждение этого — стремление использовать слова и выражения, не характерные для устной традиции. Например: «а уж чарю это было большой удар и сильнейший стыд»; «а оне друг на друга смотрели и похмыкивали и выпивали изредка по бокалу вина»; «Прекрасный мой Виноград Виноградович, если бы я тебя не любила, дак не предлагала бы самой себя»; «Я, конечно, люблю тебя, но боюсь это сказать, штобы для Вашего высочества было не обидно» и т. д. Необычность, высокопарность речи героев, столь не характерная для повседневной, обыденной, крестьянской речи, обусловлена «эмоциональностью событий, необычайностью поступков героев», усвоенной из лубочной сказки.

Таким образом, изучение сказок М. Коргуева позволяет обнаружить в них тенденции сближения с литературой, о которых писал М. К. Азадовский: «Усиленное внимание к быту, ко всему окружающему, интерес к человеческой личности заставляет раздвигать старые формы и вносить новые элементы... И здесь сказка идет, в сущности, тем же путем, каким шло вообще развитие литературы»¹. Знание М. М. Коргуевым самого разнообразного сказочного материала давало ему относительную свободу в использовании его для обогащения сказочных текстов.

С этой точки зрения особый интерес представляет его сказка «Червонной валет» (№ 31), которая является примером создания на основе усвоенного ранее текста совершенно нового повествования

¹ Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960. С. 59.

с использованием мотивов как русского, так и карельского эпоса. Интересно, что коргуевская композиция была усвоена односельчанами сказочника (см.: АКНЦ 48, I—В, П. Меньшиков — опубликована — Русские народные сказки Карельского Поморья, № 4). Подобная версия сюжета больше нигде не зарегистрирована.

Данная сказка очень редкая. В русском сказочном репертуаре помимо упомянутых имеется всего один вариант, записанный Д. К. Зелениным в 1908 году от пермского сказочника А. Д. Ломтева (Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Петроград, 1914. № 8 — Рязанцев с Милютиным).

О книжном характере сказки А. Д. Ломтева свидетельствуют признания самого сказочника, что «теперь нет ни одной хорошей сказки, которой бы не было в книжках», а также наблюдения Д. К. Зеленина: «Изменить основу, остоу сказки Ломтев считает своего рода преступлением и всегда весьма точно придерживается того самого хода событий, с каким он когда-то усвоил данную сказку. В каждой своей сказке Ломтев видит стройное целое и дорожит этой цельностью» (Сказки и сказочники Екатеринбургского уезда // Великорусские сказки Пермской губернии. С. XXIX, XXXVII—XXXVIII).

Сравнение содержания сказки М. М. Коргуева и А. Д. Ломтева позволяет предположить общий книжный источник усвоения. В обеих сказках чудесным помощником героя является игральная карта (виновый вает — у Ломтева, червонной — у Коргуева), а героем — купеческий сын. В обеих сказках в результате остановки корабля неизвестной силой герой оказывается на острове, хозяйка которого хочет женить героя на себе. В той и другой сказке присутствует мотив «Сосватанные дети», разорение купеческого сына вследствие разгульной жизни и т. д. Скорее всего, и тот и другой сказочник слышали ее из книги или же усвоенную из книги кем-то другим.

Однако если А. Д. Ломтев в передаче сюжета строго следовал усвоенному тексту, то М. М. Коргуев значительно переработал его, в соответствии со своими эстетическими вкусами.

Причиной переработки сказки в первую очередь является несоответствие содержания второй части сказки нравственным идеалам сказочника. Так, во второй половине сказки А. Д. Ломтева герой с помощью виновного ваета бесчестит сосватанную ра-

нее невесту, по улике (сорочке) на свадьбе выдает ее, а затем женится на ней. Как известно, героиня сказок Коргуева — всегда образ возвышенный. Унижающую человеческое достоинство трактовку женского персонажа Коргуев начисто отрицает. Это, на наш взгляд, является основной причиной переделки сказки. Прекрасное знание сказочного материала и талант сказителя позволили ему на имеющейся основе создать своеобразную версию сюжета. Наглядным примером соответствия сказки М. М. Коргуева нормам традиционной сказочной поэтики является усвоение именно этой версии сюжета другим поморским сказочником В. П. Меньшиковым. Более того, В. П. Меньшиков продолжает творческое переосмысление сюжета, корректируя и совершенствуя некоторые эпизоды. Второй причиной переработки сказки Коргуевым является несоответствие облика чудесного помощника книжной сказки с представлениями о нем Коргуева, сложившимися под влиянием традиционной сказочной поэтики. На службе у героя в сказке Ломтева оказываются злые духи, выходящие из винового вальета, которые по своим функциям близки к персонажам низшей мифологии. «Из вальта выходят три ухореза... Если ты не будешь нас посылать, мы тебя убьем самово. Мы не люди, а духи». (Более подробно см. об этом: Д. К. Зеленин. «Великорусские сказки». С. 520.) Коргуев наделяет чудесного помощника положительными чертами в духе традиционной русской сказки. «Вдруг из вальета образовался мужчина. — „Здравствуй, дорогой купец, будешь ты скоро *щастлив*“ (курсив мой. — Т. С.)».

Строгое соблюдение законов сказочной поэтики не мешает, однако, сказочнику вводить в повествование приметы современной действительности.

Для выявления механизма творческого процесса перейдем к непосредственному анализу сказки Коргуева.

Начальный эпизод «Сосватанные дети» у Коргуева отсутствует, повествование начинается с мотива «Остановки корабля на море», известного из былины о Садко. В отличие от сказки Ломтева он осовременивает этот мотив. Чтобы узнать, по какой причине корабль стоит на месте, хотя «поветерь тянет, паруса все надуты», купец решает «отпустить молодого водолаза на пятьдесят сажень», а затем старого водолаза — на сто сажень, от которого и узнает причину остановки корабля. Описание пребывания героя на

острове в общих чертах сходно с ломтевским. У Коргуева старуха превращается в молодую барышню и предлагает себя в жены герою. У Ломтева три барышни по очереди предлагают себя в жены. В том и другом случае герою с помощью игровой карты удастся покинуть остров. На этом сходство двух сказок кончается. У Ломтева герой, не желая связываться с нечистой силой, прячет карту, сын после его смерти находит ее, совершает ряд авантюрных поступков, женится. Коргуев строит дальнейшее повествование по-иному. Он дает подробное описание возвращения героя домой, погони за ним волшебницы, временной победы над ней. У Ломтева данный эпизод вообще отсутствует. В русских сказках мотив чудесного бегства представлен иными формами. Эпизод, изображенный Коргуевым, имеет ряд аналогий в карельских эпических песнях на сюжет о добывании Сампо. У Коргуева старуха-волшебница, чтобы догнать героя и его чудесного спутника, превращается в орла. Аналогичное превращение имеется во многих карельских песнях названного сюжета.

Сделала орла руками.
Хищной птицей обернулась.

Герой обращается за помощью к червонному валету, превращающемуся в юношу. В карельских эпических песнях на сюжет Сампо Вайнемейнен просит своего спутника убить орла.

Икутиера, Лиеры сын,
Вытащи свой меч могучий,
Правою схвати рукою,
С левого бедра из ножен,
И ударь орла по пальцам,
Поруби той птице лапы...

У Коргуева червонный валет, превратившись в юношу, разрубает антагониста на куски, однако предупреждает, что через двадцать лет злая старуха вновь воскреснет...

В карельских эпических песнях героям также не удается окончательно одолеть старуху Похьелы.

Знание сказочником карельского эпоса позволяет ему творчески использовать его. Интересно, что другой поморский сказочник Меньшиков, усвоив сказку «Червонной валет» в коргуевской редакции, продолжил творческое переосмысление противника

героя в духе карельской эпической традиции. Чудесный помощник в его сказке предупреждает купца: «старуха обернется орлом и полетит за нами в погоню и налетит на корап и плюнет слину вниз, попадет на корап кряду ко дну пойдет, и мы с тобой погибнем» (Русские народные сказки Карельского Поморья. № 4. С. 59). Аналогичным образом ведет себя Сюоятар в карельских народных сказках.

Став обладателем червонного валета, купец в сказке Коргуева счастливо живет до конца своих дней. Опасаясь за судьбу сына, он перед смертью замуровывает карту в стену. Сын находит ее, нарушив запрет (нельзя нигде оставлять карту), лишается чудесного помощника. Старуха обманом (меняет волшебную карту у жены героя на простые карты в золотых рамках) завладевает червонным валетом. Для изображения данного эпизода Коргуев творчески переработал эпизод сказочного сюжета СУС 563 «Чудесные дары». Меньшиков, пересказывая сказку Коргуева, снимает эпизод с подменной карты. Дальнейший ход повествования, несмотря на всю его оригинальность, развивается, как нам представляется, в духе поморской сказочной традиции. Герой после исчезновения чудесной карты лишается всего своего состояния, хочет покончить с собой. Чудесным образом появившийся старичок учит героя, как ему вернуть червонного валета. Герой вновь попадает на остров. Во сне он видит способ своего избавления. Читает Евангелие, девушка, образовавшаяся из камня, хочет его съесть, он обещает жениться на ней, получает чудесный перстень, благодаря перстню под камнем находит игральную карту. С ее помощью расправляется со своими противниками, возвращается домой. В облике чудесного старика легко уловить черты одного из любимых поморских сказочных персонажей Николая Чудотворца, который в критический момент приходит на помощь герою. Как правило, продолжением сказок подобного типа является сюжет СУС 307 «Девушка, встающая из гроба»¹. Поведение купца в сказке Коргуева аналогично поведению героя сказочного сюжета СУС 307.

В конце повествования М. М. Коргуев отступает от основного закона сказочной поэтики. Чудесный помощник, отрубая голову

¹ См., например: АКНЦ, кол. 58, № 12; кол. 29, № 65.

противнице героя, говорит, что теперь она воскреснет через триста лет. Создается впечатление, что сказка не закончена. Такие концовки не характерны для сказок (они встречаются чаще в русских былинах, карельских рунах). Не случайно, что Меньшиков заканчивает сказку в традиционном духе. Помощник героя сжигает ведьму в печке, а пепел развеивает по ветру. Вполне вероятно, что сказочник намеревался в дальнейшем продолжать работу над этой сказкой.

Любопытен еще один факт. Несмотря на большую творческую переработку книжной сказки, М. М. Коргуев невольно находится под ее влиянием, некоторые эпизоды переданы в книжном духе. Об этом свидетельствует ряд соответствий с книжной сказкой Ломтева. Так, например, у Коргуева, как и у Ломтева, герой, полностью разорившись, идет за помощью к своему тестю, и тот дает ему займы судно и т. д. Меньшиков, продолжая перерабатывать книжный сюжет в духе народной традиции, отправляет героя «куда глаза глядят». Для передачи долготы пути используются традиционные сказочные формулы.

Рассмотрение сказки М. М. Коргуева наглядно показывает, что в устах талантливого сказочника она представляет собой творческий процесс с характерными для него нововведениями, сочетанием традиционных приемов и обращением к реальной действительности.

А. Н. Нечаев, изучая репертуар М. М. Коргуева, выделил четыре основных способа обогащения сказочной фабулы и создания монументальности повествования. «Он достигает этих качеств, — пишет исследователь, — во-первых, путем введения в традиционную сказочную схему мотивов и мотивировок из других сказок; во-вторых, введением в старую схему новых эпизодов; в-третьих, путем контаминации целых сюжетов и, наконец, в-четвертых, созданием новых композиций путем соединения традиционных мотивов с новыми»¹. Эти наблюдения А. Н. Нечаева являются вполне обоснованными. Выделенные им таким образом четыре группы сказок на основании предложенной классификации соответствуют действительности. Так, к первому типу он относит следующие сказки: № 3, 7, 8, 11, 14, 24, 25, 27, 28, 31, 44, 51; ко второму:

¹ Коргуев. С. XLIX.

№ 10, 12, 14, 15, 16, 17, 19, 32, 34, 43. Третий тип представляют сказки: № 9, 20, 33, 43, 51 и др. Примером создания «нового произведения, в основу которого положены мотивы из различных сюжетов», А. Н. Нечаев считает сказку «Остров золота» № 19.

На наш взгляд, наиболее ярко личное начало прослеживается в следующих сказках М. М. Коргуева: № 5 «Как царского сына унес

М. М. Коргуев

комнатный аэроплан» (СУС 575); № 6 «Как Елена Королева вывела царского сына от волшебного короля» (СУС 222В, 313 В, С); № 9 «Север» (СУС 567, 735); № 19 «Остров золота» (СУС Б18, 560); № 20 «Лани» (СУС 735, 567, 303, 304, 554, 401); № 25 «Иван Несчастный» (СУС 400, 410, 569); № 31 «Червонный валет» (СУС 611); № 46 «Царский сад» (СУС 563); № 47 «Заморский гусь» (СУС 571); № 53 «Как купеческий сын купил незнакомую вещь» (СУС 887, 905А, 860В); № 55 «Семеп и Марья» (СУС 926С, 880, 887). Попыткой создания совершенно новых сказок являются «Про Чапая» № 1, «Про-исшествие про женщину и сле-саря» № 61 и «Город-сад» (АКНЦ, кол. 47, № 142), созданные под впечатлением революционных преобразований.

Любовь к длинным монументальным сказкам характерна не только для Коргуева, но и для других поморских сказочников. Об этом писала А. П. Разумова в уже упоминавшейся вступительной статье к сборнику «Русские народные сказки Карельского Поморья», Т. А. Иванова — в статье о беломорских контаминациях сказок. «Обусловленная спецификой труда и вынужденного длительного отдыха во время промыслов, эта традиция продолжала развиваться под влиянием занимательных книжных авантюрных повестей. Все это вместе взятое дает возможность считать оправдан-

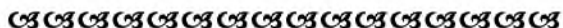
ным следующий вывод о том, что в Поморье получила популярность сказка длинная, с усложненным авантурным сюжетом, с множеством приключений героя»¹.

Ф. А. Конашков, П. И. Рябинин-Андреев, М. М. Коргуев

Начиная с 1930-х годов в советской фольклористике наметилась тенденция рассматривать творчество сказочников с точки зрения их отношения к действительности. Как правильно подметил К. В. Чистов, поиски реализма в сказках стали своеобразной

¹ Иванова Т. А. К вопросу о контаминации в волшебной сказке: На материале беломорских сказок // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 237.

литературоведческой модой¹. Приближение сказочных событий к реальной действительности, замена фантастических элементов сугубо бытовыми считались признаком эволюции сказки. То же самое относится к проявлению в сказках местного колорита, психологизации действующих лиц. Все эти черты, по мнению ряда сказковедов, вели к постепенному разрушению сказки. Изучение творчества М. М. Коргуева показывает, что и реалистические черты, и местный колорит вполне органично вписываются в сказочное повествование, нисколько не нарушая поэтику жанра. Совершенно прав К. В. Чистов, утверждая, что «постоянное пересечение обыкновенного и необыкновенного, бытового и фантастического не только не разрушает сказочности, делает ее более яркой и выразительной»².

Сказители М. М. Коргуев, Ф. Н. Свиньин, Т. Е. Туруев на экскурсии в Каргосмузее. Экскурсовод — научный сотрудник музея И. Н. Тихонов

¹ Чистов К. В. Русские сказители Карелии. С. 202.

² Там же. С. 203.

А. Н. Нечаев во вступительной статье к сборнику «Сказки Карельского Беломорья» первый довольно подробно и «без перегибов» рассмотрел элементы реализма и местного быта в сказках М. М. Коргуева. Чтобы избежать повторений, есть необходимость эту часть статьи дать без каких-либо сокращений. К тому же у читателя тем самым появится возможность почувствовать стиль повествования А. Н. Нечаева.

«Сказки Коргуева выделяются реалистичностью, которая проходит через весь репертуар сказочника и вносит многое в смысле новой трактовки отдельных мотивов и целых сюжетов, оправданности поступков героев, бытовых подробностей и психологических зарисовок. Окрашивая традиционные мотивы в реалистические бытовые и психологические краски, Коргуев добивается значительной замены, где это возможно, волшебных и чудесных элементов реально объяснимыми, при этом сохраняет всю занимательность сюжета и достигает тем самым наибольшей художественной убедительности. Так, например, в сказке „Как купеческий сын прожил отцовский капитал“ (№ 23) герой не случайно встречается с чортом, как это имеет место в других сказках подобного типа, а, увлеченный страстью к картам, постепенно опускается, делает растрату, пьянствует и, наконец, уже попадает в лапы к чорту. Но этот эпизод в коргуевском варианте передается реалистически; герой не продает душу, как во многих других записях сказки, а нанимается к чорту в казаки, и после окончания службы принимает нормальный вид без всякого вмешательства волшебных сил: он просто моется, бреется в парикмахерской, достигая обыкновенного человеческого вида самыми общераспространенными средствами. Не менее реалистически дается описание измученной голодом и пленом у Кощея Елены Прекрасной (см. „Елена Прекрасная“ № 7). Она настолько истощена и слаба, что когда Иван царевич хочет вырубить полы и извлечь ее, предупреждает: „Нет, Иван царевич, от тресенья мне не вынести будет, я умру“.

Или в сказке „Зорька молодец“, № 12, царевна не узнает на пиру своего избавителя, потому что он очень изменился во время долгого странствования. Узнав его по кольцу, спрашивает: „Тебя ли я вижу, мой Зоренька, почему ты так изменился“. — „Да тут изменишсе, когда остался на такой горы“. В других вариантах никаких объяснений на этот счет не имеется. Стремление сказочника к реализму так велико, что везде, где только предоставляется возможность, он старается опустить чудесные мотивы, заменяя их реалистическими. В сказке „Сукин сын“, № 13, герой обычно оставляет братьям кувшин или рукавицы, которые должны наполниться кровью, если ему будет плохо. У Коргуева старший брат, отправляясь, просто предупреждает: „Я скрыцю, пустите коня на помогу и

сами бегите" и вызывает помощь действительно криком. В дальнейшем изложении этой же сказки, в других вариантах, герой обычно, чтобы подслушать разговор своих врагов, обращается мушкой, котом и т. п. В коргуевской сказке он, не меняя образа человека, просто подслушивает под окном. Подобные примеры встречаются у Коргуева почти в каждой сказке. Без сомнения, в этом же плане он дает реалистические зарисовки бытовых подробностей, часто скрашенных в интимно-лирические тона. Герои его сказок — живые люди: им свойственно все человеческое. Поступки их мотивируются и психологически оправданы. Очень часто герои и героини называются: Леночкой, Елечкой, Танюшкой, Ондреюшкой, Санечкой. Отправляя мужа выполнять трудную задачу, героиня „Поставила самоварчик, нацяла будить Ондreja:

— Ставай, Ондреюшко, ставай, друг дорогой, уж тебе работа — путь-дорога дальняя“.

Заботливо собранный в дорогу, герой очень грустит. „Вот захохотил, ему очень было ей жалко, она стала его утешать. Утерла платком и вместе вышли на улицу у крыльца“ (См. № 2). Никогда не злоупотребляя такими подробностями, Коргуев пользуется ими с большим тактом и вносит яркие бытовые и лирические детали. Или, например, такая зарисовка: герой, отправленный выполнять трудную задачу, идет вслед за однообразно разматывающимся клубком. Обычно переживания путешественника опускаются. Коргуев же, подчеркивая утомительное однообразие пути и напряженное внимание героя, передает это так: „...И дальше Ондрей проводил свою дорогу, ну, клубок катитце и все меньше и меньше стал, как идет Ондрей, клубок все меньше и меньше. И скучно Ондрею идти, все думал об Елены Прекрасной. Вот все шол и шол, продолжал свою дорогу, клубок стал маленькой, с куриную головушку. Стало Ондрею скучно, никакого жительство нет. Чем клубок меньше, тем Ондрею скучнее“ (№ 2). Очеловечивая своих героев, сказочник уделяет большое внимание раскрытию их характеров. У него есть целые сказки, построенные в таком плане. В этом отношении яркий пример представляет сказка „Матюша Пепельной, Налитуровый Колпак“ № 22 (по указателю Н. П. Андреева 519). Она вся держится на столкновении двух характеров — царевича и слуги. При этом Коргуев переводит сказку в сатирический план, придает ей социальную заостренность и достигает этого исключительно реалистической разработкой характеров. Царевич у Коргуева не только физически более слабый, как это обычно для других вариантов, он самовлюбленный, надутый и глупый, трус и паникер — таков образ царевича, которому противопоставлен смелый, сильный, настойчивый, преодолевающий все препятствия его слуга — Матюша. Такой законченности характеров не только по яркости, но, главное, и по направленности нигде в сказках подобного типа не встречается. Подробное раскрытие характе-

ров героев у Коргуева имеется в ряде сказок. См., например, № 27 и 28. При этом необходимо отметить еще одну характерную черту коргуевско-го творчества. В его сказках центр внимания очень часто переносится с героя на героиню. Образ мудрой, инициативной, уверенной в себе и независимой женщины устойчив во всем репертуаре сказочника. Героиня коргуевской сказки — заботливая жена, мать, хорошая хозяйка, а часто и кормилица семьи. Во многих случаях наблюдается даже некоторое превосходство женщины над мужчиной. Например, в сказке „Ондрей-стрелец“, № 2 — Елена Прекрасная на всем протяжении рассказа в борьбе с тираном-царем играет главную роль, хотя, по замыслу, эта роль принадлежит герою, именем которого названа сказка — мужу Елены Прекрасной — Ондрею-стрельцу (формально в сказке так и есть, но фактически, по существу он только выполняет указания своей мудрой и талантливой жены, а во второй части указания „того, не знай кто“). Или, например, в сказке „Как Елена Королевна вывела Чарского сына от волшебного короля“ (№ 6) даны замечательные зарисовки-характеристики героинь сказки. Герой, пообещав „незнаемо дома“, должен отдать своего сына. Когда он открывает это своей жене, она проявляет себя настоящим внимательным и мужественным другом в постигшем их горе, утешает мужа, хотя сама при этом, как мать, глубоко страдает. В этой же сказке Коргуев дает другой, не менее яркий образ женщины, в котором показано с большой силой чувство собственного достоинства героини. Иван Царевич, обещанный волшебнику, спасается от него с помощью его дочери. По возвращении к родителям, он не выполняет обещания и из-за этого забывает свою невесту. Напомнив Ивану Царевичу с помощью голубей о своем существовании, она держит себя не как покорная, безответная жена, а проявляет исключительное достоинство и гордость, добиваясь того, что-бы муж показал глубину и искренность своего раскаяния.

Ни в одном из аналогичных вариантов подобной сцены нет. И примечательно, что сказочник, наградивший свою героиню чувством собственного достоинства, прекрасно сознает это и еще сильнее подчеркивает примечанием: „ничего, она его держит“. Примеры такой трактовки женского образа можно увеличивать сколько угодно, так как они, в известной степени варьируясь, встречаются у Коргуева часто.

Необычный образ женщины и ее роль в коргуевском творчестве может объясняться несколькими причинами.

Во-первых, в Беломорье отношения мужчины к женщине всегда носили характер большего равенства, чем это было в других местах. Происходило это потому, что поморская женщина, надолго остающаяся в качестве хозяйки дома, привыкла к большой самостоятельности. Во-вторых, здесь могло сказаться и, безусловно, сказалось влияние матери сказочника, которая, судя по его рассказам о ней, была незаурядным человеком и

отличалась смелым и независимым характером. В-третьих, запись сказок производилась в 1936 г. 19 лет со дня Октябрьской революции не могли не отразиться на отношении мужчины к женщине, а, следовательно, и на трактовке женского образа. Чуткий художник Коргуев очень остро чувствует современность и переносит ее в свои сказки. В-четвертых, на его творчестве не могло не отразиться влияние хорошо известного ему карельского фольклора, в котором встречаются отзвуки матриархата. Так, в рунах новой записи Вьянмейнен принимает иногда образ женщины.

Сказки Коргуева носят яркий местный колорит. В них так много местных черт, отражающих условия труда и быта северных помор, что, читая сказки, можно без труда определить место их записи. Море встречается почти в каждой сказке. Все путешествия героев совершаются главным образом по морю и на судах.

„Пришли оне к морю и увидали на море у берегу, замывши корабль в песок. Корабль был целой, паруса и все в исправности, наверно, выкинуло его бурей. Вот и говорит старшой брат млачему:

— А што, брат, достанем этот корабль, поплывем по морю, уж нам этта ждать нечего.

— Да што, достанем, — заговорил Виноград Виноградовиц.

И оне кряду, один за корму, другой за нос, прижались и подняли его и спихнули в воду, ничего было у ребя силы... Вышли на корабль, посмотрели, все исправно. Кое-што исправили и пошли в море" (№ 34).

Очень часто даются описания шторма и гибели кораблей. В сказке № 3 герой, готовясь к далекому путешествию, тщательно придумывает и детально разрабатывает план постройки судна, владеющего свойствами подводной лодки. Он сам внимательно следит за постройкой корабля и разъясняет мастерам, почему та или другая деталь должна соответствовать в точности плану и какое это имеет практическое значение. Коргуев дает богатые зарисовки северной природы и показывает экономику поморов. Так, даже Чапаев, в представлении сказочника — „сын бедного рыбака, у которого своих ловушек не имелось и также не было своих посудин, на которых нужно было выезжать на лов" (№ 1).

Свободно обращаясь с материалом, Коргуев вводит в традиционную сказку в большом количестве современные мотивы, фразеологию и слова и тем самым органически связывает ее с современностью. В его передаче даже такая каноничная сказка, как „Три брата", № 10, включает многие новые понятия. Уезжая от обманувшей его братьев девицы, герой взрывает пороховой погреб с помощью своеобразного самодельного бикфордова шнура. Или вставляет, что „...у царевны сецяс мертвой цяс". В другом случае, деревянный орел, на котором обычно летает царевич, заменяется аэропланом, или герой учится так хорошо, что переходит в „третью ступень". Безусловно, современным моментом в традиционной

сказке является принципиальный отказ героя жениться на царской или королевской дочери. „Ну, дядя, топерь я скажу, на ком хочу женитьце. Тогда я постеснялся сказать при девицах, потому што оне подумают, што я не хоцю их взять. И не возьму, — даже добавил, а топерь я скажу вам про женитьбу. А почему я не хочу на королевских и чарьских дочерях женитьце, я вам скажу: потому што моя мать вышла за бедного крестьянина, значит она не считалась с государством или богатством своим. А я женюсь вот у такого-то крестьянина на дочери, вот она этого же роду. А почему я не беру богатого роду, потому што и моя мать вышла за крестьянина“. В традиционной сказке это очень редкий случай, когда герой, достигнув исключительной славы и полного благополучия, отказывается жениться на царевне.

Еще более яркий пример введения современных мотивов в старую схему представляет коргуевская сказка „Цыган, поп и мужик“ № 58. Она является убедительным примером тому, как традиционный сюжет, претерпевая изменения, переосмысливается и приобретает острую социальную направленность. В названной сказке старый мотив из серии „Умные ответы“ (по Указателю Н. П. Андреева 921 А I) Коргуев повертывает совершенно по-новому. Обычные ответы мужика на вопрос, как он распоряжается своими доходами, такие: „Старый долг плачу — отца-мать кормлю; в долг даю — сыновей рощу; а в воду мечу — дочерей рощу“. В коргуевском варианте — сказочник-колхозник уже предварительно подготавливает слушателей, предупреждает, характеризуя „Деятельность“ попа и цыгана:

— Батюшко, я как вижу из твоих речей, ты зарабатываешь горлом, а цыган — языком — оба вы обманываете людей, а я, как человек простой, мужик, зарабатываю горбом, — где тяжелый труд, тут и работаю, тем и достаю на расходы, и эти деньги делю на цясти: свиней кормлю, в воду мецую, в долг даю и старый долг плачу.

И дальше дается с исключительной социальной заостренностью разъяснение загадочных ответов мужика: „Вот свиней кормлю — царю подать плацую, в воду мечу — таких, как вы оманщиков кормлю, а третья цясь — старый долг плацую — отца-мать кормлю, а в долг даю — детей рощу“. В этих, по-новому зазвучавших, традиционных ответах умного мужика, помимо острой социальной направленности, чрезвычайно современно определяется отношение отца к детям. В старой сказке расходы на воспитание дочерей определялись общим характером отношения к женщине и в феодальном, и в капиталистическом обществе, отсюда подчеркнутое — в воду мечу — дочерей рощу. Крупный художник — Коргуев активный член социалистического общества, корректирует старые понятия и заставляет традиционный сказочный материал полноценно звучать сегодня¹.

¹ Коргуев. С. LIII — LIX.

Жена М. М. Коргуева Мария Степановна за работой. Взбивает шерсть

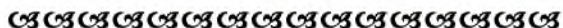
Часть комнаты в доме М. М. Коргуева

А. М. Пашкова, М. М. Коргуев

М. М. Коргуев, П. И. Рябинин-Андреев, Ф. А. Конашков —
орденоносцы сказители Карело-Финской ССР

В президиуме съезда писателей
Карело-Финской ССР.
М. Коргуев, В. Чехов и Х. Тихля

Сказители Т. Е. Туруев,
М. М. Коргуев, Ф. Н. Свиньин

В приведенном отрывке из статьи А. Н. Нечаева ощущается некоторое преувеличение в оценке социалистических преобразований того времени. Но и игнорировать их в настоящее время было бы ошибочно.

Общеизвестно стремление сказителей 30-х годов, поощряемое собирателями фольклора, отразить в произведениях устного народного творчества борьбу за Советскую власть, описать впечатления от увиденного в Москве и Ленинграде во время многочисленных декад народного творчества, съездов писателей, на которые приглашали известных в те годы сказителей. У М. М. Коргуева также есть прецеденты создания новых сказок. Наиболее известной среди них является сказка «Про Чапая». Она неоднократно печаталась в местных изданиях. С нее начинается двухтомник сказок М. М. Коргуева. Обладая незаурядным талантом, сказочник удачно соединил в своей сказке исторические факты со сказочной фантастикой. Как и у типично сказочного героя, у Чапаева в сказке Коргуева есть чудесный предмет, волшебное кольцо, подаренное ему теткой. Кольцо делает

его неуязвимым на суше, но не действует на воде, в результате чего Чапаев и погибает. В сказке много реальных исторических фактов, услышанных Коргуевым из книги, которую, по его словам, кто-то читал «на тоне». Являясь произведением сугубо индивидуальным, сказка Коргуева о Чапаеве не прижилась в фольклорной традиции, но наглядно продемонстрировала способность сказочника к созданию новых произведений на традиционной сказочной основе. Другая попытка Коргуева рассказать в сказочной форме о впечатлениях, которые произвела на него поездка в Москву, оказалась менее удачной. Сказка «Город-сад» по этой причине нигде не печаталась.

М. М. Коргуев, Ф. А. Конашков

Как справедливо отметил К. В. Чистов, «сказки М. М. Коргуева следует ценить не за то, что они содержат какое-то количество „элементов реализма“, а за то, что они были именно сказками, преисполненными фантастики, имевшей вполне определенное художественное и нравственное значение»¹.

М. М. Коргуев, яркий и типичный русский сказочник начала XX века, отразил в своей исполнительской манере наиболее характерные черты как общерусской, так и поморской сказочной традиции, составной частью которой является влияние карельского фольклора. Его сказки — неисчерпаемый источник для изучения самых различных сказковедческих проблем.

¹ Чистов К. В. Русские сказители Карелии. С. 201.

Матильда Ивановна,
здравствуйте.

Несколько раз переживала Ваше письмо,
носила в кармане, снова читала, а на
вопросы которые Вы задаёте ей богу
трудно ответить.

Эти вопросы трудны для меня еще и
потому, что мое действит. прошл. на
р-ке Уралов, а единственный год до войны,
он мало, что дан для воспоминаний.

Я, как и все дейст. того времени, много
читала, рисовала и углубляла в худ.
самостоятельности, а что же касалось
домашних дел то, мы дейст. не знали
да и не имели права знать.

Отца мой уезжал летом на пачку, а
зимой его вызвали в Троицко-Авдух.

Жили скромно, бедными бедно.

Электричества не было, керосин выдавали
по норме.

Колхоз был бедный, держался он
почти на пестичинах, ботами все
из колхоза, кто много и скупил.
Обнадежит рыба, значит хлеб на столе
будет, а нет так на одной молочной
корме.

Перед войной эту мою даль
персонально писали. Многие в деревне
ненавидели его, что за вранье деньги
получает, а он все рассказывал и
рассказывал свои замечательные
волшебные сказки.

Там ли он счастлив? Нет, конечно.
Не может человек быть счастливым с
спрогнозированными паниками и разорванной
поясницей от труда.

О чем мечтает? - не знаю.

Еще когда началась война, он
очень боялся за нас с Шурой,
говорил, что если враги придут, то
нас перья потеснят.

ॐॐ

~~~~~

Очень хотелось бы чтоб 2^х тома были
внешне такими какие они были
до войны, чтоб существовало
живое слово прекрасного рассказчика

Желаю Вам Татьяна Ивановна
успехов в Вашем добром начинании.
Пишите ответу.

с уважением Аннушка
22/187.

п. Луна ул. Корпуса 5 к. 53.

Копия письма дочери М. М. Коргуева Т. И. Сенькиной

Вполне возможно, что именно благодаря счастливому стечению обстоятельств произошло знакомство сказочника с собирателем Александром Николаевичем Нечаевым. Но нет сомнения в том, что их дальнейшей совместной плодотворной работе способствовал тот факт, что сам Александр Николаевич был крестьянского происхождения, хорошо знал народную культуру, обычаи, фольклор. Его родина — Кенозеро со времен Рыбникова и Гильфердинга известна как богатый былинной традицией край. Еще в тридцатые годы А. Н. Нечаев начал литературную обработку народных сказок для детей. Позже он будет известен именно как детский сказочник... О том, как он работал с Матвеем Михайловичем, было сказано выше. Образ М. М. Коргуева жил в душе А. Н. Нечаева до самой его смерти. В 1986 году я имела счастливый случай познакомиться с фольклористом в его московской квартире буквально накануне смерти, когда А. Н. Нечаеву было 84 года. Над письменным столом в его богато обставленном рабочем кабинете висел большой портрет М. М. Коргуева... Известно, что Матвей Михайлович принимал Нечаева как желанного гостя. И тот, в свою очередь, отплачивал сказочнику тем же. А. Н. Нечаев был для М. М. Коргуева не просто

собирателем, а в первую очередь заботливым и внимательным другом. Он постоянно заботился о материальном обеспечении семьи сказочника. В архиве сохранилось несколько писем А. Н. Нечаева к М. М. Коргуеву. Вот одно из них:

г. Ленинград 25.V.38 г.

Дорогой Матвей Михайлович!

Письмо твое с Андреем Матвеевичем¹ присланное, получил. Спешу тебе сообщить, что тебе переводится сейчас около (3000) трех тысяч рублей. Дело это задерживалось, потому что вопрос разрешался в Москве. Мы с Александром Андреевичем² тут подгоняли это дело, и вот теперь уже есть все разрешения, и мне зав. издательством т. Брыкин сказал, что деньги тебе переводят. Я никак не мог приехать к тебе в мае, и увидимся мы с тобой, наверное, в Петрозаводске недели через три. Туда тебя пригласят. Если ты не приедешь в Петрозаводск, то раньше осени вряд ли нам удастся встретиться. Ты будешь на путине, я занят очень: мы с Ниной Владимировной и Алексеем Николаевичем³ подготавливаем сейчас несколько книг для детей. Мы тут все здоровы и тебя часто вспоминаем. Будь здоров. Привет тебе и Марии Степановне⁴.

С прив. А. Нечаев⁵.

А. Н. Нечаеву и в голову не могли прийти те идеи по совершенствованию таланта М. М. Коргуева, которые были выдвинуты его последователями в институте. Так, например, зав. фольклорной секцией КНИИК А. Д. Соимонов в 1938 году отправил в с. Кереть, в колхоз «Красный рыбак», где работал сказочник, письмо следующего содержания: «КНИИК просит колхоз дать возможность тов. Коргуеву в зимний период (месяца на два) поработать на лесозаготовках для совершенствования своего творчества»⁶. Письмо буквально соответствует духу того времени. Отправить больного старика в самое холодное время года на самую тяжелую работу мог только человек, не имеющий представления об условиях труда и жизни сельского населения в те годы. Это ли не абсурд? Запоздалым (сказителю 57 лет) выглядит письмо, отправленное зам. директора КНИИК Молодьковым в 1940 году в Наркомпрос КФСР:

---

¹ Андрей Матвеевич — сын М. М. Коргуева. *Прим. ред.*

² Александр Андреевич Прокофьев — русский поэт. *Прим. ред.*

³ Нина Владимировна Гернет и Алексей Николаевич Толстой — русские писатели. *Прим. ред.*

⁴ Мария Степановна Коргуева — жена М. М. Коргуева. *Прим. ред.*

⁵ АKNЦ, ф. 1, оп. 3, № 292.

⁶ Там же. № 241.

Наркомпрос КФССР

Институт просит ускорить прикрепление педагога по ликвидации неграмотности к Матвею Михайловичу Коргуеву.

Адрес Коргуева: Лоухский р-н, с. Кереть.

28/VI — 40 г.

Зам. дир. КНИИК — Молодьков¹.

А. Н. Нечаев в отличие от некоторых сотрудников КНИИ, составляющих заведомо невыполнимые дутые планы, нагромождая их политическими идеями, был человеком реально мыслящим. С 1934 по 1936 год он возглавлял этнографо-лингвистическую секцию КНИИ. О добросовестном выполнении своих обязанностей свидетельствует докладная записка в дирекцию КНИИ. Вникнув в структуру института, молодой ученый понял, что имеющимися в нем силами невозможно квалифицированно выполнить запланированную в нем работу. Своими соображениями он и решил поделиться с дирекцией института.

Докладная записка

В июле 1934 г. я принял временное исполнение обязанностей руководителя этнографо-лингвистической секции. Одновременно с этим мною был поставлен вопрос перед дирекцией Института об укреплении состава секции качественно высокими работниками. Дирекция поручила мне подыскать работников. Однако рассчитывать найти эти кадры вне Карелии было трудно, т. к. специалистов в области языкознания, этнографии и фольклора, отвечающих требованиям, которые выдвигались и выдвигаются специфическими условиями работы в Карелии, почти нет. Тогда пришлось ставить вопрос о переключении на научно-исследовательскую работу некоторых (научных) работников из тех, которые работают в Карелии (напр. В. В. Сало, И. М. Мулло, т. Ивачев и др.). Это обсуждалось неоднократно в дирекции института, в Правительственной юбилейной Комиссии 100-летнего юбилея Калевалы, в культпропе О. К. ВКП(б), но до сих пор нет никаких положительных результатов, и вопрос продолжает оставаться открытым. А между тем конкретные задачи, стоящие перед секцией в области языкового строительства, фольклористики и этнографии, не терпят никаких отлагательств, как в дальнейшем собирании материалов, так и в научной разработке имеющихся уже архивов.

В связи со всем этим обращаю Ваше внимание на то обстоятельство, что планы по группам: археологии, этнографии, лингвистики и фольклорной могут выполняться лишь в той мере, в какой каждая тема обеспечена специалистом-руководителем, т. е. в очень незначительной части.

---

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 202.

В заключении прошу дирекцию института еще раз пересмотреть вопрос о кадрах секции и, если в самый кратчайший срок не представится возможности включить минимум двух квалифицированных научных сотрудников: одного языковеда и одного фольклориста-литературоведа, то пересмотреть структуру секции и упразднить группы, оставив лишь немногие темы, которые обеспечиваются реальным руководителем и исполнителем.

А. Нечаев¹.

Уже тогда или несколько позже у А. Н. Нечаева произошла размолвка с дирекцией института. В самый разгар взлета научной и собирательской деятельности молодого фольклориста в апреле 1937 года освобождают от обязанностей руководителя фольклорной группы. Тогда им был подготовлен материал для трех больших томов, по две книги в каждом томе, с общим объемом в сто девяносто авторских листов сказок карельского Беломорья, а его работа «Беломорские сказки» была рекомендована на конкурс молодых ученых. В сентябре того же года директор КНИИ В. М. Машезерский отправляет секретарю партийной организации ВКП(б) Академии наук в Ленинград письмо следующего содержания:

Карельский научно-исследовательский институт настоящим сообщает, что у Нечаева А. Н. были связи с ныне арестованным врагом народа Хюппенен². В силу этого институт отказывает в настоящее время до полного выяснения данного вопроса дать положительную политическую характеристику А. Н. Нечаева. Институт также считает, что необходимо воздержаться от представления работы Нечаева «Беломорские сказки» на конкурс молодых ученых.

16.X.37 г.

Директор института Машезерский³.

С этого времени А. Н. Нечаев находился под неофициальным следствием. О нем стали собирать сведения. КНИИ отправил несколько запросов о нем на его родину в Кенозеро. Из ответов, данных Приозерским районным исполнительным комитетом и

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 165.

² П. Хюппенен исполнял обязанности зав. отделом обкома партии. В 1937 году был арестован. Сведения о нем взяты из статьи: Такала И. Р. Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1991. С. 102.

³ АКНЦ, ф. 1, оп. 26, № 134.

А. Н. Нечаев

Рыжковским сельским советом, можно узнать подробности о социальном положении и судьбе родственников А. Н. Нечаева.

«8.X.1937 Приозерский РИК сообщает, гражданин деревни Екимовой Рыжковского с/с происходит из хозяйства кулацкого. Хозяйство ликвидировано полностью в 1931 году. Дядя его Павел Григорьевич имел крупную собственную торговлю грибами до Октябрьской революции в г. Ленинграде. Отец его Нечаев Николай Григорьевич — дьякон. Жили они с братом Нечаевым П. Г. вместе и лишались избирательных прав. Нечаев Александр Николаевич в хозяйстве не проживал, т. к. все время учился. Летами на период каникул до раскулачивания хозяйства приезжал в деревню».

«18.X.1937 г. Справка из Рыжковского с/с... социальное положение из крестьян. Хозяйство кулацкое, в 1929 году закулачено и ликвидировано в 1931 году. Отец Нечаева А. Н. Нечаев Н. Г. вел торговлю в Ленинграде и служитель культа Кенозерского прихода, „дьячек“ (1926 — 1927 гг.). Нечаев А. Н. на родине не проживает с 1917 года, а поэтому Рыжковскому с/с о его работе и жизненной автобиографии ничего неизвестно»¹.

В анкете, составленной самим А. Н. Нечаевым в марте 1935 года, в графе № 7 «местонахождение и занятие родителей в настоящее время» написано: «Отец работает на постройке бумкомбината — Пермь, Актюбинск». О себе он также сообщает, что в 1920 — 1921 годах находился в городе Акбулаке Тунгайской области. Значит, была не только раскулачена, но и сослана в Сибирь семья Нечаевых.

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 26, № 134.

Интересна и поучительна судьба А. Н. Нечаева. Он родился 7 апреля (по старому стилю) в деревне Якимовой Приозерного района Северного края. В 1912 году он окончил приходскую школу, в 1914 — двухклассное училище. После окончания педагогических курсов с 1921 по 1923 год заведовал школой первой ступени в Пудожском уезде. В 1927 году поступил на литературное отделение Высших государственных курсов искусствоведения при Государственном институте истории искусств. Затем, после их ликвидации в 1929 году, перевелся в Ленинградский государственный университет. Учебу совмещал с работой в качестве ассистента на кафедре языка и литературы в Ленинградской высшей школе профдвижения, а затем научного сотрудника по фольклорному кабинету Ленинградского отделения Государственной Академии искусствоведения, после упразднения которого он был вынужден уйти с четвертого курса университета. Это было в 1931 году. С 1932 года А. Н. Нечаев навсегда связал свою судьбу с фольклором. Встреча с М. М. Коргуевым определила его дальнейшую литературную деятельность. Но задолго до того, как А. Н. Нечаев стал известным писателем-фольклористом, ему пришлось пережить большие неприятности по инициативе администрации КНИИ. Не сумев отстранить от работы Нечаева как классового врага, против него возбудили уголовное дело из-за того, что он якобы вовремя не сдал в архив собранные им в экспедиции материалы. А ведь именно тогда он упорно работал над подготовкой в печать «Сказок Карельского Беломорья». По словам самого А. Н. Нечаева, состоялся суд. Лишь благодаря усилиям хорошего адвоката он не угодил в тюрьму. После суда А. Н. Нечаев ни разу не приехал в Петрозаводск. После войны он полностью посвятил себя литературной деятельности, совмещая ее с педагогической работой.

За свою жизнь он издал около шестидесяти книг, не считая переизданий и переводов. «Цель моей жизни, — говорил писатель Нечаев, — отобрать и сохранить для читателя лучшие образцы народного творчества, ибо в них наиболее ярко и мудро выражены добрые традиции, характер талантливого русского человека, человека-труженика, бесстрашного защитника своей Родины»¹.

---

¹ Русские сказки / Пересказал А. Н. Нечаев. М., 1985. С. 301.

их литературной обработке. Это было
делом его жизни и переиздание "Сказок
Карамского Беломора" будет ему достойным
памятником, завершающим его жизненный путь.

Всецело полагаюсь в этом на Вас и
Кавальскую Академию Наук, институт
языка, литературы, истории, которые
включили его труд в свой план.

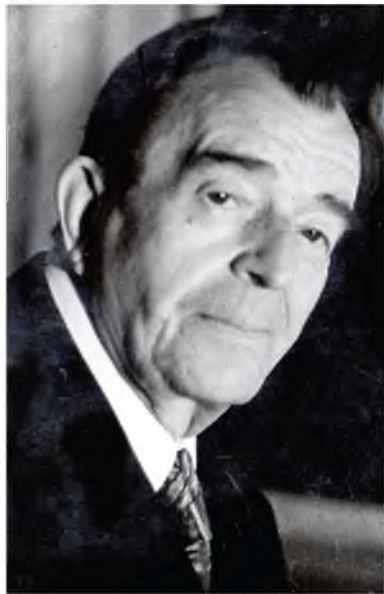
Сюз писателя образовал комиссию
по литературному наследию А. Н. Нек.

Если у Вас возникнут вопросы
или соображения, то-либо напишите
о нем, будем рады. Пишите по
этому же домашнему адресу.

Зову меня Миша Александровна
Александровна (Нечаева).

С уважением

Ваша Миша

А. Н. Нечаев

В творчестве А. Н. Нечаева переплелись черты сказочника и литератора. М. М. Коргуев был для него и наставником, и соавтором.

А. Н. Нечаев умер 24 декабря 1986 года. Об этом я узнала из письма его жены М. Д. Яницкой-Нечаевой.

Уважаемая Татьяна Ивановна!

Считаю своим долгом сообщить Вам печальную весть: прошедший год унес с собой Александра Николаевича. Он скончался через два дня после Вашей встречи с ним... Он тогда хоть и был уже очень слаб, все же два часа мог вести беседу с Вами. Вы его очень воодушевили тем, что предполагаете переиздать его труд «Сказки Карельского Беломорья». Воспоминания о родных местах, встреча с землячкой его подбодрили, и я благодарю Вас и судьбу, которая привела Вас к нему в последние дни его жизни и принесли ему радость.

К сожалению, переиздание сказок М. М. Коргуева, подготовленное и утвержденное к печати, пылится на полках Научного архива Карельского научного центра. В наше время напечатать его нет никакой возможности.

ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА СКАЗИТЕЛЯМИ КАРЕЛИИ

В истории собирания и изучения русского фольклора Карелии 30 — 40-х годов XX столетия есть особая страница. О ней не принято было говорить, несмотря на то, что именно тогда сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры были обнаружены талантливые сказочники М. М. Коргуев и Ф. П. Господарев, исполнители былин Ф. А. Конашков, П. И. Рябинин-Андреев, И. Т. Фофанов, Н. А. Ремизов, Н. В. Кигачев, А. Л. Фадеева, О. И. Дмитриев, незаурядная исполнительница былин, причитаний и сказок А. М. Пашкова. Список этот можно было бы продолжить именами других талантливых сказителей. Почти все записанные от них фольклорные материалы были опубликованы¹.

---

¹ Былины Пудожского края / Подгот. текстов, ст. и примеч. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. 511 с. (первая публикация 70 новых записей былин (1938 — 1939 гг.)); Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Подгот. текста и примеч. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948. 140 с.; Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вводная ст. и коммент. А. М. Линевского. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948. 210 с.; Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере / Исследование. Петрозаводск, 1948. 399 с.; Сказки Карельского Беломорья. Т. 1. Сказки М. М. Коргуева. Кн. 1, 2 / Зап., вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева. Статья о языке М. М. Коргуева и словарн. пояснения проф. Б. А. Ларина. Петрозаводск, 1939. 1335 с.; Сказки Ф. П. Господарева / Зап. текста, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Общ. ред. и предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941. 656 с.; Русские плачи Карелии / Подгот. текста и примеч. М. М. Михайлова. Статья Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Под ред. проф. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1940. 320 с. В библиографии указаны лишь наиболее значительные публикации по фольклору, выполненные в КНИИК и изданные в Петрозаводске в 1930 — 1940-е годы.

В эти годы в Институте велась не менее активная работа по собиранию так называемого советского фольклора. О политической подоплеке этого явления говорилось в первой главе. В настоящее время тщетность и бесполезность подобных попыток общеизвестна, так как эта работа противоречила объективным законам становления и развития устного народного поэтического творчества. Выявление специфики фольклора, четко определенной Б. Н. Путиловым, поможет понять причину неудачной попытки создания на традиционной основе нового советского фольклора.

«Фольклор изначально и на всем протяжении своей истории — на разных ее этапах и в различных жанровых системах по-разному — теснейшим образом связан с комплексом производственных, социально-бытовых, семейных отношений коллектива, он непосредственно включен в систему бытовой практики, создается и функционирует в составе этой системы, регулируется ее нормами и вне ее не может существовать и развиваться»¹. Б. Н. Путилов неоднократно подчеркивал возможность существования фольклорных жанров только в функционально-бытовом и в более широком и сложном культурно-бытовом контексте².

Естественно, что попытка создания произведений фольклора о счастливой советской действительности противоречила элементарным нормам и законам развития фольклора. Тем не менее работа упорно велась не только рядовыми фольклористами, но и известными учеными, много сделавшими для развития отечественной науки. Известно, что 30-е годы были, пожалуй, самыми трагическими в истории нашей страны. Противоречия в общественной и политической жизни привели к жесточайшим репрессиям, уничтожению лучших умов, истреблению крестьянства. Все эти акции будто сопровождались бравурными маршами, лжехудожественными произведениями, прославляющими нашу советскую действительность. Как ни печально, но эти «агитки» сыграли свою

---

¹ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. С. 180.

² Путилов Б. Н. К типологии межэтнических фольклорных связей: природа, закономерности, механизм // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. С. 10.

негативную роль в истории нашего социалистического государства. Особенно обидно и больно, что к этой работе были притянуты (иного слова и не подберешь) талантливые русские сказители. Из-за того что основные силы и так-то немногочисленных собирателей были направлены на работу с исполнителями по созданию советского фольклора, остался незаписанным и навсегда потерянным богатейший, бесценный фольклорный материал. Так, например, собирателем В. Р. Дмитриченко в 1938 году был составлен список текстов (около 50 наименований) из репертуара замечательного пудожского сказочника-эпика из д. Рагнозеро Осипа Ивановича Дмитриева. Записать же удалось всего пять сказок, каждая объемом почти в 25 машинописных страниц¹. Через сорок лет во время фольклорной экспедиции в Пудожский район, в д. Авдеево, мне посчастливилось встретиться с сыном Осипа Ивановича Михаилом Осиповичем Дмитриевым, от которого благодаря его прекрасной памяти удалось записать почти половину сказочного репертуара, усвоенного, по его словам, от отца. Остались не зафиксированными в 30-е годы сказки другого пудожского сказителя Никиты Антоновича Ремизова. В сборнике «Былины Пудожского края» опубликовано одиннадцать былин, записанных от него, однако Н. А. Ремизов признавался собирателям, что больше, чем былинами, он «занимался сказками, те меня завлекали гораздо и тех у меня нунеку еще есть и много знаю». Собиратель фольклора Е. П. Родина, констатируя, что «увлечение сказками характерно для Ремизова», пишет дальше: «К сожалению, они остались пока еще не записанными». Зато о славной советской действительности от неграмотного крестьянина зафиксированы три объемных эпических сказания: «О прошлом и нунешном», «Геройская песня», «О событиях у озера Хасан»².

В эти годы в советской печати постоянно публикуются песни, сказки-новины (так именовались подделки под былины), причитания, сказы о счастливой советской жизни простых тружеников, о

¹ Об О. И. Дмитриеве см.: Былины Пудожского края. С. 407 – 416; Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982. С. 6, 12, 17, 90 – 105, 278, 279, 301.

² Былины Пудожского края. С. 481.

славных вождях и героях¹. Они издавались отдельными брошюрами, печатались в альманахах, журналах, газетах тех лет. Любопытно, что произведения советского фольклора Карелии стали предметом научного обмена с заграницей. В архиве КарНЦ хранится письмо дирекции КНИИК, датированное 8 августа 1938 года, которое адресуется Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей (ВОКС). В письме сообщается, что Карельский научно-исследовательский институт культуры высылает «для пересылки Калифорнийскому Университету (США) среди прочих материалов „Сказы и плачи о Ленине“, „Старая и новая Карелия в частушке“, а также сведения о собирании современного устного народного творчества»².

Произведения о счастливой советской жизни попадали даже в сборники традиционного фольклора и занимали в них значительное место. Так, например, в сборнике «Былины Пудожского края» у Ивана Терентьевича Фофанова после древнейших былин о «Потыке сыне Степановиче» и «Чуриле Щаплинковиче» публикуются сложенные сказителем новины «Про Клима Ворошилова» и «Про Чапаева». А у Никифора Васильевича Кигачева после «Женитьбы Ильи Муромца» идет «Былина о бойце Зырянове» и «Разгром Деникина». У Екатерины Семеновны Журавлевой рядом с глубоко психологической народной балладой «Жила вдова по край синя моря» уживается новина «О боях на озере Хасан». В примечании составители отмечают, что «материалом для составления данной былины послужили статьи и заметки из газет, которые Журавлева читает регулярно, а также беседы, доклады, прослушанные по радио»³. В сборнике «Русские плачи Карелии», наряду с настоящими шедеврами народной плачевой поэзии, в особый раздел, который составляет треть сборника, выделены «Плачи и сказы о вождях и героях Советского Союза». Это плачи и

---

¹ Вот некоторые из них: Сказания о героях Арктики. Петрозаводск, 1938. 38 с.; Новины Марфы Семеновны Крюковой. Архангельск, 1939. 72 с.; С. М. Киров в народном творчестве. Петрозаводск, 1939. 54 с.; Сказители-орденоносцы Советской Карелии. Ф. А. Конашков, М. М. Коргуев, П. И. Рябинин-Андреев. Петрозаводск, 1939. 64 с.; Сказы и плачи о Ленине. 2-е изд. Петрозаводск, 1938. 51 с.; Мы по-новому живем, песни новые поем. Петрозаводск, 1952. 70 с.

² АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 242.

³ Былины Пудожского края. С. 504.

сказы о Ленине: «Наше красное ты солнышко», «Бессмертному Ленину», «Проклинаю я врагов и неприятелей», «Постройте-ка стены везде да каменные», «Везде стала нам свободоушка», «Выполняются твои заветы верные» и т. д. Всего тринадцать плачей. Плачи и сказы о Кирове: «Прошипела змея лютая», «Сердце женское без огня разжигалось», «Дела твои великие не забудет наша Родина». Плачи о Н. К. Крупской: «Уж ты, дочь, сестра народная», «Перестало биться сердце большевистское», «Понесли из зала из колонного». Плачи о В. П. Чкалове: «Ему ветра повиновались», «Как прославлю, многобеднушка», «Вечно будем тебя памятить», «Не боялся он ветров буйных». Плач о М. Горьком: «Другом нашим, Горький, ты мне кажешься». Плачи и сказы о погибших летчиках: «Они спать легли во пучину глубокую» (плач об экипаже Леваневского), «Сыновей я дам своих любимых» (плач о П. Осипенко и А. Серове), «Получили мы весть печальную» (сказ о гибели дирижабля СССР-В-б), «Поломался самолет героев-летчиков» (сказ о летчиках, погибших под Архангельском). Поражает такая осведомленность неграмотных и полуграмотных крестьян в глухих карельских деревнях о событиях в стране, которые к тому же якобы вдохновляли их на создание плачей и сказов на эти темы. С позиций фольклористики они не выдерживают никакой критики. Отсутствие в них каких-либо художественных достоинств обусловлено не отсутствием мастерства сочинителей, а противоестественностью принудительного способа создания произведений на фольклорной основе, несоответствием действительности и описываемых в новинах успехов в строительстве нашего социалистического общества.

О добровольно-принудительном характере составления сказителями новин пишут сами фольклористы в примечаниях к опубликованным текстам. Например, об А. М. Пашковой Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов сообщают буквально следующее: «...ей подарено много книг, проведено радио и выписаны газеты. В институте, куда она часто заходит, с ней проводятся беседы о текущей политике, решениях партии и правительства»¹. Аналогичная работа велась почти со всеми сказителями. Когда сейчас читаешь признание известного былинщика И. Т. Фофанова: «При Советской

¹ Былины Пудожского края. С. 462.

власти стало жить хорошо, спасибо товарищу Сталину»¹, то понимаешь, что в словах этих звучит не уверенность в светлом будущем, а неосознанный страх перед всемогущей властью «великого вождя всех народов». Как раз в это время был незаконно репрессирован и бесследно исчез его земляк, также прекрасный знаток былин Н. В. Кигачев.

Как ни парадоксально, но наибольшей активности работа с исполнителями по созданию советского фольклора достигает в самые трагические 1937 — 1938 гг. (время массовых репрессий, в результате которых в ряде деревень Карелии было почти полностью уничтожено все работоспособное мужское население).

В архиве КарНЦ сохранилось значительное количество документов о создании так называемого «советского фольклора». Руководством к действию можно считать «Памятную записку», составленную директором КНИИКа В. И. Машезерским. Есть смысл полностью привести ее содержание, во-первых, потому, что она никогда не публиковалась, во-вторых, эта памятная записка дает наглядное представление о методике работы фольклористов с исполнителями с целью создания советского фольклора.

Памятная записка

В Советском Союзе народному творчеству уделяется огромное внимание. Проводимые декады смотра народного творчества выявили много талантливых людей, которые в своих песнях, былинах, рунах воспели и воспевают наших великих вождей Ленина, Сталина, которые составили о них много сказок.

Но не все еще носители народного творчества выявлены, в частности, у нас в Карельской АССР, несмотря на ряд проводимых экспедиций. Институт мало еще знает носителей фольклора, т. е. людей, знающих много былин, песен, рун, пословиц, сказок, составляющих о наших вождях Ленине — Сталине, о достижениях Советского Союза свои песни, былины, руны, сказки.

Карельским Научно-Исследовательским Институтом Культуры в плане 1938 года намечено выпустить ряд сборников сказок, рун, былин на карельском и русском языках. С этой целью записыватели поедут в районы Карельской АССР приобрести материал от крупных сказителей.

Институт просит Вас сообщить, имеются ли в вашем с/совете:

- а) граждане, знающие много сказок, былин, рун, пословиц, песен,
- б) талантливые граждане, составляющие сами эти песни и сказки.

---

¹ Былины Пудожского края. С. 473.

Сообщите их фамилию, имя и отчество и точный адрес.

Ваше сообщение окажет большую помощь Институту, так как записыватели поедут к определенным людям, выявленным при вашей помощи; это ускорит выпуск намеченных Институтом сборников.

Крупные сказители будут вызываться в Институт для работы с ними.

Адрес Института: г. Петрозаводск, проспект К. Маркса, 14. КНИИК.

И. о. директора КНИИК — Машезерский
Научный работник — Антипова¹

Примерно в это же время сотрудниками Института в разные уголки Карелии направляются письма на имя председателей колхозов, других ответственных работников сельских советов с просьбами, а порой даже настойчивыми указаниями проводить разъяснительную работу среди сказителей на предмет создания произведений о советской действительности. Вот одно из них:

Ялгансельга, Песчанский с/с Пудожского р-на. Новожилову Прохору Ефстигнеевичу (счетоводу колхоза)

Карельский Научно-Исследовательский Институт Культуры посылает Вам литературу:

1. Календарь колхозника для общего пользования всем колхозникам и 8 брошюр.

Возьмите на себя труд или поручите кому-либо из молодежи прочесть и объяснить старику Журавлеву книжки: Ворошилов — Сталин и Красная Армия и Буденный — боец-гражданин, а также биографии вождей: Сталина, Ленина из календаря. Может быть, на основе этого материала Журавлев сумеет составить былины о наших вождях. Поговорите с ним, чтобы он вспомнил и старинные былины.

Старику все равно делать нечего, пусть займется былинами.

Сообщите в Институт о результатах примерно к маю месяцу. Потом мы его могли бы вызвать в Петрозаводск или приехать к нему.

Руководитель фольклорной группы (Соймонов)²

КНИИК берет на себя обязанность сделать народных сказителей политически образованными. Им выписывают газеты, проводятся радиоточки. Их вызывают в Петрозаводск для работы по составлению современных сказок и былин, организуются совместные со сказителями совещания, посвященные этой проблеме. Их поощряют грамотами, орденами, приглашениями в Москву,

---

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 241, с. 144.

² Там же. С. 145.

Ленинград для выступления перед публикой, что так же естественно, как и создание современного фольклора. Некоторые из них были приняты в Союз писателей СССР. Обо всем этом имеются подробнейшие сведения в советской печати¹ и в архиве КарНЦ, однако нигде не упоминается о материальном вознаграждении за их труд. Зато имеются документы, свидетельствующие об огромных денежных затратах на редактирование и подготовку к изданию сборников советского фольклора. Например, в письмах одного из составителей сборника «Песни народов Карело-Финской ССР»² Н. Н. Леви директору КНИИК В. И. Машезерскому сообщается о баснословных суммах, которые необходимо заплатить за музыкальную расшифровку и редактирование текстов: за перевод 4 текстов — В. А. Зоргенфрею — 765 рублей (5 рублей за строку), за музыкальное редактирование З. В. Эвальд — 500 рублей, за литературное редактирование С. В. Гинзберг — 150 рублей, за переписку нот — 600 рублей. И это без учета оплаты основным составителям В. П. Гудкову, Н. Н. Леви, Е. В. Гиппиусу. А весь сборник составил всего 93 страницы. Большинство текстов в нем записано во время декад самодеятельного творчества в Петрозаводске³.

Для сравнения приведем другую сумму, названную в том же архивном документе: Каргосмузей просит дирекцию института выплатить за три картины Макарьевского «Берег Ладожского озера», «Деревня Койвайна», «Кладбище» (утерянные во время выставки) всего-навсего 75 рублей⁴. И если мы

---

¹ Чехов В. Карельские сказители в Ленинграде. О поездке в Ленинград сказителей М. М. Коргуева и Т. Е. Туруева // Комсомолец Карелии. 1939. 6 янв.; Сообщение о награждении орденами сказителей П. И. Рябинина-Андреева, Ф. А. Конашкова и М. М. Коргуева // Красная Карелия. 1939. 8 февр.; Сказитель Коргуев вступает в партию // Красная Карелия. 1939. 12 февр.; Карельские сказители-орденоносцы в Ленинграде // Комсомолец Карелии. 1939. 24 февр.; Сказители вернулись в Петрозаводск. О возвращении Ф. А. Конашкова, Е. С. Журавлевой, А. М. Пашковой, Т. Е. Туруева со Всесоюзного слета певцов и сказителей в Москве // Красная Карелия. 1939. 4 июня; Базанов В. Народный сказитель. О выдвижении М. М. Коргуева кандидатом в депутаты Верховного Совета КФССР // Красная Карелия. 1940. 29 мая и т. д.

² Песни народов Карело-Финской ССР / Сост. В. П. Гудков и Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941. 95 с.

³ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 241, с. 31.

⁴ Там же. С. 23.

не вправе винить сказителей в их попытке создавать новые произведения под нажимом «ученых людей», то намеренное искажение и подкрашивание действительности представителями интеллигенции нанесло непоправимый вред нашему обществу. В письме из Ленинграда, датированном 9.01.1938 г., Н. Н. Леви пишет В. П. Гудкову по поводу его статьи в выше-названном сборнике следующее: «...мне хочется Вам предложить в Вашей вступительной статье как-нибудь покрасивее, образнее сказать об НКВД, у Вас там сказано так, как теперь постоянно пишут в газетах — „славные органы НКВД“. Старо, уже не звучит, а не думаете ли Вы что-нибудь получше сказать, например: „благодаря героической, самоотверженной работе НКВД“ или что-нибудь в этом роде...»¹ И это пишет человек из города, в котором в это время шли повальные аресты интеллигенции органами НКВД по сфабрикованным доносам. А у Гудкова было написано следующее: «...фольклору Карелии уделялось до сих пор совершенно недостаточное внимание. Это в значительной мере объяснялось подрывной деятельностью буржуазных националистов и великофинских шовинистов, <...> пытавшихся подменить социалистическую культуру Советской Карелии финской буржуазной культурой. Этим вражеским вылазкам в Карелии в настоящее время дан решительный отпор. Основные вражеские гнезда разгромлены славными органами НКВД... Никакие козни подлых наймитов германо-японского и финляндского фашизма не смогли остановить культурного роста и художественного творчества»². Подобных высказываний, касающихся устного народнопоэтического творчества, в те годы было достаточно много. Искажения действительности, допускаявшиеся в этих высказываниях, способствовали появлению в сердцах простых людей слепого поклонения лжевождю, подозрительности и недоверия, которые нашли отражение и в новинах.

Например, в плаче А. М. Пашковой о Чкалове есть строки, явно навеянные подобного рода публикациями.

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 241, с. 41.

² АКНЦ, ф. 1, оп. 39, № 68. Предисловие В. Гудкова к сб. «Песни народов Карело-Финской ССР».

...Я сию да умом думаю,
Что-то есть у нас неладное,
Есть в стране да нехоршее.
Верно враги народа честного,
Народа честного, советского.
Все злодеи-неприятели
На страну нашу советскую
Путем тайным собираются¹.

Проблеме изучения советского фольклора и прославления социалистической действительности в конце 30-х годов была посвящена почти вся деятельность фольклористов Карелии. Приведем названия тем в плане научной работы фольклорной секции Карельского научно-исследовательского института культуры на 1937 – 1938 годы.

Наименование темы: Расцвет народного творчества Советской Карелии:

1. Гражданская война в фольклоре. Доклад на основе архива и печатных материалов.

2. Строительство социализма (новая запись). Подбор и соби́рание материалов в экспедициях, запись творчества лучших мастеров.

3. Народное творчество послеоктябрьского периода. Подбор материалов, издание книги.

4. Сказы о Ленине. Подбор материалов. Издание книги (популярная брошюра).

5. Библиография по послеоктябрьскому фольклору народов СССР. Научный доклад.

6. Разработка методики соби́рания послеоктябрьского фольклора.

7. Срочный учет крупных сказителей и имеющегося советского материала².

Помимо местных кадров для этой работы привлекались (при- нуждались) ведущие специалисты из Ленинграда. Среди ответст- венных за исполнение темы обязательно назывался «товарищ или консультант из обкома».

Как видно даже из названий тем, в них ни слова не говорится о соби́рании и изучении традиционного крестьянского фольклора. А ведь именно в это время в деревнях еще широко бытовали традици-

---

¹ АКНЦ, кол. 12а, № 11.

² АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 227.

онные формы устного народного поэтического творчества, поддерживающие постепенно исчезающий крестьянский уклад, сформированный многовековой бытовой практикой сельского населения¹.

Разбирая архивные папки с материалами по истории собирания и изучения русского фольклора Карелии 30 — 40-х годов, я обнаружила среди них до сих пор никому неизвестное письмо талантливого русского ученого-фольклориста Николая Евгеньевича Ончукова, сборники «Печорских былин», «Северных сказок» и многочисленные статьи которого составили знаменательную веху в истории русской фольклористики. Письмо адресовано Карельскому научно-исследовательскому институту культуры и датировано 14 мая 1938 года. К советскому фольклору оно никакого отношения не имеет, но подчеркивает невнимание и равнодушие наших фольклористов как к судьбе ученого, так и к его наследию. Сам Н. Е. Ончуков, всю жизнь изучая русскую культуру, не поддавался всеобщему гипнотическому увлечению сбором советского фольклора. Находясь в ссылке в Пензе, без средств к существованию, он обратился с просьбой в КННИК опубликовать неизданные фольклорные материалы, собранные им у нас на Севере. Вот содержание этого письма:

Научно-исследовательскому институту карельской культуры.

В «Известиях ВЦИКа» я прочел, что Ваш Институт подготавливает сборник по фольклору Карельской республики.

В 1928 году я возглавлял экспедицию по монографическому изучению «Одной деревни» и экспедиция работала в дер. Шокшозеро, где я записал свыше ста сказок. Статья об этих сказках напечатана мною в сборнике в честь академика С. Ф. Ольденбурга. Сказки, приготовленные к печати, лежат пока без движения. Сборник будет 10 — 12 печатных листов. Не заинтересует ли Институт этим сборником и не возьмется ли издать его на каких-либо условиях.

Если издать Институту целый сборник сказок нет возможности, не пригодится ли Институту моя статья о сказках, коренным образом переработанная и дополненная в сравнении с уже напечатанной в сб. Ольденбурга.

---

¹ Насколько актуально звучат сейчас слова В. О. Ключевского, написанные им в конце XIX века: «Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств — это плоды многовекового труда наших предков, результаты того, что они успели сделать, их недоимки — наши задачи, т. е. задачи вашего и идущего за вами поколений». Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 61.

Кроме того, в моей библиотеке 30 — 40 книг и брошюр по национальным меньшинствам (удмурты, коми, карелы и др.), которые согласен продать в какую-нибудь ученую библиотеку. Если вам это интересно, могу прислать список.

С почтением — бывш. доцент
Ленинградского университета Н. Ончуков
Г. Пенза, ул. Калинина 62, кв. 1
Николай Евгеньевич Ончуков
14.V.38

В уголке письма имеется резолюция дирекции: «т. Лозановой и т. Соймонову. Ваше мнение? 17.V.38»¹.

Письмо Н. Е. Ончукова так и осталось без внимания, хотя публикация материалов, предлагаемых ученым, могла стать гордостью фольклористики Карелии.

Мало кто знает также, что всемирно известная книга талантливого русского ученого В. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» впервые должна была увидеть свет в Карельском книжном издательстве. В предвоенные годы В. Я. Пропп являлся внештатным сотрудником Карельского научно-исследовательского института. Существенным доказательством этому может служить приказ КНИИК № 33 от 21.XI 1940 года, в котором В. Я. Проппу назначен гонорар 4499 рублей 29 копеек за работу по договорам по теме «Волшебная сказка». В своей работе над исследованием он использовал архивные материалы нашего института. Как видно из переписки директора Института с ученым, тема «Исторические корни волшебной сказки» была включена в план работы сектора фольклора КНИИК. О преднамеренной задержке и нежелании нашего руководства опубликовать эту работу в Карелии свидетельствует ряд писем 1940 года.

Начнем по порядку. В копии письма, отправленного ученому директором института Машезерским, говорится: «Уважаемый тов. Пропп! Карельский Научно-Исследовательский Институт Культуры сообщает, что Ваша рукопись „Исторические корни волшебной сказки“ получена»². В следующем письме от 14/V 1940 года, написанном заведующим сектором фольклора

---

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 242, с. 9.

² Там же. С. 97.

А. Д. Соймоновым, находившимся в то время в командировке в Ленинграде, на имя директора института Машезерского выражается тревога за судьбу книги В. Я. Проппа. В частности, он пишет: «Несколько слов об изданиях. Кажется, задерживается работа Проппа. Почему? Ведь мы имеем три блестящих отзыва на эту работу от ученых с мировым именем. Зачем же ее задерживать? Она носит общетеоретический характер и, конечно, такие работы на одном карельском материале не напишешь. Несомненно, такую работу в связи с организацией филиала особенно теперь надо иметь. И когда будет филиал, я думаю, никому не придет в голову спрашивать о том, сколько процентов карельского материала в той или иной работе»¹. Однако даже такие аргументированные доводы не повлияли на положительное решение вопроса.

В письме В. Я. Проппа В. И. Машезерскому от 24/IX 1940 года также выражается недоумение о причине задержки публикации работы в Карелии. Есть смысл привести текст этого письма полностью, так как оно является наглядным примером взаимоотношений ученых Ленинграда и Карелии.

Уважаемый тов. Машезерский!

Настоящим прошу Вас известить меня о судьбе моей работы «Исторические корни волшебной сказки». Институт в свое время сообщил мне, что издание ее включено в план работы на июль месяц. (Ваше письмо от 15/XII – 39, № 7.) Между тем, прошел уже сентябрь, а Институт никак не реагирует на получение рукописи.

Если Институт по каким-либо причинам не может издать работы, то убедительно прошу срочно меня об этом известить, чтобы я мог передать ее Университету, который предлагал мне ее издать в порядке издания диссертаций.

Институтом также до сих пор не выполнен пункт 4-ый договора, согласно которому после получения рукописи автору уплачивается 35% гонорара.

Еще раз очень прошу Вас известить меня о положении дел.

В. Пропп².

В. И. Машезерский не замедлил с ответом и в конце того же месяца отправил ученому письмо следующего содержания:

---

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 291, с. 161.

² Там же. № 291 (2), с. 313.

Уважаемый тов. Пропш!

Извините за долгое молчание о судьбе Вашей работы. Дело в том, что у нас в связи со сдачей Вашей работы в печать произошла задержка. Я предполагал Вам сразу же написать, как только этот вопрос выяснится. К сожалению, и в настоящее время я ничего определенного сообщить по этому поводу не могу.

Дело в том, что издательство отказалось публиковать Вашу работу, как не относящуюся к Карелии. Мы это обжаловали, направив обстоятельное письмо в ЦК КП(б) нашей республики.

Но так как одно время я был в отпуске, а сейчас находится в длительной командировке Директор Издательства, вопрос об издании книги может быть, очевидно, разрешен только в первой половине октября.

Я прошу Вас подождать до окончательного разрешения вопроса. Надеюсь, что уже к 15—20/X — я Вам смогу дать окончательный ответ.

Прошу извинить за неожиданную для Вас и для нас задержку книги и за невыполнение институтом своих обязательств.

Уважающий Вас
Машезерский
30/IX — 40 г.»¹

На этом переписка обрывается... Как говорится, комментарии излишни. Впервые книга В. Я. Проппа увидела свет в 1946 году. Заслуга в издании ее принадлежит Ленинградскому государственному университету. Ученый дорабатывал ее в военные годы. Как видно из содержания книги, в ней нет ни одной ссылки на архивные материалы КНИИК. Знакомство с положением дел по ее публикации в Карелии наводит на определенные мысли о причинах забвения карельского материала. А ведь по своей значимости для русской науки книга В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» является тем же, чем «Золотая ветвь» Дж. Фрезера для западноевропейской.

Зато работа со сказителями по записи от них советского фольклора становилась все активней. Своеобразным рекордом подобного рода сочинительства являются новины и сказы талантливой русской сказительницы Анны Михайловны Пашковой. В Архиве КарНЦ имеется отдельная папка (кол. 12а), которая насчитывает семьдесят шесть номеров советского фольклора. И все они записаны от А. М. Пашковой. Вот некоторые из этих произведе-

---

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 291 (2), с. 309.

ний: сказы о Ленине, Сталине, Кирове, о папанинцах, челюскинцах, о выборах в Советы депутатов трудящихся, о Красной Армии, былина о революции, «Советский Союз», «Чем Москва прославилась», «Про санаторий Маткачи», плач о Чкалове, о поэте Иване Кутасове и т. д.

А ведь А. М. Пашкова была талантливой исполнительницей традиционного русского фольклора. Именно в 30-е годы от нее записано восемнадцать высокохудожественных былин. Обычно исполнителями былин являлись мужчины, А. М. Пашкова в этом случае — счастливое исключение. Она была также талантливой исполнительницей причитаний. В ее репертуаре имеются сказки, баллады, духовные стихи, заговоры, пословицы и поговорки, загадки, полный свадебный обряд. По богатству и разнообразию фольклорного материала, записанного от А. М. Пашковой, можно судить о духовном мире русского крестьянства Карелии на рубеже XIX — XX веков¹.

Основной ее репертуар был опубликован в сборниках «Русские плачи Карелии» (1940), «Былины Пудожского края» (1941), «Русские народные сказки Пудожского края» (1982).

В те годы было принято говорить о счастливой творческой судьбе сказительницы, об удивительном даре импровизации, который позволял ей создавать новые произведения о советской действительности 30-х годов. Но, к сожалению, нигде не упоминалось о тяжелых ударах судьбы, которые выпали на ее долю именно в эти годы. Даже из автобиографии сказительницы при публикации были изъяты строки, которые хоть каким-то образом могли скомпрометировать счастливую жизнь крестьянки при Советской власти. Вместе с тем сопоставление биографических данных из жизни А. М. Пашковой говорит о несоответствии их с тем, о чем она пела в советских сказках. Попытаемся сравнить их.

А. М. Пашкова родилась в 1866 году в д. Ярчево Пудожского уезда Олонецкой губернии в обычной крестьянской семье, где все много трудились и поэтому жили неплохо. Самые лучшие воспоминания сказительницы связаны с ее девичеством. С гордостью рассказывала она о своих нарядах: «...А одевали меня хоро-

¹ В издательстве «Карелия» выпущен фольклорный сборник: Лад да совет. Сказительница А. М. Пашкова / Сост. Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1992. 126 с.

шо, жемчужна поднись была (сеткой в идном месте звали), штофные сарафаны да парчевые душегрейки»¹. После пожара, когда сгорела вся деревня, ей пришлось выйти замуж в большую семью, которая вместе с ней составила тринадцать человек. Муж отличался большим трудолюбием, как говорила А. М. Пашкова, «выбивался в зажиточные»². Общими усилиями был построен добротный двухжирный деревянный дом. (Одних топок, как говорила А. М. Пашкова, было двенадцать). В семье мужа ее не обижали, деверь как-то даже подарил ей лисью шубу. Одна беда была у нее в те годы — больной сын, который будучи уже взрослым умер. Но самые большие невзгоды поджидали А. М. Пашкову именно в 30-е годы. С горечью рассказывала она о том, как ее с мужем под старость лет в 1930-е годы (мужу шел уже тогда восьмой десяток лет) раскулачили. «Все в колхоз передали, нас не приняли. В 1933 году старик умер. Меня восстановили в правах»³. Пережив унижение от односельчан и горечь утраты, Анна Михайловна в том же 1933 году переехала в Петрозаводск к дочери. Но здесь ее поджидали новые беды. «А сюда приехала, дочь умерла, осталась я со внучкой, ей тогда шесть лет было. Отец Раюшки был арестован (имел торговлю мясом), дали пять лет»⁴. После освобождения ему не разрешили жить в городе. Завела тогда старая женщина козу, сама раскопала огород и стала растить внучку. В Институт культуры пришла сама. Услышала где-то в очереди, что интересуются ученые люди народными сказками и песнями. И не ошиблась. Вниманием обижена не была, правда, материальной помощи не получила (а она в ней так нуждалась). Вероятно, огромных усилий потребовалось сказительнице, чтобы в угоду власти сочинить следующие строки, никаким образом не соответствующие ее собственной жизни.

Преж сего было до этого
При тяжелой жизни при царской.
Во реках люди утопалися,
Во болотах люди увязалися.
Во тайгах люди заблуждалися...

---

¹ Русские плачи Карелии. С. 54.

² Былины Пудожского края. С. 462.

³ АKNЦ, кол. 122.

⁴ Там же.

А теперь у нас все, как на тарелочки.
Дорогой учитель наш товарищ Сталин есть.
У того товарища у Сталина
Везде построены дороженьки прямехоньки,
Через речки мостики тесовые,
Через болота переходики надежные.
Пойдешь по реченьке — не утопишься,
Во темном лесу — не заблудишься.
У товарища ли у Сталина
Во болотах во топучих
Выросли заводы да фабрики¹.

Неправдоподобно идиллической выглядит в сказе картина счастливой колхозной жизни, изображенная ею под влиянием газетных передовиц и радиопередач.

Посмотри-ко кругом, около,
У нас все переменялось.
Как поля цветут колхозные,
И стада идут совхозные,
Наши детушки крестьянские
В высших школах обучаются,
Наши женщины колхозные
В Совет Верховный выбираются,
Наши парни деревенские
Соколами вьются в воздухе,
Наши девушки крестьянские
По полям да водят тракторы².

Как ни парадоксально, но в одном из описаний славных дел Сталина, А. М. Пашкова, сама того не осознавая, изобразила правдивую картину того времени.

У того у товарища у Сталина
По корбушкам³ да по дремучим,
По болотушкам да по сыпучим
Города стоят да с пригорками,
Села стоят да с приселками⁴.

---

¹ АКНЦ, кол. 12а, № 9. Отрывок из сказа «Чем Москва прославилась».

² Там же. № 4.

³ Корба — глухой, непроходимый лес.

⁴ АКНЦ, кол. 12а, № 9.

Если воспринимать эти строки как метафору, то перед нами — наглядный пример многочисленных сталинских лагерей для политзаключенных.

Среди советских сказов, прославляющих вождя, типа:

Спасибо Сталину родному
И нашей партии привет,
Что открыли нам дорогу,
Показали людям свет,

удалось встретить одно произведение, которое вызвало искреннее сострадание к сказительнице. Известно, что А. М. Пашкова умерла в 1948 году. Но до последнего времени ничего не было известно о единственном близком ей человеке — внучке Рае. Оказывается, беды не покидали ее до конца жизни. Во время войны в эвакуации ей пришлось пережить смерть внучки. В плач о поэте Иване Кутасове вставила сказительница строки, в которых излила свое горе.

А. М. Пашкова, по всей вероятности, плохо знала поэта И. Кутасова. Строки плача, посвященные ему, аморфны и являются своеобразными штампами. Пожалуй, у меня не хватило бы терпения прочесть до конца это тридцать третье по счету произведение советского фольклора. Но привлекло внимание необычно поэтичное, исполненное в традиционном народном стиле начало:

Как подумать мне умом-разумом.
Как мне горе свое выплакать,
Как тоску мою порозогнать.
Я пойду многообидная
По крутому да по бережку,
Ко шумливому Онегушку.
На серой я сяду камушек,
Я обидушку повырою,
Я кручинушку свою выскажу.

Затем она вспоминает «своего друга родимого, союз-писателя любимого, то Иван свет Кутасова». А дальше звучат полные отчаяния, горя и тоски слова:

На чужой живу сторонушки
При большой тоски да горюшки,
Не в своем да витом гнездышке,
Как чужа дальняя сторонушка,
Как не сахаром посыпана,
Хотя хожу бедна по горнице,
Я служу вместо подворницы,
По чужому брожу терему.
У меня многообидною,
Только все у меня потеряно,

Потеряла лебедь белую,
Свою внученьку родимую,
Я ума-разума лишилася,
С ней павеки распростилася.
Больше нет обиды-скукушки,
Как с милой внучешкой разлукушки¹.

Видно забыла с горя несчастная женщина, о чем велено было ей петь, и невзначай выплакала свое горе. Потом, словно опомнясь, продолжила:

Ох, ты мне, Ивап Григорьевич.
Вспомню я твою живальничку,
Все тебя да вспоминаючи,
По твоему пути шагаючи,
«Калевалу» вспоминаючи.

Но все-таки не выдержала душа петь по указке. К счастью, собиратель зафиксировал этот момент. «Ну хватит, сказала она, было еще, да потеряла листок»².

---

¹ АKNЦ, кол. 12, № 33.

² Там же.

Явление, которое произошло в истории русской фольклористики Карелии в 30—40 годы XX века, носило общесоюзный характер. Аналогичная картина наблюдалась и в карельском фольклоре. В этой главе была сделана попытка на конкретном материале показать несостоятельность искусственного насаждения ложных идей в народной культуре. В результате больших усилий, направленных на создание советского псевдофольклора, навязанного талантливым сказителям, было упущено дорогое время для продолжения работы по целенаправленному, фронтальному сбору произведений устного поэтического творчества Карелии. Каждый человек отвечает за дело, которое он выбрал в жизни. Никто не застрахован от ошибок. Но каждое поколение отвечает перед будущим за преднамеренную ложь. Пусть эта страница в истории фольклора сталинской эпохи будет хорошим уроком для последующих поколений фольклористов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ф. 1, оп. 3, № 227, с. 4

Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦКВКП(б)
Музей В. И. Ленина
Ленинградский филиал
Ленинград, ул. Халтурина, дом 5/1 (Мраморный дворец).
№ 052 20 апреля 1937

Директору Карельского научно-исследовательского института
Ленинградский филиал музея В. И. Ленина обращается к Вам с
просьбой предоставить имеющийся у Вас фольклорный материал
песен народов Карелии, посвященный В. И. Ленину. В частности,
просим переслать текст (в русском переводе, если есть) карель-
ской певицы Мавры Хотеевой «Плач о Ленине».

Зам. директора по научной части (Аввакумов)

Ф. 1, оп. 3, № 241, с. 98

3/VI — 38

В гослитиздат

Карельский Научно-Исследовательский Институт Культуры
подготавливает в настоящее время к печати большой сборник
фольклора «Творчество народов Советской Карелии» по типу,
изданному издательством «Правда».

Издание этой книги имеет большое политическое и культур-
ное значение. Составленный из лучших образцов современного
советского фольклора, сборник явится ярчайшей демонстрацией
расцвета народного творчества забытых веками народов Карелии
и явится значительным вкладом в сокровищницу современного
советского фольклора.

Книга будет богато оформлена образцами народного изобразительного искусства Карелии (вышивки, резьба, керамика и пр.). Срок подготовки книги к печати 1 окт. 1938 г.

Не имея возможности осуществить по техническим причинам такое сложное издание в Карелии, КНИИК обращается к Вам с просьбой взять на себя издание этой книги. Со стороны правительственных и партийных органов Карелии Вам будет обеспечено всяческое содействие в издании книги «Творчество народов Советской Карелии». Ваш ответ по существу письма просим не задерживать.

Приложение: План издания.

2/VI — 38.

Директор КНИИК — Грибков.
Управделами — Сесюнина.

Ф. 1, оп. 3, № 241, с. 97

В Карельское гос. изд-во

Карельский Научно-Исследовательский Институт Культуры препровождает Вам рукопись «Сказы и плачи о В. И. Ленине» на карельском языке.

Директор КНИИК — Грибков.
Управделами — Сесюнина.

Ф. 1, оп. 3, № 227

Тов. Виноградов

Ваше письмо получил и благодарю за ваши указания, которые я уже начинаю проводить в жизнь...

Архипова Мария Федоровна взялась к 25/VII (воскресенье) составить причет по Сергею Мироновичу Кирову, это очень интересно. Я ей рассказал биографию Сергея Мироновича, кроме того, она про него кой-чего знала из собраний...

Тов. Виноградов! Я просил бы, сколько можете послать денег, а то у меня с этим делом обстоит очень скверно. Нет денег на хлеб и папиросы.

22.VII.37.

Ваш Архипов Мих. Степ.

Тов. Виноградов! Причеть Марии Федоровны Архиповой о Сергее Мироновиче Кирове готова, но еще не обработана, попробую дополнить к 19-му числу вышлю и вы оцените. По-моему, она слаба, но на первый раз хорошо.

Ф. 1, оп. 3, № 366

Секретарю Олонецкого райкома партии тов. Карахаеву Н. Ф.
Уважаемый Николай Федорович!

В Вашем районе находится много сказителей. Научно-Исследовательский Институт Культуры предполагает восстановить связь со сказителями. Для этой цели в ближайшие же дни выедут в экспедицию в Ваш район научные сотрудники т. Симакова, она будет собирать фольклор Отечественной войны.

Николай Федорович, убедительная к Вам просьба помочь институту в этом деле. Для нас очень важно знать, от кого надо записывать. Это особенно важно в связи с тем, что многие люди Вашего района находились в оккупации. Во-вторых, наряду с выяснением таких лиц, я Вас прошу оказать содействие тов. Симаковой в ее продвижении в районе.

Директор КНИИК.

Ф. 1, оп. 3, № 366

Секретарю Сегозерского РК КП(б) Карело-Финской ССР

Дирекция Научно-Исследовательского Института Культуры Карело-Финской ССР просит Вас оказать содействие в деле становления связей между проживающими в Вашем районе жителями и певцами рун и фольклорной секцией нашего института. До нас дошли сведения о том, что одна проживающая в Вашем районном центре сказительница — колхозница — мать Вашего предшественника, погибшего от вражеской мины, с песнями радости на карельском языке встретила летом 1944 года советских партизан, освободивших ее родное село, и словами ненависти к фашистским захватчикам оплакала в своем причитании гибель сына. Просим Вас сообщить нам адрес этой сказительницы и также сообщить адреса других сказителей Вашего района.

Зал на съезде писателей КФ ССР. 1939 год

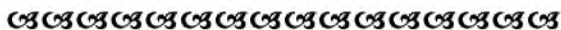

Сказители Карелии в Москве во время вручения орденов с грузинскими писателями-орденоносцами и другими писателями в номере гостиницы «Москва». 1939 год

В ближайшее время предстоит приезд наших сотрудников в Ваш район и тогда представится возможность записать все фольклорные произведения наиболее крупных и интересных сказителей и певцов рун Вашего района.

Директор КНИИК.

Сказители Карелии в Москве

Ф. 1, оп. 3, № 366

Секретарю Калевальского райкома КП(б)
Карело-Финской ССР

Дирекция Научно-Исследовательского Института Культуры Карело-Финской ССР просит Вас оказать содействие в деле установления связей между проживающими в районе Калевалы сказителями и певцами рун и фольклорной секцией нашего института. Существовавшие до Отечественной войны связи со сказителями за годы войны прервались, и мы в настоящее время не знаем, где находятся такие певцы рун Калевалы, как Мария Михеева, проживающая ранее в дер. Алаярви, Татьяна Перттунен, правнучка знаменитого певца Архиппа Перттунена, проживавшая до войны в с. Ухта, Евдокия Хямляйнен (проживавшая ранее в с. Ухта), А. С. Лесонен и др. Просим Вас переслать сказанным сказителям — певцам рун адресованные им наши письма, к которым прилагаются новые песни М. Михеевой и Е. И. Минина, для того чтобы они могли ознакомиться с этими песнями в порядке обмена опытом и в целях обсуждения этих фольклорных произведений.

Директор КНИИК.

ОЗ

ОЗОЗОЗОЗОЗОЗОЗОЗОЗОЗ

Всекарельское Собрание сказителей и мастеров
изобразительного искусства. 25 — 30 мая 1939 года

Ф. 1, оп. 3, № 291, с. 114–115

Многоуважаемый Виктор Иванович!

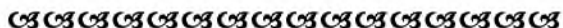
Будучи на майских праздниках в Ленинграде я прочел и поправил корректуру «Народного творчества советской Карелии»¹.

В вступительную статью внес следующее добавление:

«Книга составлена до исторических событий 1939 и начала 1940 года, когда, выражая волю всего народа, Красная Армия решительными боевыми действиями обеспечила безопасность Ленинграда, Кировской жел. дор. и всей Карелии. В боях родилась двенадцатая Союзная республика — Карело-Финская ССР. Это была новая победа ленинско-сталинской национальной политики. Начался новый этап исторического развития народов Карелии. Народные сказители создали за это время былины, сказки, песни, отразившие новый исторический этап. Они войдут в последующие публикации Карело-Финского Научно-Исследовательского Ин-та Культуры. Настоящий же сборник включает материал, созданный сказителями до этих событий, и отражает жизнь и борьбу народа в период, предшествовавший созданию Карело-Финской ССР. В силу этого, а также и потому, что материал, представленный в сборнике, бытует и продолжает развиваться — он и не утратил своей ценности».

Это добавление одобрено Соймоновым. Но волнует то, что даже такая оговорка, вполне достаточная для публикации материала сборника, не снимает вопроса о том, что в сборнике совершенно не представлен финский фольклор, тогда как помещается, например, материал семи вепсских сказителей. О чем просил бы Вас сказать свое мнение по этому поводу и обсудить этот вопрос, где только возможно. Ведь ответственность на весь институт ложится огромная. Может быть есть уже кое-какой финский материал? Тогда его надо вставить даже за счет удорожания книги. Я в свое время предлагал вставить записанную В. Евсеевым финскую песню «Серп и молот», но ее отклонила редколлегия из-за существовавшей в то время «осторожности». Еще хуже обстоит этот же вопрос в отношении подготовленного уже в остальном мною маленького сборничка (типа Кировского): «Красная Армия в народном

¹ Народное творчество Карело-Финской ССР. Записи 1937–1938. Подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. В. Чистова. Под ред. А. Н. Лозановой. Петрозаводск, 1940. 210 с. *Прим. ред.*

творчестве Карело-Финской ССР». Здесь уже не отговоришься ничем, и я вынужден держать его у себя несмотря на полную готовность, т. к. фольклорная группа неизменно отвечает, что у нее никакого финского материала нет.

С нетерпением жду Вашего ответа

С приветом. В. Чистов.

Москва 24 мая 1940 г.

Сказители Карелии в Москве во время вручения орденов

Ф. 1, оп. 3, № 291 (2), с. 272

Многоуважаемый Виктор Иванович!

Соответственно Вашему указанию я закончил работу над сборником «Красная Армия в народном творчестве Карело-Финской ССР»¹ и так как Соймонов написал, что редактировать его будет сам, то для ускорения дела выслал рукописи сегодня, 23 августа, на его адрес в Ленинград.

С приветом В. Чистов

Москва.

23 авг. 1940 г.

---

¹ Книги под редакцией А. Д. Соймонова нет. Есть ст. «Былины о Красной Армии» / Под ред. В. Г. Базанова. Беломорск, 1943. 46 с. *Прим. ред.*

СУДЬБА НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАРЕЛИИ

Устное народное творчество является органической частью сложной взаимопроницаемой системы духовной культуры русского народа. Невозможно представить себе развитие фольклора без влияния на него богатой книжной традиции.

В истории фольклористики периодически ставился вопрос о влиянии книги, в особенности церковнославянской, на бытование фольклора. С переменным успехом подчеркивалось то положительное, то отрицательное значение книжной культуры в развитии устного народного поэтического творчества.

В последние десятилетия особенно тщательно замалчивалось положительное влияние духовной литературы на фольклорный процесс. Однако еще в XIX веке И. В. Ягич писал, что весь русский народный эпос насквозь проникнут христианско-мифологическими сказаниями апокрифического и неапокрифического характера. Современная исследовательница народной культуры Т. А. Бернштам пишет: «Традиционная крестьянская культура сформировалась, как известно, на базе религиозного сознания, которое было не только духовным ядром, но и духовным наполнителем жизни»¹. Вслед за А. Я. Гуревичем она ставит знак равенства между понятиями «народная культура» и «народная религия».

Особенно актуально выглядит проблема влияния книги на фольклор в Карелии, где, с одной стороны, с незапамятных вре-

---

¹ Бернштам Т. А. Русская народная культура и народная религия // Советская этнография. 1989. № 1. С. 91 – 99.

мен широко бытовала устная традиция, с другой — благодаря широкой сети монастырей, староверческих общежитий — старопечатная и рукописная. Словесность Русского Севера развивалась в рамках новгородской и выговской литературных традиций. Старопечатная и рукописная книга вплоть до начала XX века была живым чтением для русских Карелии, поэтому местным населением были сохранены в большом количестве древнерусские книги и рукописи¹.

Сейчас, в эпоху возвращения духовных ценностей народу, как никогда раньше, пришло время задуматься о судьбе нашего книжного духовного наследия. Куда исчезла богатая книжная культура Карелии? Известно, что собиранием рукописей на ее территории занимались еще в XIX веке. Большое количество рукописей было собрано В. И. Срезневским в Олонецкой губернии в 1903 году. Оно значится в библиотеке Академии наук (БАН) как «Северное собрание». В 1904 году старинную рукописную литературу на территории Олонецкой губернии собирал Н. Е. Ончуков, в 1908 — 1909 годах — Н. С. Шайжин. Богатая коллекция книг была собрана и описана известным русским ученым Е. В. Барсовым². До революции в г. Петрозаводске древние рукописи имелись в Епархиальной миссионерской библиотеке, в церковном археологическом музее и т. д. После революции рукописная литература частично сохранилась в Центральном государственном архиве (48 рукописей XV—XIX веков), в Республиканской библиотеке

---

¹ История литературы Карелии: В 3-х т. Т. III. Петрозаводск, 2000. С. 13—25. (У автора в тексте ссылка на рукопись этой книги.)

² Барсов Е. В. Описание рукописей и книг Выголексинской библиотеки. СПб., 1874; Иванов А. Каталог предметов олонецкого губернского музея. Петрозаводск, 1887; Островский Д. Краткое описание Олонецкого епархиального древлехранилища. Петрозаводск, 1913; Викторов А. Описание рукописных хранилищ Северной России. СПб., 1890. О рукописях Олонецкого губернского статистического комитета имеется информация Н. Шайжина в Олонецких губернских ведомостях: 1905 г. — № 109—111; 1908 г. — № 54; 1909 г. — № 49—52, 103; 1910 г. — № 4—5. См. также Известия общества по изучению Олонецкой губернии: 1913 г. — № 2—3; 1914 г. — № 4, 6, 7. Олонецкие епархиальные ведомости: 1903 г. — № 7; 1906 г. — № 54; 1912 г. — № 35; 1913 г. — № 3, 5, 9 и т. д. Библиографические сведения взяты из статьи: Малышев В. И. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. 1947. Т. V.

(26 рукописей XVII—XIX веков), в Республиканском музее (18 рукописей XVI—XIX веков)¹. Но, пожалуй, самая богатая коллекция древней старопечатной и рукописной литературы церковного и светского содержания до 1954 года находилась в научном архиве Карельского филиала АН СССР (сейчас Карельский научный центр). Судьба этой коллекции заслуживает особого внимания. В настоящее время в архиве сохранилась лишь так называемая охранный опись книг, некогда принадлежащих карельской науке, она представляет собой список, насчитывающий более четырехсот наименований. По времени написания они распределяются с XV по XX век. Это книги церковного, исторического, светского содержания, много переводной литературы. Для фольклористов особую ценность представляют различного рода жития, сказания о чудесах, повести об иконах. Среди обширного списка богатой житийной литературы много книг о севернорусских святых: о Германе Соловецком (XVII век), Александре Ошевенском (Каргопольском), жития Зосимы и Савватия Соловецких (XVIII век), Пахомия Каргопольского (XVIII век), Иоана Вологодского (XVIII век), Варлаама Керетского (XIX век), Беседа Сергия и Германа Валаамских (два списка XVIII века), Повесть об острове Муромском (середина XVIII века). Имелся в собрании и сборник анекдотов Шута Балакирева. Широко были представлены в собрании сочинения севернорусских старообрядческих писателей.

Сведения о путях комплектования карельской коллекции очень противоречивы. В свое время известный собиратель древних книг, основатель древлехранилища Института русской литературы г. Ленинграда (Пушкинский Дом) В. И. Малышев отнес образование рукописного собрания Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР к 1940—1941 годам, приписав основную заслугу в собирании лично себе. Так, по его словам, за две недели в Карельском Поморье в 1940 году он собрал 150 рукописей XV—XIX веков, за вторую двухнедельную поездку туда же в 1941 году — 176 рукописей XV—XIX веков. Это, по всей вероятности, и послужило основным аргументом в пользу безвозмездной передачи всей коллекции Пушкинскому Дому в 1954 году. В научном архиве сохранились документы об оформлении

¹ Сведения взяты из того же источника.

этой передачи, свидетельствующие об элементарной безграмотности руководства института и правительства республики в этом вопросе, с чьей легкой руки Карелия «за спасибо» лишилась бесценных сокровищ, по праву принадлежащих ей. Первый документ представляет собой письмо из Совета филиалов АН СССР от 17 апреля 1954 года, подписанное ученым секретарем Совета филиалов В. И. Кузнецовым. В нем сообщается, что отделением языка и литературы АН СССР внесено предложение о передаче ИРЛИ древнерусских рукописей в количестве 360, собранных в 1940 — 1946 годах на территории Кемского, Беломорского, Пудожского районов, хранящихся в Карело-Финском филиале АН СССР.

Необходимость передачи этих рукописей мотивируется тем, что подавляющее большинство из них содержит произведения древнерусской литературы и *не имеет прямого отношения к истории Карело-Финской ССР*, а также тем, что рукописи в научных целях не используются.

О том, что данное письмо не осуждалось учеными Карелии, свидетельствует резолюция, наложенная на нем уже 24 апреля 1954 года директором института В. И. Машезерским, которая гласит: «Считаю, что упомянутые древнерусские рукописи целесообразно передать в Институт русской литературы». 15 мая того же года председатель президиума Карело-Финского филиала АН СССР И. И. Сюкияйнен сообщает директору центрального архива академику Г. А. Князеву о том, что в соответствии с ходатайством Института Русской литературы о передаче ему древнерусских рукописей, собранных Институтом истории, языка и литературы Карело-Финского Филиала АН СССР на территории Карело-Финской ССР за ряд лет, и на основании постановления Президиума Академии наук СССР за № 92816 от 7 мая 1954 года коллекция древнерусских рукописей Института истории, языка, литературы, хранящаяся в архиве Карело-Финского филиала АН СССР, в количестве уже 373 единиц передана в Институт русской литературы (в лице младшего научного сотрудника Мальшева В. И.) по акту от 13 мая 1954 года. Подпись: И. И. Сюкияйнен¹.

Следует заметить также, что в акте передачи принимали участие только два человека — заведующая архивом Л. М. Верюж-

---

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 240.

ская, которая непосредственно выполняла волю начальства, и сам В. И. Малышев. Может быть, мое сравнение в данной статье будет не совсем уместно, так как исследователь должен быть беспристрастным, но опрометчивость нашего руководства в решении этого вопроса сродни решению правительства ликвидировать неперспективные деревни на территории Карелии, принятому примерно в эти годы. Плоды от последнего волюнтаристского решения мы сполна пожинаем сейчас, ощущая это на своих желудках, а добровольное изъятие из своих запасников духовных ценностей больно будет отзываться не только на нас и на наших потомках, но и на состоянии всей духовной культуры Карелии. Надо отдать должное В. И. Малышеву, который исчерпывающе охарактеризовал рукописные книги из Карелии, отметив при этом, что они легли в основу древлехранилища Пушкинского Дома. Не обошла вниманием этот факт и периодическая печать. В газете «Ленинское знамя» от 16 сентября 1956 года была опубликована заметка с лаконичным названием «Дар карельских ученых», в которой сообщалось, что дар Карельского филиала АН СССР, 370 рукописей, полученных из Петрозаводска, является самым большим поступлением как по количеству, так и по ценности за все время существования собрания. В числе наиболее ценных названы: «Хождение Трифона Коробейникова» (XVII век), «Повесть о купце Дмитрие Басарге» (XVII век), «Повесть о приходе Тохтамыша на Русь» (XVII век), отдельные сочинения Симеона Суздальца, Ивана Пересветова, Арсения Суханова. Из исторических сочинений любопытны «Статейный список послов Василия Коробина и Афанасия Кувшинова», а также «Сказание о Царьграде» (рукопись XVIII века). В заметке сообщается, что библиотека Петрозаводского государственного университета также передала рукопись большой художественной и исторической ценности. Это книга, написанная сестрой Петра I, царевной Софьей Алексеевной, украшенная рисунками искусных придворных «изографов». Книга представляет собой замечательный образец орнаментированных рукописей XVII века.

Добровольная передача на сторону ценнейших книг из библиотек Карелии, обескровившая духовную культуру края, похожа на «безбожный поход петрозаводского пролетариата, в результате которого был закрыт и превращен под общественную столовую

один из крупнейших очагов мракобесия — Петрозаводский Кафедральный собор» (Клишко В. Вместо собора — общественная столовая. (Заккрытие Петрозаводского кафедрального собора.) — Л.; Петрозаводск, 1931. 18 с.)¹.

В Научном архиве нынешнего Карельского научного центра удалось разыскать еще ряд ценных документов, касающихся судьбы нашего древлехранилища, в частности, о nepoзвoлитeльнoм халатном обращении с древнерусскими памятниками в последние годы. Оказывается, они по первому требованию столичных специалистов высылались по почте на неограниченное время и зачастую не возвращались. Об этом упоминает сам В. И. Малышев, свидетельствуя, при передаче рукописей Пушкинскому Дому, о нехватке многих книг (указаны номера по описи). Требования подписывались директором института В. И. Машезерским, а книги отсылались В. И. Малышевым, работавшим в те годы в нашем институте. Вот некоторые примеры этих акций:

«14 июня 1945 года. ИРЛИ (Пушкинский Дом) требует выслать для работы научных сотрудников М. О. Скрипиль и В. Ф. Покровской рукописи № 199, 214, 228, 229, „Житие Варлаама Керетского“, „Повесть о рыцаре Калеандре и о Неопильде“, „Соловецкий летописец“ сроком на один месяц. Ученый секретарь Канаев. Резолюция. Малышеву. Отобратить и выслать. Подпись: Машезерский».

«25 сентября 1946 года. Для академика Орлова выслать рукописный сборник середины XVII века № 23 на два месяца».

«31 июля 1947 года. Для занятий доктора филологических наук М. О. Скрипиль выслать рукопись сборника № 336 XVIII века „Повесть о Белом клобуке“, „Сказание о Тихвинском монастыре“ и др. на два месяца»².

Как было сказано выше, В. И. Малышев основную заслугу в комплектовании уникальной коллекции присвоил себе. Однако архивные материалы не свидетельствуют в его пользу. При тщательном просмотре документов тех лет удалось найти всего два, где упоминается фамилия В. И. Малышева, относящихся к инте-

---

¹ Что нужно прочесть краеведа // Краеведение в Карелии на новом этапе: Сб. ст. Вып. 2. Петрозаводск, 1933. С. 102.

² АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 151.

приобрести необходимые рукописные материалы из учреждений Петрозаводска (Архив, Музей, Статистическое управление и т. д.) в количестве 500 экземпляров — срок 31/XII — 1934»¹.

И если в архиве Карельского научного центра не удалось обнаружить каких-либо документов об экспедициях В. И. Малышева, то что касается Л. А. Дмитриева, здесь имеется подробное описание старинных книг, приобретенных им во время археологических экспедиций 1948, 1949, 1950 годов, организованных Институтом языка, литературы и истории г. Петрозаводска в Заонежье. Собиратель обследовал около двухсот деревень. В 1948 году им собрано 14 книг (десять рукописных и четыре старопечатных), в 1949 — 19 книг (из них три старопечатных с рукописными вставками). Сам Л. А. Дмитриев наиболее ценными из них считал: «Толковое Евангелие от Матфея» на 320 листах XVI века, писанное скорописью, «Евангелие» на 202 листах XVI века, писанное красивым уставом, старопечатный «Апостол», изданный в 1597 году в книгопечатание Андронника Невежи, известного ученика Ивана Федоровича Первопечатника, сборник «Чудеса Пресвятой Богородицы», писанный уставом, на 203 листах XVIII века, старообрядческий сборник XVII—XVIII веков, писанный полууставом разными чернилами и разными почерками на 408 листах. Он, в частности, содержит ряд статей церковно-исторического и богословского характера, житие Зосимы и Савватия, статью о правилах жизни иноков в монастыре и ряд других статей².

В описании книг, приобретенных Дмитриевым, даются подробные сведения, от кого, в какой деревне и за какую стоимость приобретены книги. В большинстве случаев это старообрядцы или их родственники. Например, «Евангелие» на 202 листах. Писано красивым старинным полууставом, чернила черные, прописные буквы — киноварь. Состояние книги очень хорошее. Куплено в деревне Русиновской, Толвуйский с/с, у родственницы старообрядца за 25 рублей. «Толковое Евангелие от Матфея» на 320 листах может быть отнесено к началу XVI века, куплено в деревне Лядино у старообрядца М. Ф. Котова за 50 рублей. Требник старообрядческий конца XVI века, 513 листов, куплен

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 95.

² Там же. № 100.

у Котова за 50 рублей. Духовный старообрядческий сборник 19 листов, куплен в деревне Космозеро у старообрядца за 25 рублей и т. д.

В статье «Археологические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР» Л. А. Дмитриев также пишет о тех людях, у которых он приобрел книги, например: «Известный по всему Заонежью книжник, слепой старик из деревни Космозеро Иван Михеевич Абрамов. Отец — известный среди старообрядцев Заонежья иконописец и переписчик книг. Абрамов собирал старинные книги и вещи для В. И. Срезневского. Котов Михайло Федорович — из деревни Якорь-Ледина, 83 года, типичный старообрядец — начетчик и знаток старого письма»¹.

Дополнить картину широкого бытования у населения Карелии до недавнего времени старинной русской старопечатной и рукописной литературы помогут материалы фольклорных экспедиций. Очень наглядной в этом отношении является поездка фольклористов Д. Соймонова и Г. Париловой в июле 1940 года в Пудожье. Благодаря дневнику, который вели фольклористы во время поездки, мы можем наглядно представить себе колорит деревенской жизни того времени. Начав обследование с архива г. Пудожя, они обнаружили в нем множество церковных, в том числе старопечатных, книг. На обратном пути, как значится в дневнике, они взяли из архива большую папку рукописей, но старопечатные книги остались, так как, по словам Д. Соймонова, их «негде было тащить».

«В одной из изб, — пишет далее собиратель, — нам дали книгу „Про шута Балакирева“. Книга зачитана, не имеет ни начала, ни конца, чтением ее увлекались, рассказывали по книге — „учили“, как говорит владелец книги»². Участники экспедиции побывали

¹ Доклады и сообщения. Филологический факультет Ленинградского государственного университета. 1951. Вып. 3. С. 287 — 290.

² Примечательно, что помимо книг, участникам фольклорной экспедиции удалось без особого труда собрать приличную коллекцию икон и вышивок. Обращает на себя внимание социальный подход при проведении этой работы. Так, например, у так называемых классово чуждых элементов иконы не покупались, а просто — напроосто изымались. Д. Соймонов приводит в своем дневнике следующий случай: «В Нигиже одна женщина (старуха из кулацкой семьи) собирала подписку на открытие церкви и подавала прошение. Интересно, что когда мы брали у нее старые иконы, она целовала каждую из них и просила у Бога прощения в грехах».

во многих деревнях. Самая большая удача ожидала их в деревне Никитиной. Соймонов назвал ее очагом старообрядчества. В деревне ему рассказали, что раньше «все тут были старообрядцы, к ним ездили другие с севера, привозили книги, иконы. Скиты были за деревней. Потом исправник закрыл, так они в дом перенесли. До последнего времени была часовня у Алешина наверху». В дневнике имеется подробное описание дома Алешина. Есть смысл привести его полностью: «У Алешина большой дом, комнаты пустые, валяется много икон, мусора, книг. В этом доме сейчас никто не живет. Старуха повела нас наверх, в келью. Келья расположена в чердачном помещении. По красивой резной лестнице поднялись наверх, прошли чердак — маленькая лесенка 2 ступени и узкая дверь на замке. Входим в келью. Впереди, перед дверью, окошко, слева на стене большая икона, которую мы везем с собой, справа на стене киот для икон, но самих икон нет. Место в киоте для 3-х икон, под каждой внизу ящички, там хранил старик перья, у каждой иконы висят лампы. Под иконами шкаф для книг. Киот, шкаф вместе. По краям кельи лавки. На полу маленькие покатые табуретки и на них подушечки, которые мы взяли с собой. Задний правый угол занимает дымоход от печи. В заднем левом углу всякий мусор, прялка, все это принесено, вероятно, недавно. Впереди, над окном, под потолком, полка, на которой тоже книги и всякий мусор. Келья небольшая, низкий потолок, как обычно на чердаках, но вообще чистенько, удобно, вероятно, здесь стоял стол — настоящая рабочая комната. Очевидно, старик был культурный, развитый, это можно судить по его библиотеке. Мы привезли самое интересное и все, что могли захватить, остались там более поздние книги. Остались там всевозможные учебники по географии, истории, брошюры. В большинстве это дореволюционные издания, но были и современные. Читал старик много по всем вопросам. Была там книжечка «Как люди научились летать», был томик Ибсена, Достоевского («Дневник писателя») — Куприна. Последние три книги лежали внизу в доме. Когда я беседовал с одним старообрядцем в деревне, глубоким стариком, неграмотным, то он рассказывал самые необычные вещи, необычные для простого крестьянина, старика. Он говорит, что у Алешина в книгах было все предreshено и самолеты и пароходы и т. п. достижения техники и что все это дьявольское наваждение,

что происходит конец света. Говорил он странные вещи о войне, о смятении народов. Когда я попал в библиотеку Алешина, стало понятно, откуда вся эта премудрость»¹.

В общей сложности собиратели фольклора увезли из Никитиной шестнадцать рукописей XVII—XIX веков и восемь старопечатных книг.

Как правило, крестьяне очень бережно относились к духовному наследию предков. Во время так называемых «безбожных походов» местных властей на церкви, они прятали уцелевшую церковную утварь вместе с древними книгами и иконами у себя на чердаках, в погребах, подвалах. В конце 60-х годов в с. Шуерецкое (Карельское Поморье) в одном из домов мне показывали богатую коллекцию древних книг. Примерно в те же годы в деревне Черная Река во время фольклорной экспедиции мы с А. Ф. Некрыловой жили в избе, хозяйка которой не один десяток лет хранила в кладовой почти целый иконостас из местной церкви. По ее воспоминаниям, во время уничтожения церкви все добро из нее было выброшено на улицу, вероятно, для того чтобы сжечь. Люди боялись открыто брать и уносить иконы. А так как у нашей хозяйки тети Маши, по ее словам, в доме не было «партейных», она и приютила у себя церковное добро. Интересно, что много позже, во время развенчания культа личности Сталина, она пожалела глиняный бюст генералиссимуса, склеила ему печной известкой сломанный нос, покрасила «статую» серебрянкой и поставила в углу избы около печки-лежанки.

Под влиянием антирелигиозной пропаганды встречалось и варварское отношение крестьян к духовным памятникам культуры. Наглядным примером этому может служить воспоминание собирателя Л. Дмитриева об экспедиции 1948 года. «В деревне Пайницы, где была старообрядческая церковь, — пишет он, — пропало огромное число книг из-за преступного отношения к ним дочери священника этой церкви. По ее собственным словам, она в течение нескольких лет топила и разжигала печи книгами, которые ее отец из церкви перенес на чердак своего дома. Она говорила, что некоторые из них были написаны на коже (возможно

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 1, кол. 8, № 21.

пергаментные списки). Некоторые вспоминали, что во время эвакуации оставляли дома книги целыми сундуками»¹.

Просматривая архивные материалы, я обнаружила еще один документ, до сих пор никому не известный, который свидетельствует о недопустимом отношении наших соотечественников к своему духовному наследию. Он имеет непосредственное отношение к судьбе библиотеки Валаамского монастыря и представляет собой отчет сотрудника КНИИ т. Румянцева о поездке на остров Валаам Ладожского озера в 1945 году.

Известно, что русский православный монастырь, основанный в XIV веке, с 1817 по 1940 год принадлежал Финляндии. С 1940 по 1941 год был собственностью СССР. В это время монастырь переезжает в Финляндию и называется «Новый Валаам». Сам остров осенью 1941 года вновь переходит к финнам. В 1944 году советские войска отвоевали Валаам. У многих людей сложилось, по всей видимости, впечатление, что в результате всех этих пертурбаций в 1944 году на острове не осталось никаких ценностей. Однако, как видно из отчета т. Румянцева, это не так. Помимо всего прочего, цела была даже значительная часть библиотеки. Да это и естественно. За короткий промежуток времени, который был предоставлен монахам для эвакуации в Финляндию, они не в состоянии были вывести ценности, накопленные за многие сотни лет. К тому же, наверняка, надежда на возвращение не покидала их.

Итак, сразу после окончания Великой Отечественной войны с 19 по 31 июня 1945 года на территории Валаамского монастыря работала научная экспедиция НИИК КФ АН СССР и Государственной публичной библиотеки в составе четырех человек. В ее задачи входило ознакомление с состоянием культурных ценностей монастыря, библиотеки, древнеславянской литературы в церквях, живописи в храмах. Участникам экспедиции вменялось в обязанность отобрать все, что имеет какую-либо ценность, для института, библиотеки и музея.

Из-за отсутствия транспорта им удалось ознакомиться лишь с основными объектами центральной части монастыря, в том числе и с монастырской библиотекой.

---

¹ Археологические экспедиции в Заонежский район // Доклады и сообщения. Филологический факультет Ленинградского государственного университета. 1951. Вып. 3. С. 290.

Первое, что узнали участники экспедиции, это тот факт, что остров совершенно не охраняется, единственные его обитатели — пять девушек-работниц метеорологической станции военного ведомства. Они-то и поведали печальную историю о судьбе монастырских ценностей. Девушки оказались невольными свидетельницами безнаказанного расхищения монастырского имущества «всеми, кому не лень, т. е. теми, кто с пароходом и с катером, а иногда и на специальных лодках попадает на этот остров».

Девушки сами лично видели, как за имуществом приходил пароход с баржей из Лахденпохьи два раза, пароход «Рига» неизвестно откуда, тоже два раза и один раз пароход «Баян» с баржей. По рассказу девушек, на остров часто заходил рыбацкий мотобот и «каждый раз увозил столько, сколько поднимал катер».

Члены экспедиции увидели на острове «следы грубого, бесшабашного хозяйничанья людей, которым важно было собрать самое ценное, разбросав остальное и даже поломав его». «В монастырских складах, как написано в отчете, все перерыто, частью переломано, часть вещей вынесена на улицу и в беспорядке разбросана, все склады открыты». «В жилых помещениях... вырваны люстры, фарфоровые раковины, печные приборы, местами содраны из печек кафельные плитки и даже сами кухонные плиты».

Но самая страшная картина ждала их в здании монастырской библиотеки. Книги, газеты, журналы в беспорядке валялись на полу. С наиболее ценных книг и даже с переплетов газет и журналов срезаны бархатные и кожаные переплеты, корешки, сняты серебряные угольники, кресты с Евангелий, Библий и Псалтырей, срезаны наиболее крепкие папки переплетов книг. Часть газет вырвана и израсходована. В частности, у команды парохода «Баян» участниками экспедиции были обнаружены две огромные подшивки газет, взятые, по их словам, из библиотеки для курения. Можно было бы продолжить список изувещ, описанных в отчете, но и этого вполне достаточно, чтобы представить себе размеры непоправимого ущерба, нанесенного Валаамскому монастырю нашими соотечественниками¹.

Не перестаешь удивляться, почему правительство республики оставило бесхозным и неохраняемым один из богатейших и уни-

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 371.

кальных памятников духовной культуры Европейского Севера. Ответ напрашивается один. Кому-то, вероятно, было выгодно держать остров неохраняемым, чтобы удобно было пожить самому. Примечательно, что основной целью вышеупомянутой экспедиции также являлся вывоз из Валаамского монастыря наиболее ценной литературы и даже мебели для нужд столичной науки и просвещения.

За две недели пребывания на острове участниками экспедиции было отобрано и отправлено в город Петрозаводск две тысячи экземпляров книг, а также все сохранившиеся подшивки газет и журналов. Так зафиксировано в отчете. При этом отмечено, что осталось еще много неразобранной литературы. Что касается оборудования монастырской библиотеки, в отчете выражено сожаление, что большая часть ее, а именно: диваны, кресла, стулья, столы — увезены из монастыря районными организациями, хотя «деревянные диваны старинного образца с оригинальной резьбой следовало бы сохранить в одном из культурных учреждений столицы». Таким образом, у официальных лиц не возникало даже мысли о том, чтобы остановить, хотя и узаконенное, разграбление Валаамского монастыря. Любопытно, что напечатанное на машинке в отчете число «две тысячи», относящееся к отобранным книгам, перечеркнуто и сверху карандашом поставлено другое — 520. В конце отчета участники экспедиции выражают пожелание совершить вторичную поездку на Валаам для продолжения обследования как Соборной, так и других церквей. «Можно предполагать, что они менее ограблены из-за трудности доступа к ним».

В архиве Карельского научного центра хранится список литературы из библиотеки Валаамского монастыря, предназначенный для Научно-исследовательского института культуры, включающий в себя сто сорок один номер. Имеются также два списка, предназначенные для публичной библиотеки, в одном — 112 наименований, в другом — 79. Приведенные цифры не укладываются даже в исправленное карандашом число. Судьба духовных ценностей Валаамского монастыря — яркий пример нашего бездушного отношения к памятникам духовной культуры. Казалось бы, война нанесла нашему народу огромный ущерб. Появилась возможность компенсировать его, так давайте же залатаем дыру. Нет, мы, наоборот, увеличили ее и притом безнаказанно.

После всего этого наивным выглядит «Итоговый отчет по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками научно-исследовательскому институту культуры Карело-Финской ССР», который также хранится в архиве Карельского научного центра¹. В числе наиболее ценных материалов, собранных в институте в течение свыше десяти предвоенных лет, в нем названы ценные рукописи, документы по истории, фольклору, языкам. Однако тут же говорится, что к моменту возобновления работы института после войны преобладающая часть архивных рукописей уцелела, так как их в 1941 году удалось эвакуировать. «Все остальное имущество и ценности института, — говорится в отчете, — разграблены или уничтожены финско-фашистскими захватчиками». Разграбленное, в частности, включает около 300 названий газет на финском и шведском языках 1840 — 1941 годов. Но нигде не упоминается, что именно эта литература, как и некоторая другая, появилась в институте после раскомплектования финских библиотек городов Выборга и Сортавалы после финской войны 1939 — 1940 гг. В архиве сохранился список литературы, вывезенный из библиотеки г. Выборга, где имеется перечень большинства указанных «в отчете по ущербу» наименований газет. Сокрушаясь о литературе, не принадлежавшей нам по праву, мы добровольно отказались от своих духовных ценностей, доставшихся нам от наших предков.

---

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 334.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОХРАННАЯ ОПИСЬ НА СОБРАНИЕ СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ К-Ф БАЗЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

1. Пролог XVI в.
2. Златоуст кон. XVI в. 4
3. Часовник XVII в. 8
4. Стихирарь XVII в. 4
5. Стихирарь XVII в. 4
6. Сборная рукопись XVI – XVII вв. 4
7. Сборник XVII в. 8
8. Минея служебная XVII в. 4
9. Апостол XVIII в.
10. Сборник конца XVII в. Содержание: Сказания о чудесах Зосимы и Савватия Соловецких. Выписки из «Проскинитария Арсения Суханова».
11. Октоих XVI в. 4
12. Минея XVII в.
13. Апокалипсис лицевой XVII в.
14. Устав XVI в. 4
15. Евангелие XV в. 4
16. Апостол XVII в. 4
17. Евангелие 1628 г.
18. Сборник богослужений крюковой XVII в. 8
19. Сборная богослужебная рукопись конца XVI – XVII вв. 4
20. Октоих конца XVI в. 4
21. Обиход XVII в. 4
22. Сборник XVII в. 8
23. Устав XVIII в. 8
24. Устав XVIII в. 8
25. Сборник XVIII в. 8
26. Евангелие XVIII в. 8
27. Сборник XVIII в. 8
28. Сборник XVIII в. 8

29. Житие Кирика и Улиты XVIII в. 8
30. Сборник XVIII в. 8
31. Стихиры заупокойные XVIII в. 8
32. Сборник XVIII в. 8
33. Последование церковного пения XVII в. 8
34. Сборник XVIII в. 8
35. Канон кресту XIX в. 8
36. Авви Дорофея поучения с добавлением XVIII в. 4
37. Стихарь кон. XVIII в. 4
38. Сборник XVIII в. 4
39. Устав конца XVIII в. 4
40. Сборник начала XIX в. 4
41. Сборник начала XIX в. 4
42. Сборник начала XIX в. 4
43. Обиход XVIII в. 4
44. Ирмологий крюковой XVIII в. 4
45. Звезда пресветлая XVIII в. 4
46. Катехизис Лаврентия Зизания XVIII в.
47. Октоих начала XIX в. 4
48. Сборная рукопись XVIII – XIX в. 8
49. Сборник богослужений XVIII в. 4
50. Сборник XVIII в.
51. Ирмосы XVIII в. 8
52. Сборная богослужебная рукопись XVIII – XIX в.
53. Ирмологий крюковой XIX в. 4
54. Канон по усопшим XVIII в. 8
55. Житие Алексея человека божия XVII в. 8
56. Выписка из кормчей и устава иноческого XVIII в. 4
57. Тропарь заупокойный XIX в. 8
58. Сборная рукопись XVIII в. 8
59. Служба и акафист Богородицы XVIII в. 4
60. Сборник начала XIX в. 4
61. Сборная рукопись XVII в. 4
62. Скитское покаяние XIX в. 8
63. Синодик нач. XIX в. 8
64. Служба Христу и молитвы Богородицы XIX в. 4
65. Сборник крюковой XVIII в. 4
66. Псалтырь XVIII в. 4
67. Указ о повечерних тропарях XVIII в. 8
68. Сборник 1795 г. 4
69. Сборник начала XIX в. 8
70. Ирмологий крюковой XVIII в. 4

71. Сборная рукопись XVIII – XIX вв. 8
72. Чин исповеди XVIII в. 8
73. Устав (иноческий) XIX в. 8
74. Ирмологий 8
75. Отпусты на владычины и богородичны праздники XIX в.
76. Два духовных стиха XIX в. 8
77. Канонник XVIII в. 8
78. Житие Василия нового и страсти Христовы XIX в. 4
79. Канонник XIX в. 8
80. Стих на богоявление XIX в.
81. Канон ангелу грозному воеводе XIX в. 8
82. Скитские покаяния XIX в. 8
83. Сказания о Епасовом образе XIX в. 8
84. Сборник XIX в. 4
85. Псалтырь XVIII в. 4
86. Чин исповеди XIX в.
87. Житие Василия Нового XIX в. 8
88. Устав мирянам XIX в. 8
89. Сборная богослужебная рукопись XVIII – XIX вв. 8
90. Каноны и ..... Богородичны XIX в. 4
91. Ирмологий крюковой XIX в.
92. Стихари Богородичны XIX в.
93. Кедейное правило XIX в.
94. Два письма XX в. неизвестному
95. Житие Евстафия XIX в. 4
96. Сборник заговоров и приговоров с прибавлением травника конца XIX в. 8
97. Повесть об именитом человеке Иване XIX в. 4
98. Повесть о царице и львице XIX в. 4
99. Молитвы в неделю пасхи XIX в. 4
100. Служба и чудеса Федоровской иконы богоматери XIX в.
101. Богослужебный сборник 1828 г. 8
102. Сборник XIX в. 4
103. Лимонарь XVII в. 4
104. Стих о Ноевом потопе XIX в. 8
105. Плач подъячего конца XVIII в. 8
106. Сборник духовных стихов XIX в.
107. Устав нач. XIX в. 8
108. Сборник богослужебный XIX в. 16
109. Молитвы Богородичны XIX в. 8
110. Учебник крюкового пения XIX в. 8
111. Скитское покаяние XIX в. 8

112. Устав келейный XIX в. 8
113. Святцы XIX в. 16
114. Тропарь Иоанну Златоусту XIX в. 8
115. Две русские песни в записи XIX в. 8
116. Сборник духовных стихов XIX в. 8
117. Стих о последнем времени XIX в. 8
118. Стих «Умоляла меня мать» XX в. 8
119. Стих узника — невольника XIX в. 8
120. Стих о блудном сыне XIX в. 8
121. Стих о втором пришествии XIX в. 8
122. Стих о Сионе XIX в. 8
123. Стих о втором пришествии XIX в. 8
124. Стих о страшном сне XIX в. 8
125. Слово Иоанна Дамаскина XIX в. 8
126. Молитва Иоанна Златоуста кон. XVIII в. 8
127. Канон за единоумершего XIX в. 4
128. Служба в четверг 5-й недели поста XIX в. 4
129. Святун к. XVIII в. 8
130. Наставление душевное нов. письма
131. Келейное правило XIX в. 8
132. Сборник духовных стихов XIX в. 8
133. Сборник духовных стихов XIX в. 8
134. Стих о пустыне XIX в. 8
135. Стих о Слоне XIX в. 8
136. Стихари на Рождество Христово XIX в. 8
137. Поминание Авдеевой нового письма
138. Фитник XIX в. 4
139. Молитвы ангелу хранителю XVIII в. 8 (2 листа)
140. Служба и слово похвальное Федоровской иконе богоматери XIX в.
141. Скитское покаяние XVII в. 8
142. Скитское покаяние XIX в. 8
143. Синодник XIX в. 8
144. Сонник XIX в. 4
145. Сборник молитв XX в. 8
146. Стихирарь на линейных нотах XVIII в. 4
147. Псалмы избранные XIX в. 8
148. Сборник духовных стихов XIX в. 8
149. Синодник XIX в. 8
150. Евангелие XVI в.
151. Молитвы XIX в. 8
152. Канон за единоумершего XVIII в. 8
153. Канон покаянен

154. Стих о пустыне
155. «О траве табак» открытый лист в раскрашенной рамке XIX в.
156. Лечебник (травник) XIX в. 4
157. О монахе XIX в. 8
158. Евангелие 1569 г. (печатное)
159. Триодъ постная и цветная XVI в. (печатная)
160. Птица Алконост, лубок XIX в.
161. Птица Сирий, лубок XIX в.
162. Житие Марии Ешкетской, лубок XIX в.
163. Сборник XVII в. 4
164. Сборник богослужебный XIX в. 4
165. «Суета сует, всяческая суета», лубок 1834 г. Сказание о траве табак XIX в. 8
166. Обиход нотный XVIII в.
167. Повесть о попе Тимофее XVIII в.
168. Повесть о попе Тимофее XIX в. 8
169. Письмо Лариона Стефановича к Евтихию Маркеловичу XIX в. 4
170. Письмо Ивана Иванова XIX в. 8
171. Псалмы избранные XVIII в. 8
172. Сборник новейшего письма 8
173. Сборник слов придворных праведников XVIII в. 4
174. Сборник мелких выписок XVIII в. 8
175. Ирмосы на линейных нотах XVIII в. 8
176. Сборник XIX в. 8
177. Сборник богослужебный крюковой XIX в. 8
178. Сборник старообрядческих коленических ...
179. Стихиры богородичны на линейных нотах XVIII в. 8
180. Письмо старообрядца новейшего письма. 8
181. 11 вопросов к Иванову Ивану Нов. Письма 4
182. Вопросы к Савы Александрову старообр. сочинение в вопросах и ответах XIX в. 4
183. Сборник богослужений XIX в. 8
184. Девять миниатюр в красках XIX в. 4
185. Стихирарь крюковой (разрозненные листы) нов. письма 4
186. Обиход крюковой нового письма 4
187. Письмо Василия Брешева 1762 г.
188. Октоих (8 тетрадей) нов. письма 4
189. Разрозненные листы из старообр. XIX – XX в.
190. Октоих конца XV в.
191. Октоих XVI в. 4
192. Азбуковник XVIII в. 4
193. Извещение о победе над Мамаем нач. XIX в. 4

- 193а. Сборник XIX в.
194. История о Калеандре и Неонильде XVIII в. 4
195. Александрия к. XVIII в.
196. Сборник XVI – XVII в. 4
197. Сборник XVII в. 4
198. Сборник XVII в. 4
199. Сборник XVIII в. 4
200. Сборник XVIII в. 8
201. Сборник XVIII в. 8
202. Сборник XVIII в. 8
203. Сборник XVIII в.
204. Сборник XVIII в.
205. Сборник XIX в. 4
206. Сборник XIX в. 4
207. Сборник XVIII в. 8
208. Сборник XIX в. 8
209. Сборник XIX в. 8
210. Сборник XIX в. 8
211. Сборник XVIII в. 8
212. Сборник XIX в. 4
213. Сборник XIX в. 8
214. Сборник XIX в. 8
215. Сборник XIX в. 4
216. Сборник XIX в. 4
217. Сборник XIX в. 8
218. Сборник XIX в. 8
219. Сборник новейшего письма 8
220. Сборник новейшего письма 4
221. Соловецкая челобитная XVIII в. 8
222. Соловецкая челобитная XVIII в. 8
223. История соловецкая Семена Денисова XIX в. 8
224. Повесть о новгородском посаднике Шиле XIX в. 8
225. Вразумления в безверии живущим 1898 г. 8
226. О благородной жене (церкви) XIX в. 8
227. О победе над Батыем (чудо Федоровской иконы) XVIII в. 4
228. Чудеса Грузинской (архангельской) иконы богородицы XVIII в. 4
229. Жития Трифона и Варлаама XIX в. 4
230. Сборник Соловецкий XVIII в. 4
231. Сборник духовных стихов XIX в. 8
232. Сборник духовных стихов новейшего письма 8
233. Сборник духовных стихов XIX в. 8
234. Сборник духовных стихов XIX в. 8
235. Сборник духовных стихов XIX в. 8

236. Стих «Среди самых юных лет» XIX в. 8
237. Стих «Возвращение в мир» XIX в. 8
238. «Умоляла меня мать» стих XIX в. 8
239. Стих «О исходе души» XIX в. 8
240. Стих о последнем времени XIX в. 8
241. Стих о страшном сне XIX в. 8
242. Сборник духовных стихов XIX в. 8
243. Сборник духовных стихов новейшего письма 8
244. Сон богородицы новейшего письма 8
245. Сон богородицы и Иерусалимский свиток XIX в. 8
246. Сон богородицы нов. письма 8
247. Сон богородицы нов. письма 8
248. Сон богородицы новейшего письма 8
249. Стих о потоке XIX в. 8
250. Стих покаянный нов. письма 8
251. Житие Ивана Богослова XVII в. 4
252. Житие Климента и Парасковьи, нов. письма 4
253. Житие Кирика и Улиты XIX в. 8
254. Житие Алексея человека божия XIX в. 8
255. Житие Анны и Екатерины XIX в. 16
256. Житие Василия Нового, новейшего письма 4
257. Житие Климента конец XVII в. 4
258. Сборник XVIII в. 4
259. Поучение о молчании новейшего письма 8
260. Поучение о спасении души XIX в.
261. Сборник XVIII в. 8
262. Сборник XIX в. 8
263. Сборник XVIII в. 8
264. Пролог XVI в.
265. Страсти Христовы XVIII в. 4
266. Зеркало богословия XVIII в. 4
267. Кириллова книга XVIII в.
268. Евангелие конца XV в. 8
269. Евангелие XVI в.
270. Евангелие XVI в.
271. Апостол XVI в. 4
272. Минея XVI в.
273. Минея XVI в.
274. Октоих XVI в.
275. Сказание о Еруслане Лазаревиче к. XVIII в. 4
276. Триодь постная XVI в. 4
277. Триодь постная XVIII в. 4
278. Минея XVII в. 4

279. Обиход XVIII в. 4
280. Обиход XVIII в. 8
281. Октоих XVII в. крюковой 8
282. Октоих XVII в. крюковой 8
283. Сборник крюковой 8
284. Октоих XVII в. крюковой 8
285. Обиход крюковой XVIII в. 4
286. Сборник богослужебный XVII в. 4
287. Сборник богослужебный XVIII в. 4
288. Сборник богослужебный XVIII в. 4
289. Сборник богослужебный XVIII в. 4
290. Сборник богослужебный XIX в. 8
291. Сборник XIX в. 8
292. Сборник богослужебный XVIII в. 4
293. Сборник богослужебный XIX в. 4
294. Сборник богослужебный XVIII – XIX вв. 8
295. Летописные заметки о с. Шуерецком начала XIX в. 4
296. Сборник XVII в. 4
297. Сборник богослужебный XIX в. 8
298. Сборник богослужебный XIX в. 8
299. Сборник богослужебный XIX в. 8
300. Чин службы в неделю пасхи XIX в. 8
301. Тропарь богородицы XIX в. 8
302. Тропарь Иоанну Предтече XIX в. 8
303. Сборник богослужебный новейшего письма 8
304. Похвала Богородице новейшего письма 8
305. Чин службы на сырной неделе. Нового письма 16
306. Скитское покаяние конца XVIII в. 8
307. Чин исповеди XIX в. 8
308. Чин пения 12 псалмов. Нового письма 8
309. Октоих конца XVII в. 4
310. Чин исповеди инокинь XIX в. 4
311. Богослужебный сборник XVII в. 4
312. Чин погребения XIX в. 8
313. Скитское покаяние XIX в. 8
314. Скитское покаяние XIX в. 8
315. Скитское покаяние нового письма 8
316. Чин исповеди мирян XIX в. 8
317. Чин исповеди мирянам XIX в. 4
318. Чин исповеди XVIII в. 16
319. Устав христианского жития XIX в. 8
320. Устав христианского жития XIX в. 8
321. Сказание о самоваре и чае, новейшего письма 4
322. Святцы XIX в. 16

323. Богослужебный сборник XVI в. 4
324. Богослужебный сборник 1597 г. 4
325. Святцы нач. XIX в. 32
326. Азбука нач. XIX в. 16
327. Азбука XIX в. 8
328. Азбука нового письма 8
329. Сборник выписок из библии XIX в. 4
330. Служебник XVII в. 8
331. Сборник конца XVIII в. 8
332. Синодник XIX в. 8
333. Разрозненные листы из старообрядческих сборников XIX — XX вв.
334. Праздники крюковые XIX в.
335. Апокалижис XIX в. 4
336. Сборник XVIII в. 4
337. Житие Василия Нового XVIII в. 8
338. Канон покаянен XIX в. 8
339. Скитское покаяние XIX в. 8
340. Поморские ответы конца XVIII в.
341. Сборник богослужебный XIX в. 8
342. Канон за единоумершего XIX в. 16
343. Молитвослов XVIII в. 8
344. Сборник XIX в. 8
345. О исповеди и покаянии XVIII в. 4
346. Сборник 1879 г. 8
347. Сборник XIX в. 4
348. Устав чтения псалтыря XIX в. 8
349. Сборная богослужебная рукопись XIX в. 8
350. Правило молебное по все дни XVIII в. 8
351. Псалтырь XIX в. 4
352. Сборник XIX в. 8
353. Молитвослов и оглавление Стоглавы XIX в. 4
354. Актывый материал XV — XVIII вв. около 50 листов (единиц). (Пам'ятка карандашом — остались 355 Святцы XIX в.)

Примечание: №№ потерянных рукописей 6, 21, 33, 46, 76, 96, 105, 110, 123 144, 149, 150, 155, 156, 165а, 192, 208, 209, 212, 219, 224, 232, 233, 242, 243, 256, 257, 260, 267, 275, 295, 296, 306, 308, 309, 310, 311, 321, 323, 324, 340 — всего 43 рукописи.

Опись составил В. И. Малышев
1947

Получил с/акты от 13/V — 1954 г. в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) мл. н. с. В. И. Малышев 3.V.1954.

Сдала зав. арх. Верюжская¹.

---

¹ АКНЦ, ф. 2, оп. 24, № 6. Орфография соответствует оригиналу.

**ОПИСЬ КНИГ, ПРИОБРЕТЕННЫХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИЕЙ В ЗАОНЕЖСКОМ РАЙОНЕ КФССР
ЛЕТОМ 1948 г.
(собрано Дмитриевым Л. А.)**

356. Толковое Евангелие от Матфея на 320 листах XVI века.
357. Евангелие на 202 листах XVI в.
358. Чудеса Богородицы на 203 листах XVIII в.
359. Духовный сборник на 408 листах XVIII в.
360. Церковный служебник на 66 листах. Состояние хорошее, писан красивым мелким поздним уставом XIX в.
361. Псалтырь на 229 листах, размер 1/листа, писано поздним уставом XIX в.
362. Псалтырь на 320 листах, начала нет, размер ¼ листа, писано поздним уставом XIX в.
363. Духовный старообрядческий сборник. Всего 149 листов, размер 1/8 листа, писан на разной бумаге разными почерками. Устав поздний XIX века.
364. Сборник с правилами церковных обрядов — крещения, исповедания, отпевания на 194 листах, размер 1/8 листа, написан поздним уставом XIX в. на бумаге синего и белого цвета.
365. Духовный сборник на 200 листах без начала и конца, размер 1/8 листа. Писан поздним уставом XVII в.
366. Апостол старопечатный, напечатан в 1597 году на 318 листах. Несколько листов в книге, очевидно, еще при их существовании были заменены рукописными, написанными красивым поздним уставом.
367. Требник старообрядческий конца XVI в. — начала XVII в. Первые 4 листа книги — оглавление требника, писано от руки ..... уставом. Всего в книге 513 листов.
368. Церковный устав на 232 листах, печатанный в Погаевской типографии.
369. «Иже во стых оць» изд. 1787 г.
за 1948 г. 14 (четырнадцать)
Принял м. н. с. Малышев¹

---

¹ АКНЦ, ф. 2, оп. 24, № 6.

СНИМКИ, СДЕЛАННЫЕ С НЕКОТОРЫХ
СТРАНИЦ РУКОПИСИ КОЛЛЕКЦИИ И. М. ДУРОВА

70

14

1935

16/35. *модернизация*

STATISTISCHESKOE UPRAVLENIE
Фин. Карелии, Сов. Сов. Респ.

И. М. ДУРОВ.

апрель 1 сентября 1924 г.) *Кол. 34.*
(hoidon 1. 9. 24. vuorokauden 1 p. 1924)

TILASTOHALLINTO Уезд Kihlakunta Волость Kunta
v. 1924
JOUHSEVA MANTALOUSTILASTO Кулякунта

ЗАПИСАНЫ
В
Е. КОЛЕЖМЕ

о хозяйствах в селении
и в деревнях и в кулях

Фамилия, имя и отчество, занимающийся корреспонденцию
Tiedot antaneen (ku-, etn. ja sukunimi)

Адрес
Osoite

от Ол. Ив. Терентьевой

По заполнении книжка отсылается в Уездное Статистическое Отделение
Täytetty viikko palautetaan kihlakunnan Tilastotoimistoon

Книжка получена (месяц и число) II "Про скокую"
Viikko saatu (kuukausi ja päivä) II "В ответи разбойниках"

Книжка дана на почту (месяц и число) III "Про скокую"
Viikko lähetetty postiin (kuukausi ja päivä) IV "В ответи на войну"

ав. т. т.

модернизация

III часть V №200 300
Заговоры и заклинания..

V-1*

(На змеиный укус *)
На море, на Кидле, на островах на Бугеи
стоит густой рахитый куст. В том густом
рахитовом кусту лежат З.ней-Шкуротней.
О, подрубенных, колодных, подколодных, по-
ховых и лесовых, з.ней-Шкуротней и з.ней-
Передрую, летучих и ползучих. Я не со-
беру, ты всех З.ней З.несвигов. и з.ней-
да подрубенных, колодных да подколод-
ных, поховых да лесовых, з.ней-Шку-
раю да з.ней-Передрую, летучих да
ползучих — Я пойду к самолю Гавришу
да св. Николаю да попрошу их напус-
титв грозного грому, грозну тучу, гро-
зы громы подобно да молнией сожго.
О, раб Христов — человек, — не ходи к само-
лю Христу, не пускай на меків грозного
грому, да грозну тучу, не дай меків гро-
мом да ни молонией, Я — раб, Христов
человек. Вытащи жала русого. Как
вода, чиста и непорожна — так, чтобы
раб Божий (имя-рек) чист, был и непо-
рочен от змеиной злобности и кена-
вистии. Во имя Отца и Сына и Свя-
того Духа. аминь.

1913. (Записки в окрестностях Г.Фейтмина
"Землекар. и Поверья в Полесье")

*) Сумского поезда.

... 24

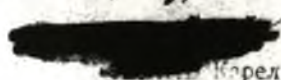
Метр.
- 284.

№ 24

Полморская.
Частушка

наших дней

Собрал и разработал

Карельского Филиала
Академии Наук СССР

Фонд № 1

Опись № 1 р. ф. Кол. 27

- 68 Единиц № 283-284

Вулканский посев
1940-1949 гг. - 1934 г. г.
1935

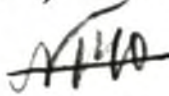

Петр. II

Полное
творчество

в былинах и стихах
духовно-правственного содержания.

I глас.
Боготы и сказаний
II глас.
Стихи святого ~~Боготы~~ ~~Боготы~~ ~~Боготы~~ и
мудрой Братии
III глас.
Рождественский, и др. содер-
жащий стихи.

Собрание

1910, 1911, 1926,

ОПИСЬ МАТЕРИАЛА, СОБРАННОГО И. М. ДУРОВЫМ

Опись коллекции № 27, ед. хр. 2-199-383. Беломорский район

2. Цветики. «Цветики-ли вы цветочки лазуревые мои». Лирическая песня.
3. Лебедь. «Ще-ль по морю, морю синему». Лирическая песня.
4. Ветры. «Вы не вейте с моря, ветры буйные». Лирическая песня.
5. Я пойду-ли схожу с горя на реченьку. Лирическая песня.
6. «Последний день красы моей...». Тюремная.
7. «Ох, ты, девица красавица моя...». Любовная.
8. «Красна девица сидела под окном...». Любовная.
9. «Не два судна в ходу...». Свадебная.
10. Офицерик. «Офицерик молодой...». Любовная.
11. «Не вечер-ли то, да вечера...». Любовная.
12. «Во тумане то пекет красно солнышко». Любовная.
13. Зазнобиночка. «Зазнобиночка-ли ты, моя». Любовная.
14. «Вечер был я на почтовом на дворе». Любовная.
15. «Да ты не стой-ко, ты не стой, мой любезный у ворот...». Любовная.
16. «У ворот девка стоит...». Любовная.
17. Плясовая. «Вы белила-румянцы мои». Семейная.
18. Плясовая. «Красны девушки не смотренные». Любовная.
19. Горы воробьевские. «Уж, вы горочки — горы». Солдатская.
20. «Утушка поплавай-ко». Любовная.
21. «Солнце закатилось...». Солдатская.
22. Протяжные песни. «Я пойду ли, схожу с горя на реченьку». Любовная.
23. «Вы не вейте-ко ветерочки буйные...». Любовная.
24. «Зазнобиночка ли ты мая...». Любовная.
25. «Где ты счастье, где моя отрада...». Любовная.
- 25а. «Ты, товарищ, дружок мой...». Любовная.
26. «Помоги родимая...». Любовная.
27. «Лучше бы я, девушка...». Семейная.
28. «Дым клубится над Невой...». Любовная.
29. «Не нападывай пороха...». Любовная.
30. Шутовская песня. «Посеял зять репку». Шуточная.
31. «Последний день красы моей». Тюремная.
32. «Ах, ты девица красавица моя». Любовная.
33. «Красна девица сидела под окном». Любовная.

34. «Не два судна в ходу...». Свадебная.
35. Офицерик. «Офицерик молодой». Любовная.
36. «Не беги догоню...». Плясовая.
37. «Полно, полно вам ребята...». Хороводная.
38. «Курявушка – курява...». Плясовая.
39. «Зелено вино в кармашке». Хороводная.
40. «Не вечер-ли, да вечера». Любовная.
41. «Во тумане-то пекет красно солнышко». Любовная.
- 41а. «Из-за кумова двора». Шуточная.
- 42 – 43. Статья Дурова. Вопли и причитания Беломорья.
- 44 – 65. Свадебные причитания. В порядке обряда (22 текста).
- 66 – 70. Причитания похоронные (5 текстов).
71. Вопль матери по сыну, взятому в солдаты. «Чего ты приехал да вернулся». Рекрутские причитания.
72. Примечания к тексту.
- 73 – 75. Причитания бытовые о женской доле (3 текста).
76. Письмо Дурова к статьям.
- 77 – 78. Статья Дурова. Заговоры и заклинания у поморов Беломорья. Материалы о бытовании жанра.
- 79 – 123. Заговоры (46 текстов).
124. Дуров. Дополнение к работе «Заговоры и заклинания у поморов Беломорья». Рукопись об информаторах.
125. Коробочка. Переделка авторской любовной песни «Эх, полна, полна моя коробочка».
126. «Вечер вечерееет, орудия гремят». Солдатская самодеятельная.
127. Последний звонок. «Не пора ли дорога проститься». Военная самодеятельная.
128. Переход лыжников через тундру. «Погода злая, ветер свистит, не видать ни зги». Военная самодеятельная.
129. Участь на фронт. «Мы садимся в вагоны, нас бедных взяли». Военная самодеятельная.
130. Исповедь. «Чем грешен свет». Солдатская сатирическая самодеятельная.
131. Смерть героя в карельских боях. «За карельскими дремучими лесами». Военная самодеятельная.
- 132 – 134. Воспоминания о гражданской войне. «В гостях у белых». Рассказ, основанный на личных воспоминаниях.
135. Терентьев. Воспоминания о гражданской войне. О бегстве Белой Армии по Поморью в 1920 г. Рассказ, основанный на личных воспоминаниях.
136. Шутовские рассказы, каламбуры и прибаутки. О пьянице. Рассказ, основанный на личных воспоминаниях.
137. Причитания в карельском Беломорье. Статья (рукопись).

138. Дуров. Характеристики воплениц, от которых собраны причитания. Сведения об исполнителях.

139 — 140. Причитания похоронные.

141. Воп по умершем жены. «Сяду я победна вдова горепашаща». Причитания похоронные.

142. Воп дочки по умершей матери. «Не ломитесь, не гнитесь». Причитания похоронные.

143. Воп матери по утопшему сыну. «Отсылаю голос на сине море соленое». Причитания похоронные.

144. Воп матери вдовы по утопшему сыну. Причитания похоронные.

145. Воп матери по взятому сыну в солдаты. «Чего ты приехал да вернулся». Рекрутские причитания.

146 — 148. Причитания на сенокосе вдовушки. Причитания бытовые (3 текста).

149 — 173. Причитания свадебные. В порядке обряда (25 текстов).

174. Сказание про Дуная богатыря и короля Кляхомивского. Баллада «Молодец и королевична».

175. Сказание про князя Дмитрия. «Во славном городе во Киеве». Баллада «Дмитрий и Домна».

176. Сказание про книгу голубинную. «На Фавор горы на высокия». Духовный стих. «Голубиная книга».

177. Сказание про Илью Муромца. «Во городе было во Муроме». Былина «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и разбойник».

178. Монах о монастырской жизни. «Прошу выслушать мой стих». Духовный стих.

179. Пустынник о пустыне. «Что за превратность». Духовный стих.

180. Помышление о смерти. «О сколь нашем на сем свете». Духовный стих.

181. О молодой юности. «Горе мне, увы мне». Духовный стих.

182. Завещание умирающей матери. «Умоляла мать родная». Духовный стих.

183. Когда дети славят Христа со звездою. «Достойно днесь удивленья». Рождественский духовный стих.

184. Стихи духовные (вступление Дурова к собранным им текстам духовных стихов). Статья о бытовании жанра.

185. Как Господь был на браки и «Мессия пришед в мир истиной». Духовный стих.

186. О втором пришествии Христовом. «Господь грядет в полуноши». Духовный стих.

187. «Попекися, душа моя». Духовный стих.

188. О страшном потопе Ноевом. «Потоп страшно умножался». Духовный стих.

189. О Борисе и Глебе князьях киевских. «Восточная держава». Духовный стих.
190. О Иосифи царевичи. «О прекрасная пустыня». Духовный стих.
191. О мучениях и страстях Христовых. «Со страхом мы, братия». Духовный стих.
192. Стихи общего содержания. Духовный стих «Человек живет на».
193. «Умоляла мать родная». Духовный стих.
194. О молодой юности. «Горе мне, увы, мне во молодой юности». Духовный стих.
195. О молодом монахе и его жизни. «Прошу выслушать мой стих». Самодеятельное стихотворение. Сатирическое.
196. О смерти. «О сколь нашим на сем свете жить плачевно». Духовный стих.
197. Пустынник о пустыне. «Что за чудная превратность». Духовный стих.
198. Книга голубиная. «На Фавор горы на высокия собиралися». Духовный стих.
199. Звезда (1 сборник). Рождественские стихи детские.
- 200 – 282. Заговоры и заклинания (82 текста).
283. Частушки (636 текстов).
284. Частушки (133 текста).
285. Статья Дурова «Песни Кемского Поморья».
286. «Нигде дружка не вижу». Любовная песня.
287. «Долина, долинушка». Любовная песня.
288. «Хорошо тому на свете жить». Любовная песня.
289. «Утром-то рано, да вечером было поздно». Любовная песня.
290. «Скучно маменька весною жить одной». Любовная песня.
291. «Не летай-ко наш соловьюшко». Любовная песня.
292. «Экой Ваня — разудала голова». Любовная песня.
293. «У Иванушки да заболела голова». Семейная песня.
294. «Зазнобиночка-ли ты моя». Любовная песня.
295. «Товарищ, дружок мой». Любовная песня.
296. «Разливалась Двина северная река». Любовная песня.
297. «Полно солнышко из-за лесу пекчи». Любовная песня.
298. «Я мала была да горя не было». Любовная песня.
299. «Отлетает мой-то соколик». Любовная песня.
300. «Как не знает-то, не знает». Любовная песня.
301. «Женихов-ли на мне не было». Семейная песня.
302. «Из-за Устьтца, из-за Устья Лодейного». Любовная песня.
303. «Близ пути-ли, было, близ дорожки». Солдатская песня.
304. «Из-за лесу, лесу темного». Семейная песня.
305. «Не ровно замуж выйдется». Семейная песня.

306. «Отпрошалася дочка от батюшки». Семейная песня.
307. «Мела, мела улочку». Любовная песня.
308. «За Дунаем гуляет казак молодой». Любовная песня.
309. «Как задумал недоросточек жениться». Семейная песня.
310. «Уж мы сядемте, ребята». Солдатская песня.
311. «Что вы, девушки, да призадумались». Семейная песня.
312. «Еще что кому, людям за дело». Любовная песня.
313. «Премилыя девушки, вы придите в гости ко мне». Любовная песня.
314. «Маменька меня ругала». Любовная песня.
315. «Пташка канарейка утешай горе мое». Любовная песня.
316. Статья Дурова «Игришные песни».
317. «Мимо сего двора миленький гуляет». Семейная песня.
318. «Вдоль по улице любезный, он похаживал». Любовная песня.
319. «Часто ходишь ты мимо моего двора». Любовная песня.
320. «У наших у ворот стоит озеро воды». Любовная песня.
321. «По синю морю корабличек бежит, таки бежит». Любовная песня.
322. «Уж ты, волюшка, ты наша воля». Любовная песня.
323. «В тысяча двенадцатом году уродилось много ягодок». Любовная песня.
324. «Не беги, догоню, красна девица-душа». Любовная песня.
325. «Из-под горки, из-под елки». Шуточная песня.
326. «Зелено вино в кармашке». Любовная песня.
327. «Полно, полно вам, ребята, чужо вино пить». Любовная песня.
328. «За что девки Ваньку любят». Любовная песня.
329. «Уж ты, Аннушка, не плачь». Шуточная песня.
330. «Я вечер в гостях гостила». Любовная песня.
331. «Кабы волюшка была». Любовная песня.
332. «Уж ты, вдовка, ты вдова, вдова». Семейная песня.
333. «Ты куда, сокол, летишь». Любовная песня.
334. «Не за реченькой мой миленький моется». Любовная песня.
335. «Не беги, моя красавица, постой». Любовная песня.
- 335а. «Не нападывай пороха». Любовная песня.
- 335б. «Уж ты, Ваня, ты, Ваня, Иван». Любовная песня.
- 335в. «Во горнице, во новой». Любовная песня.
- 335г. «Ванька кудри кудрил». Любовная песня.
- 335д. «Я по бережку ходила, гуляла». Любовная песня.
336. «Я по бережку похаживала». Любовная песня.
337. «Уж ты Ваня, Иван». Любовная песня.
338. «Уж ты Дуня, Дуня». Семейная песня.
339. «Чижик, Чижик, где ты был». Любовная песня.
340. «Догадался, догадался». Любовная песня.
341. «У наших у ворот». Семейная песня.

- 342. «Правда-ль, матушка, мне тошненько». Любовная песня.
- 343. «Я по жердочке шла». Любовная песня.
- 344. «Калены орешки-поздышки». Семейная песня.
- 345. «Уж ты, хмель, ты мой хмель». Семейная песня.
- 346. «Где бы, где бы нам девицу увидеть». Семейная песня.
- 347. «Я по бережку ходила, гуляла». Семейная песня.
- 348. «Во слободке на желтых песках». Семейная песня.
- 349. «На задворицу бежит почта». Семейная песня.
- 350. Статья Дурова «Народные гулянья».
- 351. «Прирастайтесь, прираздвиньтесь, добры люди». Любовная песня.
- 352. «Вот Василью-то выбирать». Любовная песня.
- 353. «Не одна ж я у ворот девка стою». Любовная песня.
- 354. «Ты еще ночуй-ка, ночуй да мой сердечный друг». Любовная песня.
- 355. «Лучина, лучинушка березовая». Семейная песня.
- 356. «Я капустицу полола». Любовная песня.
- 357. Статья Дурова «Песни обрядные».
- 358. «Берегитесь, ребятишки-мелкота». Солдатская песня.
- 359. «В ширину была дорожка не широка». Рекрутская песня.
- 360. «Не бушуйте-тко-сь ветры буйные со чиста поля». Солдатская песня.
- 361. Статья Дурова «Свадебные песни».
- 362. Чарочка. «Чарочка моя, серебряная». Свадебная песня.
- 363. «Уж ты, тысяцкой, тысяцкой». Свадебная песня.
- 364. Женатому мужчине. «С судном по морю, пеша бережком». Свадебная песня.
- 365. Холостым. «Во тереме девица сидит». Свадебная песня.
- 366. «Наливай, да наполнявай». Свадебная песня.
- 367. «Не знала Марья-душа». Свадебная песня.
- 368. «Сказали, что Иван вина не пьет». Свадебная песня.
- 369. «Что-ль не яфонтик по горенке катался». Свадебная песня.
- 370. Малая виноградь. «Осередь было Китая, славна города». Свадебная песня.
- 371. «Из-за морюшка, моря синего». Свадебная песня.
- 372. «По сеням было, по сенечкам». Свадебная песня.
- 373. Статья Дурова «Обыденные песни».
- 374. «Сон идет по сеням». Колыбельные песни (17 текстов).
- 375. Статья Дурова «Уличные песни».
- 376. «У девчины было две девчины». Шуточная песня.
- 377. «На веку того не слыханое». Шуточная песня.
- 378. «Как на горке на горе». Шуточная песня.
- 379. «Моя мила завиты кудряшки». Шуточная песня.
- 380. «Козелочек мой рогатый». Шуточная песня.

381. «Потайна моя подружка». Любовная песня.
382. Рассказ (в стихах) о грехопадении. Стихотворение самодеятельное.
383. Анекдоты (46 текстов).

Опись коллекции № 28, ед. хр. № 1–126.

Беломорский район, 1935 г.

1. Зазнобиночка. Любовная песня.
2. «Пойду по лужку гулять». Любовная песня.
3. «Повыдали младу да во деревню во нову». Семейная песня.
4. «Экой ты, Ваня, разудалая голова...». Любовная песня.
5. «Уж ты, мать-ли, моя мать». Любовная песня.
6. Брат-зверь. «После смерти отца дом остался один...». Баладная песня.
7. «По сениям, было, по сенечкам». Свадебная песня.
8. «Да ты не стой-ко, ты не стой, мой любезный у ворот». Любовная песня.
9. «Уж ты, Машенька ли, ты, прекрасна». Любовная песня.
10. «Уж ты, поле-ли, поле чистое». Солдатская песня.
11. «У ворот девка стоит». Любовная песня.
12. «Уж нам еще пора, уж время сей год открыться». Любовная песня.
13. «Нонь не для чего в дядюшки спешить». Любовная песня.
14. «Не ходил бы я, не гулял по этой дороженьке». Любовная песня.
15. Горы «Воробьевские». «Уж вы, горочки-горы». Солдатская песня.
16. «Красны девушки не смотренные». Любовная — плясовая песня.
17. «Есть у нашего двора...». Любовная песня.
18. «Да во первый час увидел...». Любовная песня.
19. «Да в воскресенье я видел красавицу свою». Любовная песня.
20. «По синю морю корабличек бежит». Любовная песня.
21. «На горки-горушечки». Шуточная песня.
22. «Я по бережку ходила, гуляла...». Любовная песня.
23. «Между "Великой", меж горой». Любовная песня.
24. Розова косыночка. Шуточная песня.
25. «Мне не спится, не ложится». Любовная песня.
26. «Вы, белила, румянцы мои». Семейная песня.
27. «Уж, ты, Ванюшка-Иван». Любовная песня.
28. «Солнце закатилось». Солдатская песня.
29. «Утром-то рано, вечером было поздно». Любовная песня.
30. «Распечальное у девушки сердце». Любовная песня.
31. «Что кому за дело, что я с миленьким сидела». Любовная песня.
32. «Распервой понеделничек». Шуточная песня.
33. «Ты ночуй-ко ночуй, мой сердечный друг». Любовная песня.
34. «Ты, калинушка моя, ты малинушка». Солдатская песня.

35. «Заболели мои рученьки от работушки чужой». Любовная песня.
36. «Уж я мала-то была, мала». Любовная песня.
37. «Премилые девушки, придите в гости к нам». Любовная песня.
38. «Маленькой мальчишечко в горенке сидел». Любовная песня.
39. «Развеселая была компания». Любовная песня.
40. «У порядного соседюшка». Любовная песня.
41. «На плоту было, плоту». Любовная песня.
42. «Из-под дубу, из-под вязу». Любовная песня.
43. «Красно солнышко сияет с высоты». Любовная песня.
44. «Воробышек, воробышко». Любовная песня.
45. «Во убранческой конторы...». Любовная песня.
46. «Да не яхонтик по комнатки катался». Свадебная песня.
47. «Вечер девки, вечер девки...». Шуточная песня.
48. «По утору шел детина». Любовная песня.
49. «Я по жердочки шла». Любовная песня. Плясовая. Танец «Шестерка».
52. «Батюшко с матушкой спор завели». Насильственное пострижение. Духовные стихи.
51. «На скопских горах». Духовный стих.
52. «Поздно, поздно вечерами...». Самодеятельное стихотворение. Стих узника-невольника.
53. «Братья возьмите...». Исповедь монаха. Самодеятельное стихотворение.
54. «Среди самых юных лет вяну...». Самодеятельное стихотворение.
55. О монашеской жизни. «Прошу выслушать мой слог». Самодеятельное стихотворение.
56. Мрачные цепи (монаха). Самодеятельное стихотворение.
- 56а. «Жил юный отшельник». Самодеятельное стихотворение.
57. О расколе. Самодеятельное стихотворение.
58. О пустынных жителях. Молитва монахини. Самодеятельное стихотворение.
59. «Спит Сион и дремлет злоба». Самодеятельное стихотворение.
60. Моление в Гефсиманском саду. Самодеятельное стихотворение.
- 60а. На Рождество Христово. Самодеятельное стихотворение.
61. О затворнице XX столетия. Самодеятельное стихотворение.
62. О страннице. «Ах ты пташка и бедняжка». Самодеятельное стихотворение.
63. О страннике. «Время радости настало». Самодеятельное стихотворение.
64. «Что за чудная превратность...». Самодеятельное стихотворение.
65. «Во саду было, во садику». Свадебная песня.
66. «По сеням было, по сенечкам». Свадебная песня.
67. «Судно по морю...». Свадебная песня.

68. «Экой ты, Ваня, разудала голова, ой, как голова». Любовная песня. Протяжная. Хоровая.
69. «Во саду, во садику». Любовная песня.
70. «Наливай, да наливай». Свадебная песня.
71. «Уж вы кушайте, гости бояре». Свадебная песня.
72. «Жила-была чечетка». Свадебная песня.
73. Про казака Платова. «Россия мать, Россия мать...». Историческая песня.
74. Причеть по умершем отце у дочери. «Что случилось и что сделалось».
75. Свадебный воп «Отдавать волю». Причитание свадебное.
76. Частушки (101 текст).
- 77–85. Заговоры (9 текстов).
86. Пословицы и поговорки (78 текстов).
87. Загадки (11 текстов).
88. Головоломки.
89. Загадки (65 текстов).
90. Головоломки (6 текстов).
91. Пословицы и поговорки (245 текстов).
92. Скороговорки (8 текстов).
93. Шутки и прибаутки (11 текстов).
94. Стихи альбомные (14 текстов).
- 95.¹

Песни

96. Наржавчик. «Щоль не ржавчинка-ль была на болоте». Любовная песня.
97. Лебедь. «Щоль по морю, морю синему». Любовная песня.
98. Ветры. «Вы не вейте с моря, ветры буйные». Любовная песня.
99. Дальний путь. «Кончил, кончил дальний путь». Любовная песня.
100. Дом Ромон. «Дом Ромон с высокой башней». Балладная песня.
101. Цветики. «Цветики ли, вы цветочки лазуревы мои». Любовная песня.
102. Разументик. «Уж ты, цветичек, цветичек алой». Любовная песня.
103. «Я вечёр в гостях гостила...». Любовная песня.
104. Пороха. «Не нападывай пороха...». Любовная песня.
105. Игрищная песня. «Вы раздвиньтесь, расшатнитесь». Любовная песня.
106. Песня хоровая игрищная. «Полно по улице ходити». Любовная песня.
107. Свадебная. «На ручью было на медленном...». Свадебная песня.

---

¹ В рукописи название стерто. *Прим. ред.*

108. «Уж ты, цветочек, цветочек алой». Любовная песня.
109. Дунай. «Молодец и Королевистна». Былина.
110. Свадебные песни (2 текста).
111. Свадебные песни (3 текста).
112. Свадебные песни (2 текста).
113. «Вечер был я на почтовом на дворе». Любовная песня.
114. Кисель. «В чем мне-ка, матушка, кисель растворить». Шуточная песня.
115. «Утушка поплавай-ко...». Любовная песня.
116. «Как у наших, у наших у ворот». Плясовая песня.
117. Причеть дочки по умершем отце. «Что случилось, и что сделалось». Похоронное причитание.
118. Частушки (4 текста).
119. Частушки (26 текстов).
120. Сочинения местных сочинителей на злобу дня. Стихотворения самодеятельные.
121. Моя любовь. «Вот настала весна...». Стихотворение самодеятельное.
122. Кооперация. Стихотворение.
123. Колхозная. «Стоит убогая деревня». Стихотворение.
124. Завещание матери. «Умоляла мать родная». Духовный стих.
125. Алексей человек Божий. Духовный стих.
126. Заговор.

Опись коллекции № 34, ед. хр. 1–111.

Беломорский район, 1918–1938 гг.

1. Частушки (32 текста).
2. Частушки (226 текстов).
3. Утошная. Любовная. «По синему морю кораблик бежит». Лирическая песня.
4. Любовная. «Не беги — догоню». Лирическая песня.
5. Семейно-бытовая. «Из-под горки, из-под ёлки». Лирическая песня.
6. Любовная. «Зелено вино в кармашке». Лирическая песня.
7. Любовная. «Во горнице во новой». Лирическая песня.
8. Любовная. «Полно, полно вам, ребята». Лирическая песня.
9. Любовная. «Вдоль по улице любезный». Лирическая песня.
10. Любовная. «За что девки Ваньку любят». Лирическая песня.
11. Любовная. «Уж ты, Аннушка, не плачь». Лирическая песня.
12. Любовная. «Я вчор в гостях гостила». Лирическая песня.
13. Любовная. «Чтобы волюшка была». Лирическая песня.
14. Любовная. «Ты куда, сокол, летишь». Лирическая песня.

15. Любовная. «Не за реченькой мой миленький моется». Лирическая песня.

16. Любовная. «Не беги, моя красавица, постой». Лирическая песня.

17. Любовная. «Не летай-ка, наш соловьюшко». Лирическая песня.

18. Любовная. «Догадайся, догадайся». Лирическая песня плясовая.

19. Семейная. «Уж ты, Дуня». Лирическая песня.

20. «Вот Василью-то выбирать». Лирическая песня круговая.

21. Любовная. «Не одна ж я у ворот девка стою». Лирическая песня круговая.

22. Любовная. «Прирастроньтесь, прираздвиньтесь». Лирическая песня круговая.

23. Любовная. «По задворьицу бежит почта». Лирическая песня круговая.

24. «Ванька кудри кудрил». Лирическая песня кадильная.

25. Любовная. «Право, матушка, мне тошнёшенько». Лирическая песня кадильная.

26. Семейная. «У наших у ворот». Лирическая песня кадильная.

27. Семейная. «Лучина, лучиночка березовая». Лирическая песня.

28. Любовная. «Я капусту полола». Лирическая песня.

29. Причитания свадебные (7 текстов). Свадебные песни.

30. Частушки (71 текст).

31. а) Загадки (5 текстов), б) Частушки (81 текст).

32. Частушки (33 текста).

33. Частушки (15 текстов).

34. Частушки (10 текстов).

35. Частушки (11 текстов).

36. Частушки (24 текста).

37. Любовная. «Не вечер ли то да вчера». Лирическая песня.

38. Любовная. «Зазнобиночка». Лирическая песня.

39. Любовная. «Пойду по лужку гулять». Лирическая песня утошная.

40. Шуточная. «Из-за кумова двора». Лирическая песня.

41. Семейная. «Повыдали младу». Лирическая песня утошная.

42. Любовная. «Экой ты, Ваня». Лирическая песня.

43. Любовная. «Уж ты мать, моя мать». Лирическая песня.

44. Любовная. «Во тумане-то пекёт красно солнышко». Лирическая песня.

45. Любовная. «Ветры». Лирическая песня.

46. Частушки (4 текста).

47. «Молодец и королевична». Былина.

48. «Умоляла мать родная». Духовный стих.

49. «Алексей, человек божий». Духовный стих.

50. Детские игры и развлечения (92 текста).

51. Заговоры (7 текстов).
52. Шуточная. «Чечетка». Лирическая песня.
53. «Про казака Платова». Историческая песня.
54. Любовная. «Пастушка юная младая». Лирическая песня.
55. Любовная. «Подруги». Лирическая песня.
56. Полуфольклорный. Новина. «Про Ленина и Сталина». Былина.
57. «Пьяница» (юмористическая ритмизованная проза). Рассказ.
58. Частушки (3 текста).
59. Загадки (15 текстов), пословицы (2 текста).
60. Любовная. «Бывали дни веселые». Лирическая песня.
61. Тюремная. «Ночеса мать моя скончалась». Лирическая песня.
62. Любовная. «Не шей ты мне, маменька, красный сарафан». Лирическая песня.
63. Любовная. «Никто-то меня не пожалеет». Лирическая песня.
64. Любовная. «Гуляла я девица во садочке». Лирическая песня.
65. Любовная. «Жила-была мой друг Анюта». Лирическая песня.
66. Любовная. «Эка пташка-канарейка». Лирическая песня.
67. Любовная. «Скрылось солнце за горою». Лирическая песня.
68. Любовная. «Мой милый стоит на угорье». Лирическая песня.
69. Семейно-бытовая. «Толокно». Лирическая песня.
70. Шуточная. «Ах, имела я любовника». Лирическая песня.
71. Любовная. «Сяду под рябинушку». Лирическая песня.
72. Солдатская. «В 68 году чуяли-слышали невзгоду». Лирическая песня.
73. Семейно-бытовая. «Ты послушай, солова». Лирическая песня.
74. Свадебная. «Где вы, гуси, были». Лирическая песня.
75. Самодеятельная революционная. «Два брата». Лирическая песня.
76. Семейно-бытовая. «Ванька в Питере женился». Лирическая песня.
77. Самодеятельная. «Письмо к сыну». Лирическая песня.
78. Тюремная. «Три эпохи». Лирическая песня.
79. Бытовая самодеятельная. «Песня ночной смены». Лирическая песня.
80. «Еще по морю кораблик бежит». Лирическая песня.
81. Любовная. «Из Сороки на завод две копейки перевоз». Лирическая песня.
82. Колыбельная. Фольклор для детей.
83. Свадебные причитания. По принятии военной службы.
84. Свадебное причитание.
85. «В воскресную ночь». Свадебное причитание.
86. Свадебные. «Да, слышали». Песня.
87. Свадебная. «Удалой добрый молодец». Песня.
88. Шуточная. «Кисель». Лирическая песня.
89. Заговор.
90. «Исцеление Ильи Муромца». Былина.

91. Характеристика некоторых воплощений и знахарок Беломорья.
92. «Верования о небе». Статья.
93. Любовная. «Хорошо тому на свете жить». Лирическая песня.
94. «Значение трав в народной медицине и знахарстве».
95. «Про скакуху». СУС 402 «Царевна-лягушка» = АА 400А «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену». Сказка волшебная.
96. «О девяти разбойниках». СУС 709 «Мертвая царевна». Сказка волшебная.
97. «Про черную овечку». «Золушка». СУС 409 «Мать-рысь». Сказка волшебная.
98. «О девятиглавой змее». СУС 315 «Звериное молоко» = АА 300,А «Победитель змея». Сказка волшебная.
99. «Ко дню Красной Армии». Стихотворение.
100. «Весна» (самодетельное). Стихотворение.
101. Бытовая самодетельная. «Живет Мария на Камчатке». Лирическая песня.
102. Бытовая. «Ты далеко там на Востоке...». Лирическая песня.
103. «Партия наша сплоченная» (самодетельное). Стихотворение.
104. «О Карелии» (патриотическое, самодетельное стихотворение). Песня.
105. «Краснофлотцу» (самодетельное). Стихотворение.
106. «Пожелание бойцам» (самодетельное). Стихотворение.
107. «Вскрылось наше Белое море» (самодетельное). Стихотворение.
108. Стихотворение памяти мужа.
109. «Весна» (самодетельное). Стихотворение.
110. Пояснения к поморской свадьбе.
111. Поморская свадьба. Песни свадебные (10 текстов).

**ОПИСАНИЕ МЕТОДИКИ РАБОТЫ СОБИРАТЕЛЬНИЦЫ
М. И. КАСТРОВОЙ СО СКАЗИТЕЛЯМИ
П. И. РЯБИНЫНЫМ-АНДРЕЕВЫМ И Ф. А. КОНАШКОВЫМ**

Кастрова М. И.

РАБОТА С П. И. РЯБИНЫНЫМ

(Доклад на Всесоюзном совещании по фольклору
от 10 — XII — 1940 г.).

Теперь уже давно считается общепризнанным, что сказители, сказочники, певцы и другие носители сокровищ народной поэзии являются не только хранителями, но и создателями ее. Разумеется, далеко не все исполнители фольклора — творчески одаренные лица. Их можно разделить на три группы: первая группа — низшая, это — как ее назвал С. В. Гиппиус, — «потребители песни», т. е. лица, знающие десяток другой песен и поющие их или в хору, или даже соло. Конечно, есть такие же «потребители» сказок, былин и т. д. Изменения, вносимые ими в тексты исполняемых ими произведений, большею частью чисто механические, вызванные изменениями памяти. Это — замена одних слов другими, иногда пропуск строк, иногда механическая контаминация кусков из двух и более произведений. В отдельных случаях эти изменения случайно могут быть даже удачными, чаще же они ухудшают произведения.

Нечего говорить, что не эта группа является движущей в народной словесности, а другая, гораздо более малочисленная, — группа творчески одаренных лиц. Такие лица вполне сознательно создают на ту или иную тему — традиционную или нетрадиционную — новое вполне законченное произведение. Все «изменения», вносимые в былинку, сказку, песню — вполне целесообразны. Они служат им для более глубокого раскрытия образа, или для подчеркивания в нем какой-либо социальной или психологической черты, почему-то пришедшейся по вкусу художнику-творцу, или для органического включения какой-либо темы, проходящей красной нитью через все творчество данного лица. Задача со-

бирателя — стараться находить творчески или артистически одаренных лиц, производить от них запись старого традиционного фольклора и попытаться натолкнуть их на создание новых произведений: именно такого рода работу пришлось мне проводить в 1937 году по заданию редакции «Творчество народов СССР» со сказителями (ныне орденоносцами) П. И. Рябининым и Ф. А. Ко-нашковым.

Моим первым опытом — работа со сказителем и оказание ему помощи в создании нового произведения советского фольклора (да кажется, и вообще первым опытом в СССР) — была моя работа в январе — феврале 1937 года с П. И. Рябининым. У редакции имелись неопределенные сведения о том, что Рябинин думает создать какую-то новую былину. Проверить эти сведения и подтолкнуть его на создание новой былины, предложить ему ряд тем и было первоначальным скромным заданием моей командировки в Петрозаводск, где местные партийные органы должны были мне обеспечить встречу с П. И. В первый же час нашего знакомства я выяснила, что П. И. Рябинин действительно уже два года мечтает о создании былины о легендарном герое гражданской войны В. И. Чапаеве. Он даже сам набросал (П. И. — грамотный) небольшой кусок (40—45 стихотворных строк) о выезде Чапаева «в чисто поле». Следовательно, в данном случае и молодой сказитель, и в особенности я оказались в счастливом положении. Тема у П. И. Рябинина была давно выбрана и выношена, в общих чертах был намечен и образ героя, и схема произведения, но все же предстояло много работы. Необходимо было помочь молодому автору уточнить главный образ былины, создать сюжет произведения или, во всяком случае, выработать последовательность эпизодов, создать второстепенные образы. Все это значительно облегчалось тем, что тема была избрана самим сказителем. Самостоятельность в выборе темы, по возможности без постороннего вмешательства, и длительное вынашивание ее — верный залог как хорошей совместной работы сказителя и лица, помогающего ему в работе, так и более или менее хорошего оформления произведения, ибо при вживании в тему и в главный образ у автора вырисовывается в общих чертах и соответствующая форма произведения. Для того, чтобы он мог создать хотя бы в общих чертах главный образ, необходимо, чтобы у сказителя, еще до встречи с лицом, работающим с

ним, был в руках какой-либо материал (устный, письменный или зрительный) о герое или событии, поразившем его воображение. Поэтому нельзя не признать крайне удачным выбор П. И. Рябинина, остановившего свое внимание на подвигах Чапаева. У П. И. был такой материал в руках. На общую идею его были — защита родины — повлияли, во-первых, бесчисленные рассказы участников гражданской войны о их борьбе с врагами родины — интервентами и их наймитами белогвардейцами. Во-вторых, и самому Рябину пришлось пережить налет белофиннов и быть свидетелем борьбы русского и карельского народа за свою независимость. Это и создало в нем чувство глубокого патриотизма и преклонение перед легендарными героями гражданской войны. В-третьих, в Карельской ССР, так же как и в других частях нашей родины, бытуют устные рассказы о В. И. Чапаеве. Наконец, в-четвертых, П. И. Рябинин с самого раннего детства жил окруженный образами старых традиционных богатырей: Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Микулы Селяниновича и др.

Искусство сказывания высокохудожественных «старин» о подвигах любимых героев было ему знакомо с раннего детства. Он хорошо помнит своего деда-сказителя, высокоталантливого И. Т. Рябинина, от которого он «понял» «Вольгу и Микулу», и отца сказителя И. Г. Рябинина-Андреева. Поэтому вполне понятно, что В. И. Чапаев и его подвиги представлялись П. И. в виде подвигов былинного героя.

Первым толчком к мысли о былине о Чапаеве послужил кинофильм «Чапаев», впервые просмотренный П. И. Рябининым в 1935 г. в Петрозаводске, в дни празднования столетия «Калевалы». Под непосредственным влиянием этой кинокартины П. И. тут же на заключительном заседании в дни юбилейных торжеств взял на себя торжественное обязательство — создать былинку о Чапаеве. Вскоре после этого ленинградские писатели прислали П. И. роман Фурманова «Чапаев», который он сразу прочел. Через некоторое время молодому творцу пришлось быть в Петрозаводске, и он снова сходил в кино, чтобы посмотреть «Чапая», таким образом, исходной точкой для создания былины о Чапаеве, можно сказать, основным материалом на долгое время послужили высокохудожественные произведения в других областях искусства: письменной литературе и кино. Это дало сюжетную схему, а

образ Чапаева, данный Фурмановым, в соединении с образами Ильи и Добрыни дали несколько гиперболизированного «Василия свет Ивановича», которого мы сейчас знаем по былинам П. И. И в данном случае работа Рябинина пошла по правильному руслу. Художник-сказитель ищет всегда художественно развернутых образов, от которых он мог бы оттолкнуться или которые он мог бы развить.

Поэтому произведения народного творчества, создаваемые на основе одних газетных заметок, да еще вдобавок о лицах, жизнь которых мало известна творцу, как правило, обречены на неудачу. То же можно сказать и о некоторых произведениях отдельных сказителей, появляющихся иногда чуть ли не в качестве фельетонов в областных или районных газетах. Отдельные редакции склонны видеть в народных творцах просто талантливых журналистов, моментально создающих былины или сказки на только что полученное сообщение ТАСС. Нечего и говорить о том, что такое отношение, кроме вреда, ничего не приносит.

Возвращаясь, однако, к работе П. И. Рябинина над его былинами «Чапаев» и «Сталин». Часть этих произведений была П. И. написана (приблизительно около 30%), общее количество написанных строк в «Чапаеве» равняется приблизительно 100 из 280, в «Былинах о Сталине» 80 из 180. Эти записи у сказителя играли роль черновых набросков. Каждый раз во время нашей совместной работы по оформлению былин, П. И. приносил мне и показывал небольшой (стихов 25—40) написанный им отрывок. Обычно это была основная тема той части, которую в данный день он хотел развивать и отделять. Это было сделанное былинным размером (произведение на тему. — *Прим. ред.*) наших бесед, которые мы вели накануне на ту или иную тему. В то же время эти отрывки являлись черновыми набросками, от которых автор отпаивался при дальнейшей работе над соответствующей частью своего произведения. Эти наброски так и рассматривались как им, так и мною исключительно как отправная точка работы. Из отрывка в 40 стихов попадало в окончательный текст былины без изменения так: (так — по-видимому, лишнее слово. — *Прим. ред.*) 10 стихов (если это было удачно переработанное и приспособленное к современной тематике «общее место» традиционных былин). Чаще же от него оставалось стихов 5—6. Прежде всего эти

написанные стихи сплошь и рядом «не брались на голос», в чем П. И. тотчас же сам убеждался, как только начинал «пропевать» этот отрывок. Так, в них, как правило, отсутствовали повторы и развернутые стилистические образы. При пении у П. И. Рябина как бы сами собой возникали эти повторы, и первый записанный мною с голоса вариант того или иного отрывка уже увеличился раза в полтора.

Большой знаток «общих мест», П. И. в своем создании современных былин любит применять следующий прием, который иногда ему очень удается. Он берет какое-либо традиционное «общее» место и вполне сознательно осовременивает их. Возьмем для примера выезд Чапаева «в чисто поле»: «Одевается Василий снаряжается. 2 Одевает он одежду военную. А военную одежду зелена сукна. 5 брал он с собою да саблю вострую, 4 свое длинное копье да муржамецкое, 3 карабинку брал пятизарядную, 7 кабуру с наганом на него одел. Да набрал он много бомб разрывчатых».

Это очень умелая переработка выезда Ильи Муромца в чисто поле из былины «Илья Муромец и Калин-царь».

И садился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой он доспехи богатырские
Во-первых, брал палицу булатную,
Во-вторых, брал копье боржамецкое,
А еще брал свою саблю вострую,
А еще брал ..... подорожную.

Рябинин вполне сознательно оставил из старинного вооружения то, что употреблялось во время гражданской войны: саблю и пику. «Копье все одно что пика, а пику то и не споешь, — мотивировал эту строку П. И., — а палицы то теперь нет, а люди воюют карабинками да бомбами. Отсюда соответствующая замена, отсюда иначе доспехи богатырские. Нонче все ходят в военной одежде, даже сам т. Сталин», — говорит Рябинин. В данном «общем месте» мне не пришлось сделать П. И. ни одного замечания. Но в то же время он иногда и злоупотребляет таким приемом. Так, его «Былина о Сталине» состоит почти из «общих мест», в особенности ее вторая половина. Правда, описания боев и встреч товарища Сталина с тт. Ворошиловым, Фрунзе и Буденным сделаны удачно. Совершенно неудачно прощанье тов. Сталина с женой — перелицовка прощания Добрыни с «родной матушкой». При окончатель-

ной обработке былин я указала П. И. на неуместность этого эпизода и рекомендовала его выключить, так как и перед этим, и в дальнейшем образ тов. Сталина дан сказителем в чисто общественном плане, его «семеюшка» больше не фигурирует в былине. Здесь получилось то, от чего в свое время предостерегал А. П. Чехов: «ружье к концу рассказа не стреляло». Разъяснила все это П. И. Рябину, но ему жаль было этого эпизода. Тогда я предложила ему другой выход: ввести в конец былины не только встречу трех героев (тт. Сталина, Ворошилова и Буденного с В. И. Лениным), но и встречу тов. Сталина с семьей. Однако при этом я предупредила сказителя, что, по-моему, это будет нехорошо, так как сразу снизится весь тон былины и образ т. Сталина — борца с б-лыми, который в общем П. И. удался. Он с этим вполне согласился, но сказал, что он еще подумает о прощании тов. Сталина. На другой день, к моему изумлению, сцена прощания все же осталась, но она была переработана до неузнаваемости. Это оказалось прощание с В. И. Лениным, отправляющим тов. Сталина на фронт, но сейчас же после первого исполнения мне сам П. И. нашел, что это неудачно. Слова, вложенные в уста тов. Сталина в ответ на предостережение «Не пади от пули неприятельской» — «Не такой родился я, чтобы воевать не знал», по мнению сказителя, звучали слишком непочтительно по отношению к Владимиру Ильичу. И сейчас же сцена была переимпровизирована заново.

Вместо В. И. Ленина было введено новое коллективное действующее лицо: «народ — люди добрые», остающиеся в Москве и тепло прощающиеся со своим любимым вождем. «А кто остались то? Дети да старики! Им Иосиф Виссарионович мог так сказать». В связи с этим в финале былины появилась и лишняя строка, оправдывающая это прощание. «Тут встречал их народ — люди добрые». Большая часть былин, как я уже говорила раньше, импровизировалась. Приблизительно три четверти, как «Былины о Чапаеве», так и «Былины о Сталине», были симпровизированы устно. Буквально каждый стих новых былин П. И. брал всегда нараспев. Он мыслил себе свои произведения как такие, которые будут в первую голову сказываться, а потом уже печататься и читаться, и в себе он видел прежде всего сказителя, а потом уже писателя. Если написанный или симпровизированный стих не укладывался в былинный напев, то автор моментально его видоизме-

нял. Следует сказать, что сперва П. И. диктовал мне большие куски своей былины, я их записывала со слов, а затем их зачитывала сказителю. После этого он мне его начинал тут же «пропевать». Я держала перед собой записанный со слов текст и следила за ним с карандашом в руках. Как правило, текст я записывала на одной стороне тетради, оставляя другую свободной для каких-либо больших (в несколько стихов) вставок. Небольшие вставки («а», предлоги), перестановки слов, замена предлогов частицами и т. п. вносились мною тут же в текст, как это обычно делается (когда... «с голоса» записанную со слов песню). Как правило, здесь уже я не делала никаких указаний и не давала никаких советов П. И. Он безупречно владеет каноничным в роду Рябининых 11 или 13-сложным былинным стихом с цезурой в середине и с ударением на 3-м слоге с конца. Нежелательные плеоназмы сказитель, как правило, замечал сам и иногда поправлял их собственноручно в моей записи.

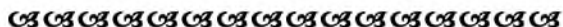
В чем же, спрашивается, выражалась моя помощь П. И. Рябинину? Темы были выбраны им самим самостоятельно, художественный материал о Чапаеве был ему уже известен, форма произведения была выбрана, размером он владеет. При создании былины о Чапаеве П. И. столкнулся прежде всего с недостатком материалов об этом герое, и пополнить этот недостаток было моей первой и основной задачей. Сюжет «Чапаева» Фурманова был им несколько забыт. Мне пришлось ему его напомнить. Сначала я его просто пересказала, но этого было недостаточно, так как это оказался схематичный, протокольный пересказ, тем более что я сама его не перечитывала перед этим. Я хорошо осознавала, что это мало что даст, и прибегнула к этому по необходимости. Как это ни странно, но в библиотеке КНИИ, где я встретилась с П. И. Рябининым, не нашлось ни одного экземпляра произведения Фурманова. Я попросила приготовить к следующему дню всю имеющуюся у них литературу и альбомы о Чапаеве, достать где-нибудь повесть Фурманова, а пока что пересказала своими словами сведения из 1-го тома «Истории гражданской войны». Это несколько пополнило сведения сказителя, больше же всего ему дали иллюстрации «Истории гражданской войны». Сведения помогли ему разработать схему сюжета былины, иллюстрации же, дав соответствующие зрительные впечатления, натолкнули на создание от-

дельных кусков. Мой рассказ продолжался с перерывом часа два. Я всячески старалась, чтобы он по возможности не сбивался на лекцию. Во всяком случае, можно было ожидать незначительных результатов от первого дня работы, т. е. простое изложение фактов не могло дать достаточно пищи П. И.

На следующий день я получила в библиотеке института «Чапаева» Фурманова, какую-то брошюру о Чапаеве и, пожалуй, самое важное в моей работе — «чапаевский альбом» с рядом фотографий и карт. Вместо того, чтобы предложить пересказ «Чапаева», я решила обогатить сказителя новыми для него зрительными впечатлениями. Именно с этой целью я и воспользовалась альбомом. По поводу почти каждого фото П. И. ставил мне вопрос, и на основании моих ответов у него уточнялся сюжет былины о Чапаеве. На следующий день былина выросла с 40 до 150 стихов: появились новые части, тяжелое детство, прощанье с матерью и детьми во время сборов на войну, получение ордена Красного Знамени, посмертная слава Чапаева. Материалом для этого послужили следующие фотографии: Чапаев — участник первой империалистической войны, фотографии взрослых детей Чапаева, орден Красного Знамени и текст о награждении им Чапаева, памятник Чапаеву в Куйбышеве. Можно было сразу убедиться в необходимости зрительных и эстетических впечатлений для успешной работы сказителя и в недостаточности, если не непригодности одних сухих фактических сведений. Однако то обстоятельство, что П. И. Рябинин после моей «лекции» создал несколько небольших кусков былины, привело меня к неправильному выводу. Я совершенно упустила из вида, что мой сухой пересказ событий на Восточном фронте вызывал в памяти П. И. знакомые ему по художественному произведению образы и сцены. Не учтя этого, я решила, что работу со сказителем можно начинать с пересказа тех или иных событий и уже для дальнейшей детальной проработки необходимы зрительные впечатления. Эту ошибку я сделала при работе с Ф. А. Конашковым над былиной о братьях Лагода. Считаю, что именно в силу того, что Ф. А. создавал эту былинку, пользуясь газетными отрывками, она и вышла слабой.

Окончательный свой вид «Былина о Чапаеве» получила у П. И. Рябинина уже после его приезда в Москву в последних числах января — первых числах февраля 1937 г. В первый же

выходной день мы отправились с П. И. Рябининым в музей Красной Армии, с тем чтобы он смог получить там новый зрительный материал для роли тов. Сталина в гражданскую войну. Мы обошли весь музей, присоединившись к экскурсии одиночек. Однако этого оказалось мало любознательному сказителю. По поводу отдельных экспонатов (преимущественно редких), особенно интересовавших его, П. И. мне ставил вопросы. Я отвечала, развивая материал как отдельных, так и общих этикеток. Получилась как бы вторая экскурсия, углубляющая материал первой. Соединение этих экскурсий дало опять-таки самые благоприятные результаты, благодаря тому, что П. И. смог получить ответы на все интересующие его вопросы. В этот же вечер я записала под его диктовку почти всю былину о Сталине. Но эта же экскурсия не прошла бесследно и для считавшегося законченным «Чапаева». Сильно выросла переправа через Белую и развилась в отдельную часть состоявшая ранее из трех строк победа Красной Армии над белыми.

М. И. Кастрова записывает былину о Чапаеве от сказителя былин
П. И. Рябина-Андреева 21.01.1937 г.

Былина, имевшая в своей последней редакции 240 стихов, увеличилась еще на 40. В окончательной редакции она состоит из 280 стихов. Пожалуй, наиболее эффективной оказалась вторая часть экскурсии — самостоятельная. Именно она отразилась больше всего в былине о Чапаеве. Общая экскурсия тоже сделала свое дело: именно после нее все произведение было автором сильно заострено политически.

По отношению к «Былине о Чапаеве» трудно говорить о вариантах. Пожалуй, что можно говорить «в двух вариантах» — первый в 240 стихов, привезенный мною из Петрозаводска, и второй — в 280 стихов, сделанный сказителем окончательно в Москве. В былине о Сталине мы не имеем больших расхождений в размерах былины, но все же можем говорить тоже о двух вариантах. Кроме этих двух основных вариантов как в той, так и в другой былине мы имеем ряд расхождений. Как же они возникли? Моя роль в возникновении их была минимальна, так же и в их стихотворной обработке. В основном П. И. «чистил» свои былины сам. Обычно наша совместная работа по записи начиналась с того, что я по его просьбе читала медленно вслух записанный накануне с «голоса» текст. Если П. И. не нравилась какая-либо строка или даже абзац, то он тут же останавливал меня, просил вычеркнуть неудачный по его мнению отрывок и сейчас же заменял его другим, приблизительно соответствующих размеров. В некоторых случаях он брал мой черновик и сам вписывал 2—3 стиха, тут же пришедшие ему в голову. Должна отметить политическую чуткость П. И. Рябина. Ряд отрывков он выкидывал, так как находил их политически неверными или слабыми. В итоге в обеих его былинах мы имеем своеобразное сочетание народных представлений о событиях, сведений, почерпнутых от меня и от музейных лекторов, вычитанного из книг, просмотренного в кино и собственной творческой фантазии.

Не все события в былинах соответствуют историческим фактам. Моя помощь выразилась главным образом в композиции былин, т. е. в расположении событий в правильной исторической последовательности¹.

¹ АКНЦ, ф. 1, оп. 3, № 288, с. 21—24. Пропуски в тексте соответствуют оригиналу.

РАБОТА С Ф. А. КОНАШКОВЫМ

(Доклад на Всесоюзном совещании по фольклору)

Вся моя работа с П. И. Рябининым продолжалась в общей сложности 2 недели, и за это время им было создано 2 былины. Такая быстрота и продуктивность работы объясняется тем, что, как я уже говорила выше, и тематика, и центральные образы были выношены П. И. Рябининым задолго до нашей встречи. Гораздо труднее и медленнее протекала моя работа с Ф. А. Конашковым. С последним я проработала почти месяц; результатом этой работы явилась сказка «Самое дорогое», напечатанная в томе «Творчество народов СССР».

Когда я встретила с Ф. А. Конашковым, то у него не было никакой темы. У него была только общая идея — новая жизнь лучше старой. Эта идея у него первоначально воплощалась упорно в форме...

Материалом послужили впечатления Ф. А. Конашкова от его приезда в Москву и от сравнения Москвы 1937 года с Москвой 1928 года. За месяц своего пребывания Ф. А. Конашкову пришлось несколько раз ездить в редакцию тома «Творчество народов СССР» на автомобиле, в ИФЛИ и в МГПИ — на метро, пользоваться троллейбусами и т. д. Поэтому первое, что у него возникло, — это рассказ о Москве с ее разнообразными способами передвижения, причем автомобили у него назывались рысиками, троллейбусы — богатырями, мотоциклы — жеребчиками. Помимо этого в рассказе фигурировали трамваи, которых обгоняли рысак. Длинные, широкие, хорошо освещенные и асфальтированные улицы, столовые, которыми нам тоже приходилось пользоваться, и «сад на Красной площади» — все это называлось «Сказка про Москву красную».

Второй отрывок был посвящен метро — «Сказка про метру подземельную». Третий, который Ф. А. называл «Сказка про ероплан быстрый». Это был рассказ о прилете первого аэроплана в с. Семеново Пудожского р-на, на родину сказителя.

Эти три отрывка были созданы приблизительно в течение двух недель наряду со многими другими («Сказка про радиву», «Сказка про колхозы», «Сказка про жисть стариков» и т. д.).

Все эти отрывки были колоритны по языку, но в них не было ничего сказочного. Пришлось мне подсказать Ф. А. о необходимости объединения всех отрывков в одно. Я предложила ему сюжет поездки в Москву. Он сразу изобрел трех колхозников, причем он сам фигурировал в виде старика Федора, хозяин квартиры, где он остановился, — Олексей-колхозник, и я была превращена в Марьюшку-колхозницу. Первоначально сюжет был таков: приезд колхозников в Москву и их впечатление от нее: мечты каждого о приобретении себе той или иной машины, совместная поездка в метро, внезапный отъезд Федора-старика на родину и его путешествие по Беломорскому каналу, обратный «прилет» на аэроплане, встреча с товарищами и совместное посещение ими тов. Сталина. Получается довольно длинный рассказ, почти лишенный элементов фантастики. Пожалуй, единственным элементом была внезапная встреча трех товарищей на Красной площади. («Думали Олексея век не видать, а Олексей сидел во глазах».) Я все время пыталась разъяснить Ф. А., что не получается сказка, так как нет фантастики, а он мне упорно доказывал, что фантастику в современную сказку не введешь, что нельзя ввести ни волшебного города, ни ковра самолета, ни гуслей-самогуд и т. д.

Как-то он мне раздраженно сказал: «Да что ж нам не на машине что-ль ехать, а за клубочком идти?» Я ухватила за эту мысль. «Ф. А., вот хорошо-то будет, если колхозники все время будут за клубочком ходить! Попробуйте-ка так рассказывать!» Появился клубочек — и вместе с ним рассказ превратился в сказку. Но вместе с ним потребовалось и новое начало. Раньше рассказ начинался словами «С Корелии выехали три колхозница...». Ф. А. это заметил: «Теперь нать сказывать, как они с клубочком пошли». И это начало было изобретено. Лучший знаток и исполнитель былин в Заонежье в наше время, Ф. А. Конашков взял было для начала сказки типовое былинное начало: пир и общее место хвастовства на пиру; город Киев был заменен «карельским колхозом», а князь Владимир — председателем. В конце картины хвастовства рассказывалось, что председатель предлагает трем колхозникам идти в Москву и говорить с т. Сталиным. Далее

следовало появление клубочка и путешествие колхозников. Хвастовство на пиру звучало по отношению к современным колхозникам фальшиво: например, «а безумный хвастает молодой женой». В особенности же политически неверно в таком обрамлении было задание — идти в Москву. По ассоциации с традиционным зачином старинных былин это воспринималось как трудовой подвиг (ср. былины «Василий Казимиров», «Сухман», «Потык» и др.) и неизбежно требовало переработки. Кроме того, былина, сказка и сказ давали сильный стилевой разнбой. Путешествие колхозников по стране вызывало у меня ассоциацию с «Кому на Руси жить хорошо». Я прочитала вступление Ф. А. и предложила ему вместо хвастовства дать спор колхозников о том, что есть самое дорогое. Конашков согласился, но сначала был создан под прямым влиянием Некрасова конспект того, что мы сейчас имеем: «Бабы говорят — коровы, а мужики — хлебец, а рыбаки...» Здесь Ф. А., старый рыбак, «развернулся» и дал тот отрывок, который мы сейчас имеем, затем, взяв за образец «Вольгу и Миклу», развернул речь пахарей, которых тут же назвал «оратаями», и, наконец, слова баб.

После моих указаний о политической неправильности задачи — поехать в Москву к тов. Сталину, Ф. А. стал слишком усердно вставлять в свою сказку отдельные политические злободневные моменты в виде переложения лозунгов и этим художественно портить свою сказку. Выходило какое-то навязывание слушателю лозунгов, и наконец в связи с этим производил более слабое впечатление. Так, например, в словах рыбаков после перечисления различных рыб следовала фраза: «Государству рыбу отдадим, уху наварим» и т. д.

Между садом и музеем Ленина был эпизод посещения столовой; кончался он словами Алексея: «Это и есть, наверно, самое дорогое и самое хорошее, потому что нет у нас голодных. Кто не работает, тот не ест».

В эпизоде посещения тов. Сталина беседа его с колхозниками излагалась следующим образом: «и стали они мудрые вопросы спрашивать и самый главный вопрос, как им жить все лучше и богаче». Пришлось останавливать Ф. А. и указывать, что не обязательно перефразировать все лозунги в сказке, что многое ясно из самого конца и из начала. Ф. А. покорно согласился. Отдельные

лозунги («кто не работает», вопрос о зажиточной жизни) я просто выкинула сама в порядке редакторской правки. Сказка была сделана. Далее предстояла чисто стилистическая правка. Она вылилась в сокращение повторений и отдельных растянутых описаний.

Таким образом создалось «Самое дорогое», являющееся, по моему мнению, образцом советской сказки, всюду широко известной. Основное ее достоинство то, что явление современности Конашков пропустил сквозь известные ему сказочные и былинные образцы и стилистически оформил соответствующим образом.

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна, русская душою... (Е. И. Маркова)	5
Введение	14
Изучение народной культуры Карелии в XIX веке (краткая характеристика)	21
Основные направления в изучении народной культуры Карелии при образовании КНИИ	31
Собирание и изучение русского фольклора Карелии в 1920—1930-е годы	43
Открытие А. Н. Нечаевым поморского сказочника М. М. Коргуева, характеристика его исполнительской манеры	62
Попытки создания советского фольклора сказителями Карелии	125
Судьба некоторых памятников духовной культуры Карелии	155
Приложение	170

Научное издание

Татьяна Ивановна Сенькина

**ЗАБЫТЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ КАРЕЛИИ**

Очерки и материалы

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Подготовка рукописи и компьютерный набор *Н. В. Лезина*
Оформление обложки *И. В. Хеглунд и В. А. Тарутин*
Редактор *Л. В. Кабанова*
Оригинал-макет *Т. Н. Люрина*

Подписано в печать 19.02.2012 г. Формат 60х84¹/₁₆.
Гарнитура BalticaС. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 10,8. Усл. печ. л. 12,8. Тираж 300 экз. Изд. № 163.
Заказ № 28

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50